
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
В МГИМО
ЖУРНАЛ
№ 3 (15) 2018

Издательство
«МГИМО-Университет»
2018

Редакционная коллегия:

Главный редактор, Председатель редакционной коллегии – Иовенко Валерий Алексеевич,

д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Зам. главного редактора – отв. секретарь – Ивушкина Татьяна Александровна,

д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Зам. главного редактора – Евтеев Сергей Валентинович,

канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);

Smirnova Ludmila – PhD, prof. (Mount Saint Mary College, New York, USA);

Алексахин Алексей Николаевич – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Балдицын Павел Вячеславович – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова);

Гладкова Елена Львовна – канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);

Голубкова Екатерина Евгеньевна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГЛУ);

Гуревич Татьяна Михайловна – д-р культурологии, к.филол.н., профессор (Россия, Москва, МГИМО);

Иванов Николай Викторович – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Кизима Марина Прокофьевна – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Лосева Наталья Владимировна – канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);

Набати Шахрам Сирус – к.филол.н., доцент (Исламская республика Иран, Решт, Гилянский университет);

Позднякова Елена Михайловна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Пономаренко Евгения Витальевна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Репенкова Мария Михайловна – д-р филол.н., доцент (Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова);

Храмченко Дмитрий Сергеевич – д-р филол.н., доцент, проф. (Россия, Тула, ТГПУ им. Л.Н. Толстого).

Чеснокова Ольга Станиславовна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, РУДН);

Штанов Андрей Владимирович – канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);

Шубина Эльвира Леонидовна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Ястребова Елена Борисовна – канд. пед. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО).

Филологические науки в МГИМО: Журнал. № 3 (15) 2018 / Гл. ред. В.А. Иовенко. – М.: МГИМО-Университет, 2018. – 138 с.

В журнале публикуются статьи российских и зарубежных ученых, педагогов, аспирантов и магистрантов. Выходит ежеквартально.

Рубрики: лингвистика и межкультурная коммуникация; переводоведение; инновационные методики и компетентностный подход в преподавании иностранных языков; литературоведение и лингвокультурология.

В журнал принимаются статьи на 10 языках: русском, английском, немецком, французском, испанском, итальянском, китайском, японском, арабском, хинди.

Журнал включен в Перечень ВАК (с 6 июня 2017 г.) по специальностям «10.01.00 Литературоведение», «10.02.00. Языкознание»; EBSCO, РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС 77-66596 от 21 июля 2016 г.

ISSN 2410-2423

© Московский государственный институт
международных отношений (университет)
МИД России, 2018

© Коллектив авторов, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Казачкова М.Б., Гафиятова Э.В., Калинкина Т.Е. Культурные традиции в стереотипах поведения профессиональной языковой личности	5
Климович Н.И. Восприятие политического дискурса: коммуникативно-прагматическое измерение	14
Кукина Н.В. Варьирование в аббревиации топонимов (на материале современного немецкого языка)	25
Сергиенко Н.А. Лингвокогнитивные категориальные блоки в структуре лингвоментальной субсферы <i>семья</i> в русской, украинской, британской и американской лингвокультурах	32
Шалюхина А.В. Глаголы речи как средство выражения эмпатии в испанском языке	40
Шаховский В.И. Жизнь языка в медиа-коммуникации (размышления лингвиста как потребителя медиаконтента)	47
Яковенко Э.В. Явление геминии в фонологической системе современного литературного арабского языка	63

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Чигашева М.А. Необходимость и возможность адаптации текста общественно-политической тематики при переводе с немецкого языка на русский	71
---	----

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДИКИ И КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Полехина М.М., Камышева С.Ю. Преподавание дисциплин филологического цикла: инновационные подходы и ценностные приоритеты	78
E. Savchuk, E. Syschikova Las peculiaridades metodológicas del uso del Spanglish como instrumento lingüístico y cultural en la clase de ELE	85

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Демкина А.В. Трансформация темы антагонизма в политическом дискурсе испанской партии Подемос	95
Елистратов В.Э., Хабибуллина Л.Ф. Архетипический сюжет в современной литературе (на примере романа Ф.Р. Шрайбер «Сивилла»)	104
Караваева Е.М. Роль феномена сестринства в произведениях Эми Тан и Чен Ран	111
Ларина Т.С. Директивный речевой акт <i>приказ</i> в немецкоязычной лингвокультуре (на материале произведения Фрица Хохвельдера «Приказ»)	118
Лихолетова О.Р. Эпистолярный дискурс как отражение национального мировоззрения японцев	126
Филистова Н.Ю. Лингвистические особенности категории художественного времени (на примере психологических рассказов М. Спарк)	132

CONTENTS

LINGUISTICS AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

M.B. Kazachkova, E.V. Gafiatova, T.E. Kalinkina CULTURAL TRADITIONS IN STEREOTYPES OF PROFESSIONAL LINGUISTIC PERSONALITY BEHAVIOUR.....	5
N.I. Klimovich PERCEPTION OF POLITICAL DISCOURSE: COMMUNICATIVE-PRAGMATIC DIMENSION	14
N.V. Kukina VARIATION IN THE ABBREVIATION OF TOPONYMS (ON THE BASIS OF <i>MODERN GERMAN</i>).....	25
N.A. Sergienko LINGUO-COGNITIVE CATEGORIAL CLUSTERS IN THE STRUCTURE OF LINGUO-MENTAL SUB-SPHERE <i>FAMILY</i> IN RUSSIAN, UKRAINIAN, BRITISH AND AMERICAN LINGUO-CULTURES	32
A.V. Shalyukhina SPEECH VERBS EXPRESSING EMPATHY IN SPANISH	40
V.I. Shakhovskiy THE LIFE OF LANGUAGE IN MEDIA COMMUNICATION (LINGUISTIC MEDITATION ON THE CONSTITUTIVE FUNCTION OF LANGUAGE)	47
E.V. Yakovenko GEMINATION IN THE PHONOLOGICAL SYSTEM OF THE ARABIC LANGUAGE.....	63

TRANSLATION SCIENCE

M.A. Chigasheva NECESSITY AND POSSIBILITY OF ADAPTATION OF SOCIO-POLITICAL TEXTS WHEN TRANSLATING FROM GERMAN INTO RUSSIAN	71
---	----

INNOVATIVE METHODS AND COMPETENT APPROACH IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

M.M. Polekhina, S.Yu. Kamyshcheva TEACHING PHILOLOGICAL DISCIPLINES: INNOVATIVE APPROACHES AND VALUE PRIORITIES	78
E. Savchuk, E. Syshikova METHODOLOGICAL PECULIARITIES OF USING SPANGLISH AS A LINGUISTIC AND CULTURAL INSTRUMENT IN THE FRAMEWORK OF TEACHING SPANISH AS A SECOND FOREIGN LANGUAGE	85

LITERATURE AND LINGUOCULTUROLOGY

A.V. Demkina TRANSFORMATION OF THE THEME "ANTAGONISM" IN THE POLITICAL DISCOURSE OF THE SPANISH PARTY "PODEMOS"	95
V.E. Elistratov, L.F. Khabibullina PROTOPLOT IN MODERN LITERATURE (CASE STUDY OF <i>SYBIL</i> BY F.R. SCHREIBER)	104
E.M. Karavaeva THE PHENOMENON OF SISTERHOOD IN AMY TAN'S AND CHEN RAN'S WRITING	111
T.S. Larina DIRECTIVE SPEECH ACT <i>ORDER</i> IN GERMAN LINGUOCULTURE (BASED ON THE WORK OF FRITZ HOCHWÄLDER «DER BEFEHL»)	118
O.R. Likholetova EPISTOLARY DISCOURSE AS THE REFLECTION OF NATIONAL WORLDVIEW OF THE JAPANESE	126
N.Yu. Filistova LINGUISTIC PECULIARITIES OF THE CATEGORY OF TIME (ON THE BASIS OF PSYCHOLOGICAL STORIES BY M. SPARK)	132

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ В СТЕРЕОТИПАХ ПОВЕДЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

М.Б. Казачкова, Э.В. Гафиятова, Т.Е. Калинкина

Одинцовский филиал МГИМО МИД РФ,
143007 Московская область, г. Одинцово, ул. Ново-Спортивная, д.3
Казанский федеральный университет ИФМК им. Льва Толстого,
420000, г. Казань, ул. Татарстана, д.2
НОУ ВПО Университет управления «ТИСБИ»,
420012, Россия, Казань Муштари, д.13

В статье представлены результаты сопоставительного анализа, нацеленного на выявление стереотипов языка и стереотипов мышления в 1 412 прецедентных текста трёх профессиональных культур: гражданской авиации, лесного дела и конного спорта. В качестве дополнительного материала для подтверждения основных выводов исследования привлекались номинативные единицы профессиональных языков изучаемых культур. Показано, что стереотипы поведения, языка и мышления профессиональных культур связаны отношениями референта, знака и понятия. Информация о стереотипах поведения и мышления профессионального сообщества аккумулируется поколениями профессионалов и хранится в единицах профессионального языка и прецедентных текстах. Успешная социализация нового агента института, сопровождающаяся усвоением стереотипов всех уровней, т.е. языка, мышления и поведения, предполагает готовность лица осуществлять коммуникацию и действовать в стандартных и нестандартных профессионально значимых ситуациях. Выявлено, что профессиональные сообщества фиксируют стереотипы низкого регистра коммуникации в ограниченном спектре субстандартных жанров: поговорки, (анти)пословицы, афоризмы, приметы, анекдоты, байки, тосты, частушки. Тематический изоморфизм стереотипов мышления реализован в прецедентных текстах о труде, профессиональной гордости, объектах профессиональной деятельности, противопоставлении чужих и своих, опасности, страхах. Типичными при номинировании референтов в прецедентных текстах являются дисфемизация и ирония.

Ключевые слова: стереотип поведения, языковой стереотип, номинация, прецедентный текст, изоморфизм, дискурс, профессиональный язык, социум, норма.

В фокусе представленной работы – традиции, нормы и стереотипы профессиональных институтов, объективированные в низком профессиональном дискурсе и не имеющие смысловых параллелей в высоком регистре. Изучаемые феномены традиционно имеют высокую степень влияния на институциональные контакты, отношения между профес-

сионалами, и в конечном итоге – на профессиональную деятельность.

Современная отечественная научная парадигма имеет достаточно давние традиции изучения профессиональных норм и традиций: изучены и детально описаны структура и типы профессиональных сообществ [36], глубокому анализу подвергнуты нормы и стереотипы про-

фессионального поведения, объективированные в профессиональном дискурсе [37],[11],[27]. Однако далеко не все профессиональные языки как знаковые системы, т.е. как основа культуры и её коды, рассмотрены в полном объёме. Следует признать, что в последние десятилетия в отечественном научном дискурсе появилась тенденция к осмыслению категорий этно- и профессиональной культуры. Особо значимой составляющей исследований такого рода считаем исследование стереотипов в текстах профессионального дискурса низкого регистра. При этом стереотипы, роли и ситуации объективированы и свойственны как для профессионалов, т.е. агентов профессионального института, так и для клиентов профессиональных социумов, т.е. своих и чужих. Например, для профессионального сообщества гражданской авиации противопоставление «агент института – клиент института» реализуется в дихотомии «лётный состав – пассажиры», для конного спорта – «спортсмен – зритель», для лесного хозяйства – «лесник – покупатель лесной продукции».

Профессиональная деятельность как особый вид деятельности в настоящее время рассматривается в контексте этических проблем и проблем формирования профессионального статуса [35]. При этом длительный и многогранный процесс формирования статуса профессионала предполагает получение знаний, развитие навыков и компетенций. Очевидно, что система информации, необходимая профессионалу, двухчастна и имеет в своём составе два взаимодополняющих компонента: 1) облигаторные общепрофессиональные знания, навыки и компетенции, приобретаемые в процессе профессионального обучения и производственной практики, которые необходимы для выполнения профессиональной деятельности; 2) знания о нормах и стереотипах профессионального сообщества, приобретаемые в процессе социализации с агентами данного профессионального сообщества [28].

Сам процесс социализации в профессиональном сообществе есть воздействие традиций, норм и стереотипов, сформированных определённым профессиональным сообществом, на личность: «Где существует человек, там существует и традиция. Если человек живёт среди людей, то он уже не может отрешиться от культуры – культура придаёт ему форму или, напротив, уродует его, традиция захватывает его и формирует его голову и формирует члены его тела» [6, с. 231].

Способы выполнения определённых видов профессиональной и «околопрофессиональной» деятельности, а также сам выбор между возможными видами деятельности во многом зависят от усвоенных профессионалом навыков и стереотипов. Так, например, приветствие пилотов прикладыванием руки к козырьку головного убора, принятое в авиации, есть следование стереотипу и проявление уважения к членам сообщества. В профессиональной культуре конного спорта обгон всадника при движении в колонне разрешён только в том случае, если конник движется шагом. При этом остановка впереди идущего всадника рассматривается как норма высокой профессиональной культуры. Правило, которому должен следовать лесоруб при валке леса, предупреждает: «недопил так же опасен, как перепил» [17].

Изучаемые нами профессиональные социумы не являются контркультурными, т.е., являясь составными частями национальной культуры, они принимают общенациональные нормы и дополняют их собственным «этикетом», сводом правил, в котором выделяют формальные стереотипы – нормативы (Устав, должностные инструкции) и негласные правила. Например, в соответствии со статьей 17. Запрещение или ограничение использования воздушного пространства «Использование воздушного пространства или отдельных его районов может быть запрещено или ограничено в порядке, установленном Правительством Российской Федерации» [5]. А негласные правила авиации запрещают лететь, если пилоту пришлось вернуться домой за забытыми вещами [18].

Нормы поведения могут носить общий характер (для всей гражданской авиации или для всех конников отдельно взятой страны), групповой характер (используемые только на какой-то территории), индивидуальный характер, реализуемый только в одном конкретном производственном коллективе, экипаже, команде. При этом все стереотипы поведения соотносятся с установками определённой культуры и могут быть как объективированы, так и не объективированы в языке. Таким образом, элементы в цепочке «стереотип языка – стереотип поведения – стереотип мышления» связаны как знак, референт и концепт. Графически изучаемые феномены могут быть представлены по аналогии с семантическим треугольником Огдена-Ричардса во взаимосвязи каждого со всеми другими [37] (см. Рис.1).

Рис. 1. Цепочка стереотипов языка, мышления, поведения

Полная цепочка стереотипов может считаться полностью реализованной, т.е. не иметь пустот ни в одной из вершин треугольника, если стереотипу мышления (идея, понятие, понимание, концепт) соответствует стереотип поведения (способ действия, типовой поступок, типичный акт), номинированный языковым стереотипом (языковая единица – слово, устойчивое словосочетание, прецедентный текст, поговорка, тост). В современной отечественной традиции языковой стереотип трактуется как составная часть языковой картины мира [25]. Е. Барминский рассматривает языковую картину мира и языковой стереотип в терминах системы и её элемента, т.е. как целого и части. «Стереотип как конвенциональное представление о предмете, которое касается того, как этот предмет смотрится, как действует, какую он содержит в себе упрощённую теорию предмета, является элементом всей развёрнутой культурно-языковой картины мира, создаёт эту картину вместе с другими элементами» [4, с.12]. Стереотипы мышления суть интерпретации окружающего мира, ментальные установки самой языковой личности о себе, сообществе, обществе, о представителях других сообществ и обществ, образцы восприятия и толкования информации о том, как следует поступать в различных ситуациях, в том чис-

ле демонстрировать своё отношение к членам других групп и сообществ.

Очевидно, что воспроизводимая всем сообществом единица, т.е. устойчивая единица в языке, вербализующая стереотип мышления членов социума и поведения профессионального института, появляется в результате высокой частотности её повторения членами сообщества и таким образом является индикатором особой значимости стереотипа для сообщества. Это не означает, что стереотип поведения и мышления всегда имеют своими коррелятами стереотипы языка, т.е. устойчивые единицы. Говоря о специфике языковых стереотипов, Г.И. Исина пишет: «Вторжение стереотипов в языковую среду часто приобретает самые неожиданные формы, затрудняющие восприятие информации представителями различных этнических обществ. И причина этого – национальное мышление, национальная стереотипность сознания нашли своё воплощение в лексической системе языка» [10, с. 6]. Стереотип поведения имеет возможность быть объективирован двумя способами: 1) как языковая единица (устойчивые сочетания или предикативные прецедентные тексты, объективирующие языковую картину (со)общества); 2) как индивидуально-авторские тексты, имеющие различную степень вероятности закрепления в языке.

Языковые стереотипы, реализованные в прецедентных текстах изучаемых профессиональных культур, характеризуются многообразием лексического, синтаксического и жанрового своеобразия. Исследовательский корпус представлен текстами различных жанров: (анти) поговорками и поговорками, афоризмами, приметами, анекдотами и байками тостами и частушками (см. Таблицу 1).

Таблица 1.

Жанровое многообразие корпуса прецедентных текстов профессиональных субкультур

Профессиональный язык	Гражданская авиация	Лесное хозяйство	Конный спорт
(анти)поговорки, поговорки	258	248	187
Афоризмы	189	47	42
Приметы	43	72	38
Анекдоты, байки	65	47	32
Тосты	36	32	-
Частушки	39	37	-
Общее количество единиц	630	483	299

Общий объём изученных единиц составил 1 412.

Источниками материала для данного исследования послужили словари [12], [22], а также материалы интернет-сайтов и форумов профессионалов (см. список литературы) [1, 2, 3, 7, 15, 19, 21, 30, 32, 33, 34].

Тематический изоморфизм номинаций прецедентных текстов профессиональных субкультур

Тематические блоки	Авиационный язык	Конный спорт	Лесное дело
профессиональная гордость	Рождённый ползать, летать не может. Но может пролезть в руководство авиакомпании.	Доброго коня и под старой попоной узнают. Счастье на коне, несчастье под конём.	Не мудрено дерево срубить — мудрено вырастить. И скрипит дерево, да стоит
труд	Наше дело правое- не мешать левому!	И резвому коню кнут нужен.	Не отрубить дубка, не насадя пупка.
объект профессиональной деятельности	Не вскрывай капот - не вноси дефект!	Коня ячменём не испортишь	Много леса — не губи, мало леса — береги, нет леса — посади.
разделения на чужих и своих	Вечно грязный, вечно сонный - техник авиационный.	Пеший конному не товарищ	В лесу жить — лешим слыть
опасность	Не откладывай любовь на старость, а торможение на конец полосы. Жить захочешь-сядешь!	Наскочила подкова на булыжник.	По лесу ходи – под ноги гляди. Январь в лесу — глухая пора.
страхи	Лётчик прыгает с парашютом тогда, когда дальше лететь страшнее.	Лошадь не под воду и не под воеводу!	В лес дорога, на пупке тревога, внутри ярмарка. У леса как у беса – всего много

Синтаксическое многообразие рассматриваемых единиц представлено как односоставными (*Живы ельничком да осинничком. Кнут коню не помощник*), так и двусоставными сложноподчинёнными и сложносочинёнными предложениями (*Если лётчик не сядет, «сядет» его шеф*).

Среди многообразия фиксируемых в русском и английском языках тем выделим шесть, объединяющих понятий, свойственных изучаемым культурам: профессиональная гордость, труд, ответственность за объект профессиональной деятельности, разделение на чужих и своих, а также опасность и страхи. Представим многообразие способов реализации данных понятий в прецедентных текстах (см. Таблица 2).

Профессиональный язык всех изучаемых культур фиксирует гордость за выполнение профессиональной деятельности: *Лесное хозяйство вести – не бородой трясти. Не мудрено дерево срубить – мудрено вырастить*. В языке конников существует целый ряд «рифмовок» и «кричалок», синтаксическая структура которых позволяет объективировать различные коннотативные смыслы. Например, профессиональный оптимизм: «Мой девиз четыре слова: конник я и это клёво!» [8]. В лингвокультуре гражданской авиации зафиксирован трагический исторический опыт авиаторов: *Все инструкции для лётчиков написаны кровью испытателей* [22].

Отношение к труду профессиональные культуры традиционно объективируют в пословицах и антипословицах: *Конь с запинкой и мужик с*

заминкой не надорвутся. Лес сечь не жалея плеч. Лучшие сидеть на земле и мечтать о небе, чем лететь в небе и мечтать о том, чтобы быть на земле.

Изучаемые профессиональные культуры фиксируют уважение, обеспокоенность и заботу за объект профессиональной деятельности. Например, в языке лесников: *Безо время лес губить, не из чего будет избу рубить. Лес без призору гложет* [9]. В конном спорте благополучие лошади – выше интересов всадников: *Либо корм жалеть, либо лошадь. Конь тощой – хозяин скупой. Коню – овёс, а земле – навоз. Не гони коня кнутом, а гони овсом* [8]. Лётный состав никогда не ругает самолёт – это плохая примета [1]. В авиации также существует традиция обходить самолёт по часовой стрелке и похлопывать по корпусу. Данная традиция, уходящая корнями ко времени, когда по колебаниям самолёта, возникающим при похлопывании, можно было оценить исправность и готовность самолёта к полёту, соблюдается в авиации уже около 100 лет.

Сам объект профессиональной деятельности подвергается некой «стандартизации», чтобы наилучшим образом соответствовать ожиданиям профессионала. Например, конники считают, что серые лошади и лошади с четырьмя белыми ногами не особо удачливы в скачках. Белые и серые кони способны предупреждать своего хозяина о приближении опасности и живут дольше, чем лошади тёмных мастей. Лошади с пятнами на шерсти также считаются волшебными [31].

Прецедентные тексты предупреждают об опасности в профессиональной деятельности. Например, в языке лесников: *Ходить в лесу – видеть смерть на носу. Либо деревом убьёт, либо медведь задержит* [23].

Общим для изучаемых профессиональных обществ является и наличие большого списка суеверий. Именно данное понятие получило наиболее детальную реализацию в изучаемых профессиональных языках. Профессиональное сообщество конников, оберегая коня от «сглаза», учит конника вплетать красную ленту в гриву лошади, при покупке коня брать повод в перчатках, встречным и прохожим кличку коня не называть [14]. Перед соревнованиями по конному спорту не принято что-то дарить или просто давать, иначе плохо выступишь [29]. Профессиональная культура гражданской авиации реализует данное понятие в ряде прецедентных текстов. Например, нельзя собирать цветы на территории взлётно-посадочной полосы и нести их домой, нельзя рвать цветы на аэродроме [18]. Вальщики леса считают обязательной стрижку волос перед валкой леса [9]. Стереотип авиационного профессионального сообщества состоит также в том, чтобы употреблять слово «крайний», но не «последний». Причиной такого положения, очевидно, стала пейоративная коннотация словосочетания «последний полёт», которое по возможности заменяется на «крайний полёт/ рейс»: Прототип скоростного вертолета Sikorsky X2 совершил крайний полёт; больше испытания этой машины проводиться не будут, сообщает Defense Aerospace [26].

Высока плотность номинации различных страхов: Нежелательно менять имя, данное лошади при рождении – это сулит неудачу ей и её владельцу. Нельзя привязывать пустой недоуздок, это всё равно, что качать пустую коляску. Нельзя снимать всадника и лошадь на разминке, перед стартом [30]. Кто в лесу поёт и увидит ворона, тому наткнуться на волка [23]. Зависимость безопасности лётчиков от целого ряда обстоятельств, погодных условий, исправности летательного аппарата, навыков лётного состава и ряда других вызывает к жизни целый ряд страхов, информацию о которых находим в приметах: «Если перед рейсом в салон, кабину пилотов или в грузовой отсек залетела птица, это – не к добру»; «Первые дни августа и сентября считаются неудачными для авиапелётов и самолётов»; «Во многих отечественных авиакомпаниях перед сложными рейсами пилоты не бреются,

на сложном маршруте лучше заросший пилот, чем раздражённый»; «нельзя играть на борту в азартные игры, можно проиграть «авиаудачу»; нельзя поднимать палец в небо, погода обидится, испортится и отомстит.

Изучаемый материал показывает высокую роль дисфемизации как одного из основных прагматических принципов порождения текстов профессионального субстандарта. Например, «Кто не курит и не пьёт, матом не ругается – в конный спорт не попадёт, пусть и не старается» [9]. Дисфемизация особо продуктивна при номинации представителей противопоставляемой группы лиц при делении на своих и чужих. Например, в лингвокультуре авиаторов пассажиров именуют паксами, пациентами, зайцами, кроликами, бандерлогами, пасахеросами, огурцами или тошнотниками [24]. Как видим, в семантике данных единиц отдельно обращают на себя внимание юмористические, иронические, саркастические семы. Именно комическое присутствует и при номинации ряда субстандартных понятий. Например, *Если водка мешает полётам – к чёрту такие полёты! Скоростная укладка парашюта ведёт к скоростному спуску на нём. Жену бери конопатую, а кобылу гриватую: жену никто не уведёт, а кобылу никто не украдёт. Опытный лесник знает до 10 рифм на слово Аууу.*

Комическое в целом следует рассматривать как отдельную ценность изучаемых профессиональных сообществ. Показательно, что все изучаемые профессиональные лингвокультуры фиксируют многочисленные комические тексты: розыгрыши, анекдоты, байки, шутки. В комических текстах, частушках, анекдотах, тостах, высок процент обценной лексики.

Таким образом, изученный материал трёх профессиональных лингвокультур, объективируемый в единицах языка и прецедентных текстах, продемонстрировал изоморфизм профессиональной номинации, заключающийся в общности номинируемых понятий, а также в преимущественных способах номинации, в качестве которых признаём дисфемизацию и комизм. Спектр понятий, реализуемых в прецедентных текстах авиационного, конного и лесного сообществ включает следующие: профессиональная гордость, труд, деление на своих и чужих, суеверия, опасность, страхи. Спектр жанров изучаемых текстов ограничен (анти)пословицами, поговорками, афоризмами, приметами, анекдотами, байками, тостами, частушками.

Прецедентные тексты, усваиваемые в процессе профессиональной социализации, позволяют человеку получать в готовом виде социальный опыт, осмысленный и систематизированный предшествующими поколениями. При общении в социуме профессиональная личность познаёт окружающий мир, самого себя и как результат познания – корректирует своё поведение.

Список литературы

1. Авиационные приметы и суеверия: tigma_lucha [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://tigma-lucha.livejournal.com/6624.html> (Дата доступа: 18.02.2018)
2. Анекдоты про лес [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://anekdoty.ru/pro-lesnikov/> (Дата доступа: 19.02.2018)
3. Анекдоты про лесников [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://privetpeople.ru/index/anekdoty_pro_lesnikov/0-61 (Дата доступа: 19.02.2018)
4. Бартминьский Е. Базовые стереотипы и их профилирование // Стереотипы в языке, коммуникации, культуре: сб. статей / сост. и отв. ред. Л. Л. Федорова. М.: РГГУ, 2009. С. 11-21.
5. Воздушный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13744 (Дата доступа: 19 марта 1997)
6. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человека / И.Г. Гердер; пер. и прим. А.В. Михайлова. М.: Наука, 1977. 703 с.
7. Девизы конника! [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ok.ru/planetalos/topic/66998103916589> (Дата доступа: 19.02.2018)
8. Девизы конника! [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ok.ru/planetalos/topic/66998103916589> [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://dream-air.ru/forum/6-92-1> (Дата доступа: 20.05.2017)
9. Дилара АЗАРОВА Под звуки пил [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.vsp.ru/2005/09/14/pod-zvukipil/> (Дата доступа: 14.09.2005)
10. Исина Г. И. Стереотипы и национальная языковая картина мира: автореф. дисс. ... д. филол. н. Алматы, 2008. 55 с.
11. Казачкова М.Б. Профессиональный язык как отражение профессиональной культуры. Одинцово: АНОО ВПО ОГИ, 2010. 108с.
12. Казачкова М.Б. Словарь профессионального языка авиации [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://books.google.com/books/about/Словарь_профессионал.html?id...
13. Казачкова М.Б., Солнышкина М.И., Калинин Т.Е. Эклектика институционального дискурса: норма или нарушение? //Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12-1 (54). С. 164-168.
14. Как не слазить лошадь?! Приметы? Ваш опыт? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://horse.ru/horse-community/275398-page-0.html> (Дата доступа: 19.02.2018)
15. Капризная красота [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ok.ru/slavkon/topic/67095763837009> (Дата доступа: 19.02.2018)
16. Коровушкин В. Словарь русского военного жаргона [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.ozon.ru/context/detail/id/965931/>
17. Лесоруб: недопил так же опасен, как перепил [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://radiovesti.ru/brand/60992/episode/1370987/>(Дата доступа 06:02, 21 сентября 2015)
18. Не Официальные Традиции Авиации! [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://forum.worldofwarplanes.ru/index.php?topic/39900-%D0%BD%D0%B5-%D0%BE%D1%84%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5-%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8/>(Дата доступа: 20.06.2013)
19. Поговорки летчиков [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.neptun8.ru/Literatura/Pogovorki_letchiki.htm (Дата доступа: 18.02.2018)
20. Пословицы и поговорки о лошадях [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ok.ru/slavkon/topic/67285189746769>, (Дата доступа: 17. 02.2018)
21. Пословицы и поговорки про лес [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://poslovicy.ru/pro-les/>, http://www.poslovitza.ru/pro_les.html (Дата доступа: 19.02.2018)
22. Пословицы про летчика [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://poslovic.ru/blog/poslovicy-pro-letchika> (Дата доступа: 18.02.2018)
23. Презентация: “Приметы, загадки, пословицы, поговорки...” [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://infourok.ru/prezentaciyaprimety_zagadki_poslovicy_pogovorki_o_lese-410728.htm (Дата доступа: 19.02.2018)
24. Профессиональный сленг [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://dream-air.ru/forum/6-92-1> (Дата доступа: 08.06.2010)
25. Семашко Татьяна Федоровна Стереотип как фрагмент языковой картины мира [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2014_2-2_47.pdf (Дата доступа: 2014)
26. Скоростной вертолет X2 совершил крайний полет [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.4razvorot.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=129:-x2-&catid=41:helikopter&Itemid=74 (Дата доступа: 20.06.2011)
27. Солнышкина М.И. Концепт “Якорь” в русском языке // Международный межвузовский сборник научных трудов «Реальность, язык и сознание» Ответственный редактор Т.А.Фесенко. Редколлегия Б. Стефанюк, М. Презас. Тамбов, 2002. С. 431-435.

28. Солнышкина М.И. Межъязыковая и межкультурная асимметрия структуры профессиональной языковой личности // Сборник III Международных Бодуэновских чтений: И.А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания труды и материалы: в 2 томах. Под общей редакцией К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. 2006. С. 254-257.
29. Старинные обычаи, приметы, праздники для конников. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://vk.com/topic-35789509_26503606 (Дата доступа: 19.02.2018)
30. Страшилки конного мира: суеверия и предрассудки [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.goldmustang.ru/humor/867.html> (Дата доступа: 17.02.2018)
31. Страшилки конного мира: суеверия и предрассудки [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.goldmustang.ru/humor/867.html> (Дата: доступа 19.02.2018)
32. Суеверия, приметы и поверья в авиации. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://avia.pro/blog/sueveriya-i-primety-v-aviacii> (Дата доступа: 11.09.2014)
33. Тосты про лес [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://tosty.ru/pro-les/> (Дата доступа: 19.02. 2018)
34. Частушки про лес [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.collection-chastushkek.ru/chastushki-cat45.html> (Дата доступа: 19.02. 2018)
35. Шепелева О. В. Формирование профессионального статуса будущего учителя в период его обучения в вузе: дис. ... канд. пед. наук / О.В. Шепелева; Магнитогорск. гос. ун-т. Магнитогорск, 2002. 174 с.
36. Щепанская 2003 Щепанская Т. Б. Антропология профессий / Т. Б. Щепанская // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6, №1 (21). С. 139-161.
37. Ogden C. K., Richards I. A. The Meaning of Meaning. New York, Harcourt, Brace & World, Inc., 1923.
38. Solnyshkina M., Gafiyatova E. Modern Forestry English: Macro- and Microstructure of Low Register Dictionary//Journal of Language and Literature. 2014. Т. 5. № 4. С. 220-224.

Сведения об авторах:

Казачкова Мария Борисовна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой педагогики и методики языкового образования Одинцовского филиала МГИМО. Сфера интересов: социолингвистика, лексикография. E-mail: MBKazachkova@yandex.ru.

Гафиятова Эльзара Васильевна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой языковой и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета. Сфера интересов: профессиональная коммуникация, социолингвистика, язык для специальных целей. E-mail: rg-777@yandex.ru.

Калинкина Татьяна Евгеньевна – старший преподаватель, НОУ ВПО Университет управления «ТИСБИ». Сфера интересов: социолингвистика, профессиональная коммуникация, лексикография. E-mail: tatjana_net@mail.ru.

CULTURAL TRADITIONS IN STEREOTYPES OF PROFESSIONAL LINGUISTIC PERSONALITY BEHAVIOUR

M. B. Kazachkova, E. V. Gafiatova, T. E. Kalinkina

Moscow State Institute of International Relations (University) (Odintsovo)
Novo-Sportivnaya str. 3, Odintsovo, Moscow region, 143007, Russia

Kazan Federal University, IFIC,
Tatarstan str. 2, Kazan, 420000, Russia

Private educational institution of higher professional education «The University of Management «TISBI»»,
13 Mushtari Str., Kazan, 420012, Russia

The Abstract: *The article presents the results of a comparative analysis aimed at identifying stereotypes of the language and cognitive stereotypes realized in 1412 precedent texts of three professional cultures: civil aviation, forestry and equestrian sport. We also used nominative units of the professional languages under study as additional material to confirm the main findings of the research. The study demonstrated that the links between stereotypes of behavior, language stereotypes and cognitive stereotypes characteristic of the professional cultures are the links similar to those of the referent, sign and concept. Information about the*

behavior stereotypes and cognitive stereotypes of professional communities is accumulated by generations of professionals and stored in the professional language and precedent texts. Successful socialization of a new agent of a professional institute implies acquisition of stereotypes on all levels, i.e. language, cognition and behavior, and prepares a professional to communicate and act in standard and non-standard professional situations. It is revealed that professional communities verbalize stereotypes of low communication register in a limited range of substandard genres: sayings, (anti) proverbs, aphorisms, superstitious beliefs, jokes, tales, toasts, ditties. The thematic symmetry of cognitive stereotypes is realized in various precedent texts about work, professional pride, objects of professional activity, opposition of groups of people, danger, fears. The revealed ways of referent nomination in low register texts are dysfemisation and irony.

Key Words: *pattern of behavior, speech stereotype, nomination, precedent text, isomorphism, discourse, professional language, society, norm.*

References

1. Aviatsionnye primety i suverii: tigr_lucha [Aviation signs and superstitions]: tigr_lucha [Elektronny resurs] – Available at: <https://tigr-lucha.livejournal.com/6624.html> (accessed: 18.02.2018)
2. Anekdoty pro les [Anecdotes about the forest]. [Elektronny resurs] – Available at: <http://anekdoty.ru/pro-lesnikov/> (accessed: 19.02.2018)
3. Anekdoty pro lesnikov [Anecdotes about foresters]. [Elektronny resurs] – Available at: https://privetpeople.ru/index/anekdoty_pro_lesnikov/0-61 (accessed: 19.02.2018)
4. Bartmin'skii E. Bazovye stereotipy i ikh profilirovanie [Basic stereotypes and their profiling] // Stereotipy v iazyke, kommunikatsii, kul'ture: sb. statei / sost. i otv. red. L. L. Fedorova. Stereotypes in language, communication and culture: Digest of articles. Compiler and responsible editor L.L. Fedorova]. M.: RGGU, 2009. pp. 11-21 [in Russian].
5. Vozdushny kodeks Rossiiskoi Federatsii [The Air Code of the Russian Federation]. [Elektronny resurs] – Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13744 (accessed: 19 marta 1997)
6. Gerder I. G. Idei k filosofii istorii cheloveka [Ideas to the philosophy of human history] / I.G. Gerder; per. i prim. A.V. Mikhailova. [I.G. Herder; trans. and approx. A.V. Mikhailova]. M.: Nauka, 1977. 703 p.
7. Devizy konnika! [Cavalry's mottoes!]. [Elektronny resurs] – Available at: <https://ok.ru/planetalos/topic/66998103916589> (accessed: 19.02.2018)
8. Devizy konnika! [Cavalry's mottoes!]. [Elektronny resurs] – Available at: <https://ok.ru/planetalos/topic/66998103916589> (accessed: 20.05.2017)
9. Dilara AZAROVA Pod zvuki pil [To the sound of saws]. [Elektronny resurs] – Available at: <http://www.vsp.ru/2005/09/14/pod-zvuki-pil/> (accessed: 14.09.2005)
10. Isina G. I. Stereotipy i natsional'naia iazykovaia kartina mira [Stereotypes and the national language picture of the world]: avtoref. diss. ... d. filol. n. [author's abstract. diss. ... e. philol. n.] Almaty, 2008. 55 p.
11. Kazachkova M.B. Professional'ny iazyk kak otrazhenie professional'noi kul'tury [LSP as reflection of professional culture]. Odintsovo: ANOO VPO OGI, 2010. 108s.
12. Kazachkova M.B. Slovar' professional'nogo iazyka aviatsii [Professional Aviation Dictionary]. [Elektronny resurs] – Available at: https://books.google.com/books/about/Slovar'_professional.html?id../
13. Kazachkova M.B., Solnyshkina M.I., Kalinkina T.E. Eklektika institutsional'nogo diskursa: norma ili narushenie? [Eclecticism of institutional discourse: norm or violation?] //Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2015. № 12-1 (54). pp. 164-168.
14. Kak ne sglazit' loshad'?! Primety? Vash opyt? [How not to jinx the horse?! Signs? Your experience?]. [Elektronny resurs] – Available at: <http://horse.ru/horse-community/275398-page-0.html> (accessed: 19.02.2018)
15. Kapriznaia krasota [Whimsical beauty]. [Elektronny resurs] – Available at: <https://ok.ru/slavkon/topic/67095763837009> (accessed: 19.02.2018)
16. Korovushkin V. Slovar' russkogo voennogo zhargona [Dictionary of Russian military jargon]. [Elektronny resurs] – Available at: <https://www.ozon.ru/context/detail/id/965931/>
17. Lessorub: nedopil tak zhe opasen, kak perepil [wood chopper: sloven is as dangerous as a sawwood]. [Elektronny resurs] – Available at: <https://radiovesti.ru/brand/60992/episode/1370987/> (accessed: 06:02, 21 sentiabria 2015)
18. Ne Ofitsial'nye Traditsii Aviatsii! [Not the Official Aviation Traditions!]. [Elektronny resurs] – Available at: <http://forum.worldofwarplanes.ru/index.php?/topic/39900-%D0%BD%D0%B5-%D0%BE%D1%84%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5-%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8/>(Data accessed: 20.06.2013)
19. Pogovorki letchikov [Sayings of pilots]. [Elektronny resurs] – Available at: http://www.neptun8.ru/Literatura/Pogovorki_letchiki.htm (accessed: 18.02.2018)
20. Poslovitsy i pogovorki o loshadiakh [Proverbs and sayings about horses]. [Elektronny resurs] – Available at: <https://ok.ru/slavkon/topic/67285189746769>, (accessed: 17. 02.2018)
21. Poslovitsy i pogovorki pro les [Proverbs and sayings about the forest]. [Elektronny resurs] – Available at: <http://poslovicy.ru/pro-les/>, http://www.poslovitza.ru/pro_les.html (accessed: 19.02.2018)
22. Poslovitsy pro letchika [Proverbs about the pilot]. [Elektronny resurs] – Available at: <http://poslovic.ru/blog/poslovicy-pro-letchika> (accessed: 18.02.2018)

23. Prezentatsiia: "Primety, zagadki, poslovitsy, pogovorki..." [Presentation: "Signs, riddles, proverbs, sayings ..."]. [Elektronnyi resurs] – Available at: https://infourok.ru/prezentaciyaprimety_zagadki_poslovicy_pogovorki_o_lese-410728.htm (accessed: 19.02.2018)
24. Professional'ny sleng [Professional slang]. [Elektronny resurs] – Available at: <http://dream-air.ru/forum/6-92-1> (accessed: 08.06.2010)
25. Semashko Tat'iana Fedorovna, Stereotip kak fragment iazykovoi kartiny mira [Stereotype as a fragment of the language picture of the world]. [Elektronny resurs] – Available at: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2014_2-2_47.pdf (accessed: 2014)
26. Skorostnoi vertolet X2 sovershil krainii polet [High-speed helicopter X2 made an extreme flight]. [Elektronny resurs] – Available at: https://www.4razvorot.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=129:-x2-&catid=41:helikopter&Itemid=74 (accessed: 20.06.2011)
27. Solnyshkina M.I. Kontsept "Iakor" v russkom iazyke [Concept "Anchor" in Russian] // Mezhdunarodny mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov «Real'nost', iazyk i soznanie» [International interuniversity collection of scientific works «Reality, Language and Consciousness»] Otvetstvennyi redaktor T.A. Fesenko. Redkollegiia B. Stefanink, M. Prezas. Tambov, 2002. pp. 431-435.
28. Solnyshkina M.I. Mezh' iazykovaia i mezhkul'turnaia asimmetriia struktury professional'noi iazykovoi lichnosti [Interlingual and intercultural asymmetry of the structure of a professional linguistic personality] // Sbornik III Mezhdunarodnykh Boduenovskikh chtenii [Collection of the III International Baudouin Readings]: I.A. Boduen de Kurtene i sovremennye problemy teoreticheskogo i prikladnogo iazykoznaniiia trudy i materialy: v 2 tomakh. [I.A. Baudouin de Courtenay and modern problems of theoretical and applied linguistics. Proceedings and materials: in 2 volumes]. Pod obshchei redaktsiei K. R. Galiullina, G. A. Nikolaeva [Under the general editorship of KR Galiullin, GA Nikolaev.]. 2006. pp. 254-257.
29. Starinnye obychai, primety, prazdniki dlia konnikov. Ancient customs, signs, holidays for horsemen]. [Elektronny resurs] – Available at: https://vk.com/topic-35789509_26503606 (accessed: 19.02.2018)
30. Strashilki konnogo mira: sueverii i predrassudki [Horror stories of the equestrian world: superstitions and prejudices]. [Elektronny resurs] – Available at: <http://www.goldmustang.ru/humor/867.html> (accessed: 17.02.2018)
31. Strashilki konnogo mira: sueverii i predrassudki [Horror stories of the equestrian world: superstitions and prejudices]. [Elektronny resurs] – Available at: <http://www.goldmustang.ru/humor/867.html> (accessed: 19.02.2018)
32. Sueverii, primety i pover'ia v aviatsii. [Superstitions, signs and beliefs in aviation]. [Elektronnyi resurs] – Available at: <http://avia.pro/blog/sueveriya-i-primety-v-aviacii> (accessed: 11.09.2014)
33. Tosty pro les [Toasts about the forest]. [Elektronnyi resurs] – Available at: <http://tosty.ru/pro-les/> (accessed: 19.02. 2018)
34. Chastushki pro les [Chastushki about the forest]. [Elektronnyi resurs] – Available at: <https://www.collection-chastushek.ru/chastushki-cat45.html> (accessed: 19.02. 2018)
35. Shepeleva O. V. Formirovanie professional'nogo statusa budushchego uchitelia v period ego obucheniia v vuze [Formation of the professional status of the future teacher during his studies at the university]: dis. ... kand. ped. nauk / O.V. Shepeleva; Magnitogorsk. gos. un-t. Magnitogorsk, 2002. 174 p.
36. Shchepanskaia T. B. Antropologiiia professii [Anthropology of professions]. / T. B. Shchepanskaia // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii. 2003. T. 6, №1 (21). pp. 139-161.
37. Ogden C. K., Richards I. A. The Meaning of Meaning. New York, Harcourt, Brace & World, Inc., 1923.
38. Solnyshkina M., Gafiyatova E. Modern Forestry English: Macro- and Microstructure of Low Register Dictionary//Journal of Language and Literature. 2014. T. 5. № 4. pp. 220-224.

About the authors:

Mariya B. Kazachkova – Ph.D., Head of the Department of Pedagogy and Methods of Language Education, MGIMO-University (Odintsovo). The sphere of professional interests – teaching general English, LSP.

E-mail: MBKazachkova@yandex.ru.

El'zara V. Gafiyatova – Ph.D., Head of the Department of Languages and Intercultural Communication, Kazan Federal University. The sphere of professional interests – LSP, sociolinguistics. E-mail: rg-777@yandex.ru.

Tatiana E. Kalinkina – Assistant Professor, Private educational institution of higher professional education «The University of Management». The sphere of professional interests – professional communication, lexicography.

E-mail: tatjana_nett@mail.ru.

* * *

ВОСПРИЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Н.И. Климович

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Политический дискурс изобилует политическими смыслами, явными и скрытыми идеологическими пристрастиями, имеет национально-культурную окраску. Такая природа политического дискурса делает его восприятие во многом субъективным и индивидуальным. С другой стороны, язык как средство общения обладает двуплановостью – планом выражения и планом содержания. Последнее в виде лексических, грамматических, стилистических значений, наличествующих в языковом сознании человека, является той сущностной, онтологической основой, которая позволяет языку в процессе речевого общения формировать инвариантную основу прагматического функционала текста, независимую от субъективно-индивидуальных особенностей его восприятия.

Коммуникативно-семантическое и прагматическое моделирование может быть эффективным инструментом изучения материальной, языковой основы прагматического измерения текста вне связи с особенностями субъективного и индивидуального восприятия. Семантическая модель показывает результат отбора и включения в текст информационно-содержательных, описательных и иных семантических данных. Семантико-коммуникативное моделирование реализуется в виде семантико-коммуникативной модели на основе размера лексико-семантического поля и семантико-коммуникативной модели на основе частотного веса поля. Данные модели позволяют выявить иллюкативную направленность текста, измерить её в словах и частотных характеристиках и определить главные коммуникативно-прагматические экспликации текста. Основой модели функционально-прагматической перспективы текста являются прагматические экспликации текста, смысловые (контекстные) поля, в которые они погружены, и композиционная структура текста.

Ключевые слова: речевая коммуникация, дискурсивная прагматика, политический дискурс, теория текста, семантико-полевое моделирование.

Введение. Реализация языком коммуникативной функции и её разновидностей, в частности информационной, социальной, когнитивной, эмотивной, вызывает всё больший интерес лингвистического сообщества. Исследуется функционирование языка в различных сферах общения; изучается, как социальная, культурная, политическая, религиозная или иная среда влияет на организацию и структуру речевого дискурса и выбор языковых и внеязыковых

средств общения. Всё больший интерес вызывает анализ посреднической роли языка при его использовании во взаимодействии говорящего и слушающего, пишущего и читающего с целью достижения желаемой цели общения.

Анализируются способы и средства усиления прагматического воздействия делового дискурса на реципиента. Подбор лексического материала и структурирование данных используются для акцентуации выигрышной и скрытия неже-

лательной информации [3], а юмор и ирония в англоязычных деловых публикациях СМИ помогают в передаче оценочных суждений, убеждений, критики [4].

Исследователи изучают способы выявления имплицитного метадискурса в юридических текстах [9].

Идентифицируются и квантифицируются прагматические метадискурсивные языковые средства, которые объединяют организацию лекционного дискурса с оценкой по параметру важности или релевантности. Видение таких маркеров при восприятии лекционного дискурса помогает студентам определять относительную важность тезисов и способствует пониманию, конспектированию и запоминанию материала [7].

Политический дискурс привлекает пристальное внимание исследователей. Предметом анализа становится языковая репрезентация гендерных отношений и связанных с ними социальных практик и идеологического взаимодействия в печатной прессе Нигерии [10].

Устная речь всегда была и остаётся наиболее сложным видом речевого взаимодействия с точки зрения фиксации всех смысловых и эмоциональных коннотаций на письме. Она быстротечна и мимолётна, лишена главных достоинств письменной речи – постоянства и неизменности. Дебаты в Палате общин Соединённого Королевства традиционно проходят в устной форме и ежедневно фиксируются в стенографических отчётах, известных под именем “Hansard”. Стенограммы “Hansard” допускают исключение из отчётов повторов и очевидных ошибок. Такая практика подвигла британских исследователей к анализу, насколько достоверно парламентские стенограммы отражают то, что было фактически произнесено, и тот устный дискурс, который имел место, с целью лучше понять процесс создания таких стенографических отчётов и их ограничения с точки зрения точности передачи устного дискурса в палате общин [6].

Модальность выступлений политических лидеров меняется в зависимости от того, обращена ли речь лидера к внутренней аудитории страны или адресована зарубежному потребителю, произносит ли руководитель страны речь на родном языке или пользуется иностранным языком. Методы корпусной лингвистики, применённые к анализу политических речей премьер-министра Таиланда, позволили показать, как политические и социальные детерминанты воздействуют на мо-

дальность политического дискурса и какими средствами язык отражает данное воздействие [5].

Теоретическое основание и методы исследования. Теория дискурса и её методы, в частности критический анализ дискурса (critical discourse analysis), методы семантического и статистического моделирования текста составляют научную базу данной работы.

Изучение дискурса предполагает выход за пределы формальной грамматики в сферу использования языка реальными участниками общения в реальных социальных ситуациях взаимодействия и коммуникации, при этом единицами анализа становятся структуры и стратегии целостных письменных или устных речевых продуктов или коммуникативных событий [11, p. 192].

Критический анализ дискурса представляет собой междисциплинарное исследовательское направление, которое может включать на равноправной основе релевантные методы и инструменты гуманитарных и социальных научных отраслей для изучения дискурса. Дискурс многосторонен, поэтому анализ дискурса может иметь различную направленность: грамматическую, прагматическую, риторическую, стилистическую, литературную, социально-семиотическую, социолингвистическую. Изучение дискурса может включать анализ разговорного дискурса, аргументационной структуры дискурса, его модальности и другие вопросы [12, p. 466].

Политический текст многогранен и многомерен. В его природе наличествуют информационное (референциальное, событийное), апеллятивное, эмотивное, иллюкутивное (убеждающее), перлокутивное (воздействующее) измерения. Политический дискурс имеет идеологическое, социальное, культурное, нравственное измерения. Изучение влияния когнитивных, социальных и культурных ограничений на функционирование языка составляет предмет прагматики дискурса [8, p. 363].

Методы семантического моделирования специального текста [1] и инструментарий анализа прагматической структуры медийного дискурса [2] также являются частью методологической базы данного исследования.

Исследование и результаты. Цель исследования состояла в объективации прагматического воздействия текста на адресата, т.е. в поиске измеряемых материальных, осязаемых коммуникативных ресурсов, которыми оперирует текст для создания желаемого эффекта.

Исходная гипотеза: сам текст обладает воздействующей силой, эта сила составляет его онтологическое, сущностное свойство, которое должно иметь материальное, осязаемое и измеряемое языковое и речевое воплощение.

Исследование проводилось на базе найденной методом случайной выборки статьи *Does China play fair?*, опубликованной в журнале *The Economist* 23 сентября 2017 г. Критерии отбора эмпирического материала состояли в следующем: источник – авторитетная пресса Соединённого Королевства и США, коммуникативно-информационная завершённости, отсутствие лексики, имеющей культурно-идеологическую окраску.

Первый этап (сбор данных) включал статистическую обработку текста статьи. Подсчёт охватывал слова знаменательных частей речи: существительные, прилагательные, глаголы во всех формах, местоимения, замещающие важные в коммуникативном отношении существительные. Из подсчёта были исключены числительные, наречия и слова служебных частей речи: союзы, предлоги, частицы, артикли. Результаты подсчёта приведены в таблице 1.

Анализ лексико-статистической структуры текста статьи позволяет сделать выводы, релевантные для целей изучения ожидаемого воздействия на адресата. Информационно-смысловое поле статьи широкое и разнообразное, текст достаточно активен с точки зрения действия и умеренно описательный. Об этом свидетельствуют приведённые в таблице статистические данные:

1) количество существительных, формирующих референциальное поле (каждое существительное это информационный квант), в 3 раза превышает количество прилагательных (описательное, эмотивное поле) и в 1,6 раза количество глаголов (динамическое поле, или поле действия);

2) средняя частотность употребления существительных (1,68), прилагательных (1,65) и глаголов (1,2) говорит о том, что текст изобилует значительным количеством слов, которые употреблены только один раз, что является показателем лексического богатства текста;

3) активность текста проявляется в том, что количество глаголов в 1,9 раза превышает количество прилагательных; совокупная частотность глаголов в 1,4 раза выше аналогичного показателя для прилагательных, а средняя частотность употребления глаголов (1,2) относительно существительных (1,68) и прилагательных (1,67) показывает, что в отличие от существительных и прилагательных практически все глаголы были употреблены в тексте только один раз;

4) прилагательные по всем статистическим параметрам уступают существительным и глаголам.

Второй этап, ассоциативно-декомпозиционный, имел целью распределение по семантическим полям лексического массива, полученного путём статистической обработки, на основе индуктивного подхода, т.е. в направлении от текста к семантическому полю. Такой подход позволяет избежать навязывания лексике заранее заданных понятийных полей, что имеет существенное значение для целей исследования прагматического измерения текста.

Для выбора имени поля были сформулированы следующие критерии: 1) именем поля должно быть слово, употреблённое в тексте; 2) именем поля должно быть наиболее частотное из ассоциативно-связанных слов; 3) если такового слова нет или их несколько, то именем поля становится первое по алфавиту слово.

Имена полей – английские слова, употреблённые в тексте, дополнены русскими словами: переводом имени поля на русский язык и при необходимости через косую черту словом или словосочетанием на русском языке, обозначающим главную семантико-ассоциативную связь данного поля.

Нераспределённые слова – это слова, не имеющие семантических или ассоциативных связей с другими словами текста.

Третий этап включал создание трёх моделей, описывающих семантико-статическое (таблица 2) и семантико-коммуникативное (таблицы 3 и 4) измерения исследуемого текста.

Семантико-статическая модель показывает начало процесса формирования восприятия текста читателем. Она представляет собой стоп-

Таблица 1.

Лексико-статистическая структура текста статьи.

Кол-во существительных/ частотный вес	Кол-во прилагательных / частотный вес	Кол-во глаголов / частотный вес
174 / 293	57 / 95	107 / 130

Таблица 2

Семантико-статическая модель

существительные	глаголы	прилагательные
1 awe (страх)	1 abuse (злоупотреблять)	1 blatant (страшный)
2 cars (автомобили / промышленность)	2 break (ломать)	2 fair (справедливый)
3 China (Китай / страны)	3 coax (убеждать)	3 genuine (истинный)
4 competition (конкуренция)	4 finance (финансировать / развивать)	4 global (глобальный)
5 economy (экономика)	5 grow (расти / изменяться экономически)	5 good (хороший)
6 firms (фирмы / бизнес)	6 help (помогать / защищать)	6 many (много / количество)
7 government (правительство / управление)	7 make (делать / производить)	7 simple (простой)
8 information (информация / знания)	8 prosecute (преследовать по суду / наказывать)	8 trade (торговый / экономический)
9 market (рынок / рыночная динамика)	9 should (следует делать / должен)	9 unfair (несправедливый)
10 outcome (результат)	10 think (думать / управлять)	10 undistributed (нераспределённые)
11 people (люди)	11 threaten (угрожать)	
12 redress (компенсация ущерба)	12 training (обучать)	
13 response (реагирование / политика)	13 undistributed (нераспределённые)	
14 rules (правила поведения)		
15 threat (угроза)		
16 years (годы / время)		
17 undistributed (нераспределённые)		

кадр, отображающий статическое состояние *отобранных* для включения в речевой продукт и задания вектора восприятия информационно-содержательных, описательных и иных семантических данных. Семантико-статическая модель иллюстрирует референциальную (существительные), атрибутивную (прилагательные) и предикативную (глаголы) матрицы исследуемого текста. Имена полей в таблице располагаются в порядке английского алфавита.

Отбор семантико-смысловых элементов, включённых в текст, начинает выстраивать иллюкативный интенционал статьи. Модель зафиксировала наличие в тексте следующих основных смысловых пространств:

экономика – 7 полей (поля *competition, economy, firms, market* в группе существительных; поля *finance, grow* в группе глаголов, поле *trade* в группе прилагательных);

страх и *связанные с этим негативные ассоциации* – 6 полей (поля *awe, threat* в группе существительных, поля *abuse, break, threaten* в группе глаголов, поле *blatant* в группе прилагательных);

правительство, управление – 6 полей (поля *China, government, response, rules* в группе существительных, поля *coax, think* в группе глаголов);

судебное преследование и связанные с этим смысловые ассоциации – 3 поля (поле *redress* в

группе существительных, поле *prosecute* в группе глаголов, поле *unfair* в группе прилагательных); *производство* – 2 поля (поле *cars* в группе существительных, поле *make* в группе глаголов); *знание* – 2 поля (поле *information* в группе существительных, поле *training* в группе глаголов).

Анализ полученных данных приводит к выводу о том, что главными смыслами, которые будут доминировать при восприятии текста, будут смыслы, связанные с семантическими пространствами *экономики* и *страха*, причём страх в контексте данной статьи связан с пространством *судебного преследования* как способа нейтрализации этих эмоций.

Семантико-коммуникативная модель на основе размера лексико-семантического поля иллюстрирует мягкий подход к акцентуации референциальных, атрибутивных, предикативных смысловых центров семантического пространства текста статьи.

Семантико-коммуникативная модель, основанная на количестве слов в семантическом поле, углубляет понимание процесса воздействия на восприятие текста реципиентом. Каждое слово, будучи носителем предметного и смыслового значения, вызывает при восприятии его реципиентом определённые, объективные, существующие в языковом сознании последнего представления. Увеличение количества тематически и

Семантико-коммуникативная модель на основе размера лексико-семантического поля
(в скобках указано количество слов в поле;
поля расположены в порядке убывания количества слов в поле)

существительные	глаголы	прилагательные
1 economy (28)	1 think (22)	1 trade (13)
2 competition (19)	2 grow (21)	2 blatant (11)
3 China (15)	3 abuse (7)	3 many (7)
4 cars (13)	4 make (4)	4 unfair (3)
5 redress (13)	5 finance (4)	5 genuine (2)
6 response (11)	6 coax (3)	6 good (2)
7 years (9)	7 prosecute (3)	7 simple (2)
8 market (8)	8 should (3)	8 fair (1)
9 government (7)	9 threaten (3)	9 global (1)
10 firms (6)	10 break (2)	10 undistributed (15)
11 information (4)	11 help (2)	
12 threat (4)	12 training (2)	
13 awe (3)	13 undistributed (31)	
14 rules (3)		
15 outcome (2)		
16 people (2)		
17 undistributed (27)		

семантически связанных слов удерживает внимание реципиента в заданной информационно-тематической области, не даёт ему отвлекаться и выходить за пределы этой области и в конечном итоге позволяет формировать желаемый образ описываемой «картины мира».

Анализ семантико-коммуникативной модели на основе размера лексико-семантического поля подтверждает вывод, сделанный выше о том, что смысловое пространство *экономика* (поля группы существительных – competition 19, economy 28, firms 6, market 8; поля группы глаголов – finance 4, grow 21; поля группы прилагательных trade 13) является лексически наиболее разнообразным и многочисленным – 99 слов.

Совокупное смысловое пространство *страх* (поля группы существительных – awe 3, threat 4; поля группы глаголов – abuse 7, break 2, threaten 3; поля группы прилагательных – blatant 11) и *судебное преследование* (поля группы существительных – redress 13, поля группы глаголов – prosecute 3, поля группы прилагательных – unfair 3) насчитывают 49 слов (соответственно 30 и 19 слов).

Смысловое пространство *правительство, управление* (поля группы существительных – China 15, government 7, response 11, rules 3; поля группы глаголов – coax 3, think 22) по числу слов, входящих в него, занимает второе место (61 сло-

во), на которое его вывело большое количество глаголов, описывающих управленческую деятельность (поля think и coax – 25 слов).

Смысловые пространства *производство* (поля группы существительных – cars 13; поля группы глаголов – make 4) и *знание* (поля группы существительных – information 4, поля группы глаголов – training 2) уступают своим конкурентам, они имеют наименьшее количество слов – соответственно 17 и 6 слов. Это свидетельствует о том, что данные смысловые пространства являются вспомогательными с точки зрения воздействия на восприятие текста и выполняют функцию расширения информационно-содержательного наполнения текста.

Семантико-коммуникативная модель на основе частотного веса поля демонстрирует в отличие от предыдущей модели активный, агрессивный подход к акцентуации смысловых центров текста, а именно – путём увеличения частотности употребления конкретных слов в тексте.

Анализ приведённых в таблице данных подтверждает, что смысловое пространство *экономика* (поля группы существительных – competition 29, economy 29, firms 15, market 9; поля группы глаголов – finance 4, grow 24; поля группы прилагательных trade 16) продолжает увеличивать своё присутствие в тексте и усили-

Таблица 4

Семантико-коммуникативная модель на основе частотного веса поля
(в скобках указана общая частотность слов поля)

существительные	глаголы	прилагательные
1 China (78)	1 grow (24)	1 many (19)
2 economy (29)	2 think (23)	2 trade (16)
3 competition (29)	3 should (9)	3 blatant (15)
4 government (16)	4 abuse (7)	4 good (11)
5 firms (15)	5 make (5)	5 unfair (6)
6 cars (14)	6 finance (4)	6 global (3)
7 redress (14)	7 threaten (4)	7 genuine (2)
8 response (14)	8 coax (3)	8 simple (2)
9 years (11)	9 prosecute (3)	9 fair (2)
10 market (9)	10 break (2)	10 undistributed (19)
11 information (7)	11 help (2)	
12 threat (5)	12 training (2)	
13 awe (3)	13 undistributed (40)	
14 rules (3)		
15 outcome (2)		
16 people (2)		
17 undistributed (29)		

вать воздействие на восприятие текста. Совокупный частотный вес этого пространства равен 126. Это свидетельствует о том, что многие слова этого поля (поле насчитывает 99 слов) употреблялись в тексте более одного раза.

Объединённое смысловое пространство *страх* (поля группы существительных – awe 3, threat 5; поля группы глаголов – abuse 7, break 2, threaten 4; поля группы прилагательных – blatant 15) и *судебное преследование* (поля группы существительных – redress 14, поля группы глаголов – prosecute 3, поля группы прилагательных – unfair 6) также укрепляют свои позиции в тексте и влияние на читателя: обобщённый показатель их частотного веса 59 (соответственно 36 и 23). Количество слов в этих полях равно 49.

Наивысшим частотным весом обладает смысловое пространство *правительство, управление* – 137 (поля группы существительных – China 78, government 16, response 14, rules 3; поля группы глаголов – coax 3, think 23). Причина такого роста присутствия в тексте данного пространства (количество слов в нём равно 61) – это беспрецедентно высокое частотное значение поля China (Китай / страны) – 78. При этом 67% этого частотного веса (52) приходится на слова China, Chinese и на замещающие эти слова местоимения it и its, что делает лексему China главной прагматической экспликатурой текста (далее в тексте статьи словосочетание «лексема China»

означает слова China, Chinese и замещающие эти слова местоимения it и its).

Смысловые пространства *производство* (поле группы существительных – cars 14; поле группы глаголов – make 5; частотный вес = 19) и *знание* (поле группы существительных – information 7, поля группы глаголов – training 2; частотный вес = 9) подтвердили свою функцию как вспомогательных и расширяющих информационную область пространств.

Семантико-статическое и семантико-коммуникативное в двух его разновидностях моделирование позволило, двигаясь от текста и не навязывая ему никаких априорных схем, выявить главные коммуникативно-прагматические центры, которые детерминируют восприятие текста. Ими стали смысловые пространства *экономика, страх и судебное преследование*, а также лексема *China*.

Четвёртый этап. На этом этапе осуществлялось исследование функционально-прагматической перспективы текста и языковых способов её выражения. Основой модели функционально-прагматической перспективы стали три смысловых фокуса: лексема China – главная географическая экспликатура текста (частотность 52), лексема fair (справедливый / частотность 2), соединённая с лексемой China в названии статьи, и лексемы responsibility (ответственность / частотность 1) и custodian (храни-

тель/частотность 1), появляющиеся в последнем, резюмирующем абзаце текста. Эти три лексемы определяют и формируют коммуникативно-прагматический вектор статьи.

Коммуникативный вес лексемы является функцией частотности употребления этой лексемы в тексте. Восприятие лексемы реципиентом зависит от тех смыслов, с которыми связывает её текст.

Средняя частота употребления лексемы *China* в абзаце текста равна 4,7. Коммуникативная активность рекордная.

Структурно статья состоит из трёх частей: вступление (абзацы 1 – 3), главная часть “Go, in three dimensions” (абзацы 4 – 7), заключительная часть “Don’t get angry. Get even.” (абзацы 9 – 11). Анализ контекстного окружения лексемы *China* показывает следующее:

Во вступлении абзацы 1 и 3 окружают лексему *China* негативными смыслами: *threaten*, “unprecedented” *threat*, *inspire awe*, *does not play fair*. Абзац 2 даёт в целом позитивную оценку индустриализации Китая.

В главной части абзац 5 насыщен жёсткими негативными смыслами: *illegality*, *blatant theft*, *charges against*, *hacking into*, *crimes*. В конце абзаца негативный контекст частично нейтрализуется заявлением о снижении числа преступлений против интеллектуальной собственности в Китае. Абзац 7, главная мысль которого ‘unfair competition’ со стороны Китая, также настроен недружелюбно к этой стране: *sharp practices*, *anti-monopoly cases*, *restricts access to lucrative sectors*, *finances assaults on those same industries abroad*, *such behavior is dangerous*. Абзац 4 положительно оценивает инновационную деятельность Китая (*home-grown innovation is flourishing*; *the innovators are mainly private*), но одновременно обвиняет Китай в кибер-воровстве (*its cyber-spies steal secrets*). Абзац 6 не содержит негативных смыслов в отношении Китая, но в конце абзаца сквозит страх перед растущей экономической мощью этой страны (*some of your fiercest rivals will be Chinese*).

В заключительной части абзацы 8 и 9 нейтральны в прагматическом отношении и в воздействии на восприятие текста. Очевидная незаконность действий Китая требует правового противодействия (абзац 8), а сильную конкуренцию с его стороны надо приветствовать (абзац 9).

Таким образом, контекстное окружение лексемы *China* в четырёх абзацах негативное, в двух

положительное, в одном двойственное и в двух нейтральное.

Второй компонент модели – лексема *fair*, соединённая в названии статьи с лексемой *China*. Эта лексема создаёт второй вектор функционально-прагматической перспективы текста, который оказывает существенное воздействие на восприятие текста и формирование образа главного действующего лица текста.

Исследование прагматического интенционала лексемы *fair* свидетельствует о том, что текст всеми возможными способами стремится нейтрализовать позитивное, положительное поле данной лексемы и заменить его на негативное и отрицательное.

Рассмотрим эти способы.

Коммуникативная нейтрализация. Частотность употребления лексемы *fair* в тексте равна 2. Обращает на себя колоссальная разница в коммуникативно-частотном весе двух главных слов названия статьи: *China* – 52, *fair* – 2.

Семантико-полевая нейтрализация. Лексема *fair* находится в тексте в одиночестве. Текст не имеет слов, связанных с данной лексемой семантически или ассоциативно.

Имплицитная нейтрализация. Лексемы *China* и *fair* включены в заголовок статьи, следовательно, они первыми попадают в поле внимания читателя, фиксируют его внимание на себе (функция заголовка – привлечь внимание адресата, выразить главную мысль текста и направить восприятие текста в желаемом направлении) и включают механизм формирования желаемых образов. Название статьи имеет форму общего вопроса. Общий вопрос требует ответа «да» или «нет», причём при отсутствии знаний о ситуации или содержании текста вероятность каждого ответа одинакова – 50%. Однако включение в общий вопрос противительного союза *but* выполняет важную смысловую функцию, оказывающую существенное воздействие на первичное восприятие текста. По своей сути этот союз является импликацией, которая начинает формировать негативную подсознательную пресуппозицию в отношении Китая, вызывая сомнение в том, может ли Китай действовать справедливо, и тем самым склоняя читающего к отрицательному ответу.

Эксплицитная нейтрализация. *Fair* включается в однозначно отрицательный контекст: “the world will be dominated by an economy that does not play fair.” Это второе предложение, в котором *fair* употреблено в тексте, помимо заголовка.

Антонимическая нейтрализация. Интенсивность борьбы с лексемой *fair* нарастает. После двукратного появления в тексте (заголовок и абзац 3) лексема *fair* исчезает и вместо неё начинает функционировать её антоним *unfair*, который употреблён в тексте три раза.

Стилистическая нейтрализация. Текст избегает соединения лексемы *China* с позитивными коннотациями. В предложении “The hardest category is competition that is unfair, but not illegal” подчёркнутый предикативный компонент ‘несправедливый, но не незаконный’ по существу означает “несправедливый, но законный”. Текст, однако, избегает такого определения в плане языкового, словесного выражения и чувственного, зрительного восприятия, оставляя его в плане смыслового содержания и мыслительного восприятия. С психолингвистической точки зрения длинное слово *illegal* (7 букв) отпечатывается при произвольном восприятии сильнее, чем короткая отрицательная частица *not* (3 буквы). Восприятие и осмысление двух отрицательных смыслов ‘не незаконный’ требует включения произвольного внимания, иными словами, дополнительного усилия. При достаточно быстром чтении, а политический дискурс, постоянно генерирующий новую информацию, принуждает читать быстро, механизм произвольного внимания может не включиться, и в восприятии читающего зафиксирован отрицательный смысл *illegal*, усиленный предыдущим отрицательным смыслом *unfair*.

После того, как текст связал нравственную категорию *fair / unfair* с правовой *legal / illegal*, становится интересным посмотреть, как текст относится к лексеме *legal*. Оказывается, точно так же, как к лексеме *fair*. Частотность лексемы *legal* равна 1 (коммуникативная нейтрализация). И точно так же текст прибегает к стилистической нейтрализации, заменяя её другими словами. В абзаце 4 текст выделяет три вида конкуренции со стороны Китая: *illegal, intense and unfair*. В абзаце 6 текст уточняет понятие *intense competition* и определяет его как *intense but legal competition*.

Кажется, кристаллизация прагматического функционала текста завершена: лексема *China* погружена в пространство негативных смыслов, а лексема *fair* дезавуирована и превращена в свой антипод. Однако это не так. Завершают прагматическую перспективу текста две лексемы, соединённые с лексемой *China: responsibility and custodian* (абзац 11). Несмотря на то, что Герма-

ния и Америка разбогатели в XIX веке, используя тарифы и субсидии /фоновая пресуппозиция – несправедливость/ (19th-century Germany and America grew rich behind subsidies and tariff walls), а Британия и Япония были жестоки к Китаю (Britain and Japan were bullies), Китай несёт ответственность *responsibility* за сохранение глобальной торговой экосистемы и является одним из её хранителей *custodian*.

Выводы и заключение. Политический дискурс представляет собой сложное, многомерное речевое явление. Он изобилует политическими смыслами, явными и скрытыми идеологическими пристрастиями, имеет национально-культурную окраску, может содержать исторические ссылки, религиозные аллюзии, выражать мнение автора или политическую позицию средства массовой информации.

С другой стороны, восприятие политического дискурса субъективно и индивидуально. Морально-нравственные ценности реципиента, его религиозная, идеологическая и этническая идентичность, образовательный уровень, социальный статус оказывают решающее воздействие на направленность восприятия политической коммуникации. Данная реальность может привести к соблазну сделать следующий вывод: если восприятие политического дискурса субъективно и индивидуально и, следовательно, относительно, то любой политический текст может быть интерпретирован с диаметрально противоположных позиций, причём эти позиции могут считаться равнозначными и равноценными. Следует отметить в этой связи, что ситуация, когда одно и то же политическое заявление получает абсолютно непримиримые и несоединимые оценки сторон, становится обыденным явлением политической жизни.

Однако такой вывод не совсем корректен. Да, восприятие во многом субъективно, но язык как средство общения обладает двуплановостью – планом выражения и планом содержания. Последнее в виде лексических, грамматических, стилистических значений, смыслов и их оттенков, наличествующих в языковом сознании человека, является той сущностной, онтологической основой, которая позволяет языку в процессе речевого общения формировать инвариантную основу прагматического функционала текста, независимую от субъективно-индивидуальных особенностей восприятия текста.

Статистическое и коммуникативно-семантическое моделирование прагматического

измерения политического дискурса даёт возможность приблизиться к решению проблемы поиска языкового, материального носителя прагматического функционала текста как целостного речевого образования, как продукта реального функционирования языка в процессе политического дискурса.

Лексико-статистическая модель позволяет определить, имеет ли текст информационную (референциальную) или эмоциональную (эмотивную) направленность.

Семантико-статическая модель иллюстрирует референциальную (существительные), атрибутивную (прилагательные) и предикативную (глаголы) измерения текста. Она показывает результат отбора и включения в речевой продукт информационно-содержательных, описательных и иных семантических данных.

Семантико-коммуникативное моделирование реализуется в виде семантико-коммуникативной модели на основе размера лексико-семантического поля и семантико-коммуникативной модели на основе частотного веса поля. Данные модели позволяют

выявить иллюкутивную направленность текста, измерить её в словах и частотных характеристиках и определить главные коммуникативно-прагматические фокусы текста.

Основой модели функционально-прагматической перспективы текста и языковых способов её выражения становятся выявленные в результате семантико-коммуникативного моделирования прагматические экспликации и композиционная структура текста. Прагматический функционал текста определяется частотным весом коммуникативно-прагматических экспликаций текста, смысловым (контекстным) полем, в которое они погружены, и лексемами, обозначающими главную мысль, к которой подводит читателя текст.

Проведённое исследование свидетельствует, что семантическое и коммуникативное моделирование может быть эффективным методом изучения материальной, языковой основы прагматического потенциала текста вне его связи с особенностями субъективного и индивидуального восприятия.

Список литературы

1. Климович Н.И. Сопоставительное статистическое и семантическое моделирование военного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Климович Николай Иванович; ВКИ. Москва, 1987. 21 с.
2. Климович Н.И. Контекстуально-прагматическое измерение информационно-медийного дискурса // Языки и культуры. М.: МГИМО(У) МИД России, 2013. С. 84-90.
3. Пономаренко Е.В. Прагматическое воздействие как базовая функция английского делового дискурса // Филологические науки в МГИМО. 2017. № 12. С. 55-63.
4. Храменко Д.С. Ирония и юмор как дискурсивные механизмы прагматического воздействия (на материале англоязычных деловых публикаций СМИ) // Филологические науки в МГИМО. 2017. № 12. С. 70-75.
5. Carreon, Jonathan Rante; Svetanant, Chavalin. What Lies Underneath a Political Speech? : Critical Discourse Analysis of Thai PM's Political Speeches Aired on the TV Programme Returning Happiness to the People // De Gruyter Open: Open Linguistics. 2017, 3, pp. 638–655.
6. Cribb, V. Michael; Rochford, Shivani. The Transcription and Representation of Spoken Political Discourse in the UK House of Commons // International Journal of English Linguistics. 2018, vol. 8, no. 2; p. 1-14.
7. Deroey, Katrien. Markers of lesser importance in lecture discourse // University of Luxembourg, Open Repository and Bibliography. 2017. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://orbilu.uni.lu/bitstream/10993/33179/1/Deroey%202017%20Markers%20of%20lesser%20importance%20CAAD.pdf> (Дата доступа 28 декабря 2017 г.)
8. Horn, L. and Kecskes, I. Pragmatics, Discourse, and Cognition. Yale University. 2013, p.355-375. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.albany.edu/faculty/ikecsek/files/Horn%20and%20Kecskes%2065-45-R1026-Horn.pdf> (Дата доступа 12 января 2018 г.)
9. Mengyu He, Hajar Abdul Rahim. Exploring Implicit Metadiscourse in Legal Discourse. An Analysis of the Chinese and American Constitutions // Indonesian Journal of Applied Linguistics. 2017, vol. 7, no. 2, pp. 391-40.
10. Olaluwoye, Layo. Language and Ideology in Discourses on Gender Relations in The Guardian and Vanguard Newspapers // Agogo: Journal Of Humanities. 2017, vol. 3, p. 32-40.
11. Van Dijk, Teun A. News, Discourse and Ideology. Handbook of Journalism Studies. Thomasz Hanitzsch & Karin Wahl-Jorgensen (Eds.). Hillsdale, NJ: Erlbaum, 2008, p. 191-204.
12. Van Dijk, Teun A. Critical Discourse Analysis (new version). Handbook of Discourse Analysis. Second Edition. D. Tannen, H. Hamilton, & D. Schiffrin (Eds.). Chichester: Wiley Blackwell. 2015, 2 vols. (vol. 1, pp. 466-485).

Сведения об авторе:

Климович Николай Иванович – кандидат филологических наук, доцент, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации; доцент кафедры английского языка № 6, МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: лингвистика, теория и практика перевода, преподавание иностранного языка. E-mail: n.klimovich@inno.mgimo.ru.

PERCEPTION OF POLITICAL DISCOURSE: COMMUNICATIVE-PRAGMATIC DIMENSION

Nikolay I. Klimovich

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

The Abstract: *Political discourse abounds with political meanings, manifest and hidden ideological preferences, has a national-cultural coloring. Such features of political discourse make its perception largely subjective and individual. On the other hand, language as a means of communication has a dual nature – an expression plane and a content plane. The latter in the form of lexical, grammatical, stylistic meanings, which are present in a person's linguistic consciousness, is that essential, ontological basis that allows language in the process of speech communication to form the invariant basis of the pragmatic functional of the text which is independent of the subjective-individual features of the its perception.*

Communicative-semantic and pragmatic modeling can be an effective tool of exploring the tangible, language basis of the pragmatic dimension of the text excluding its connection with the peculiarities of subjective and individual perception.

Semantic modeling shows the result of selection and inclusion of informative, descriptive and other semantic data in the text.

Semantic-communicative modeling is realized in the form of the semantic-communicative model based on the size of a lexico-semantic field and the semantic-communicative model based on the frequency weight of such a field. These models make it possible to identify the illocutionary stance of the text and measure it in words and frequency characteristics and determine the main communicative-pragmatic explicators of the text.

The functional and pragmatic perspective of the text is based on the pragmatic explicators of the text, semantic (contextual) fields into which they are embedded, and the compositional structure of the text.

Key Words: *speech communication, discursive pragmatics, political discourse, theory of textuality, semantic-field modeling.*

References

1. Klimovich N.I. Sopostavitel'noe statisticheskoe i semanticheskoe modelirovanie voennogo teksta: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20 [Comparative statistical and semantic modeling of the military text. Summary of candidate of phil. sci. degree diss.]. Moscow, 1987, 21 p.
2. Klimovich N.I. Kontekstual'no-pragmaticheskoe izmerenie informatsionno-mediinogo diskursa [Contextual-Pragmatic Dimension of the Information-Media Discourse]. Iazyki i kul'tury – Languages and Cultures. Moscow, MGIMO (U), 2013. P. 84-90.
3. Ponomarenko E.V. Pragmaticheskoe vozdeistvie kak bazovaija funktsiia angliiskogo delovogo diskursa [Pragmatic impact as basic function of English business discourse]. Filologicheskie nauki v MGIMO [Philological sciences in MGIMO], 2017, no. 12, pp.55-63.
4. Khranchenko D.S. Ironiia i iumor kak diskursivnye mekhanizmy pragmaticheskogo vozdeistviia (na materiale angloiazychnykh delovykh publikatsii SMI) [Irony and humor as discursive mechanisms of pragmatic impact (based on business articles in mass media)]. Filologicheskie nauki v MGIMO [Philological Sciences in MGIMO], 2017, no. 12, pp. 70-75.
5. Carreon, Jonathan Rante; Svetanant, Chavalin. (2017). What Lies Underneath a Political Speech?: Critical Discourse Analysis of Thai PM's Political Speeches Aired on the TV Programme Returning Happiness to the People. De Gruyter Open: Open

- Linguistics; 3: 638–655.
6. Cribb, V. Michael; Rochford, Shivani. (2018). The Transcription and Representation of Spoken Political Discourse in the UK House of Commons. *International Journal of English Linguistics*; Vol. 8, No. 2; p. 1-14.
  7. Deroey, Katrien. (2017) Markers of lesser importance in lecture discourse. University of Luxembourg, Open Repository and Bibliography Retrieved 28 December, 2017 from <http://orbilu.uni.lu/bitstream/10993/33179/1/Deroey%202017%20Markers%20of%20lesser%20importance%20CAAD.pdf>
  8. Horn, L. and Kecskes, I. (2013). Pragmatics, Discourse, and cognition. Yale University. P.355-375 Retrieved 12.01 2018 from: <https://www.albany.edu/faculty/ikecshes/files/Horn%20and%20Kecskes%2065-45-R1026-Horn.pdf>
  9. Mengyu He, Hajar Abdul Rahim. Exploring Implicit Metadiscourse in Legal Discourse. An Analysis of the Chinese and American Constitutions. *Indonesian Journal of Applied Linguistics*, Vol. 7 No. 2, 2017, pp. 391-40.
  10. Olaluwoye, Layo Language and Ideology in Discourses on Gender Relations in The Guardian and Vanguard Newspapers. *Agogo: Journal Of Humanities*, Vol. 3, 2017, p 32-40.
  11. Van Dijk, Teun A. News, Discourse and Ideology. *Handbook of Journalism Studies*. Thomasz Hanitzsch & Karin Wahl-Jorgensen (Eds.) Hillsdale, NJ: Erlbaum, 2008. p. 191-204.
  12. Van Dijk, Teun A. Critical Discourse Analysis (new version). *Handbook of Discourse Analysis*. Second Edition. D. Tannen, H. Hamilton, & D. Schiffrin (Eds.), 2 vols. (vol. 1, pp. 466-485). Chichester: Wiley Blackwell, 2015.

About the author:

Nikolay I. Klimovich – Candidate of Science (Linguistics), Associate Professor, Merited Fellow of Higher Education of the Russian Federation, Associate Professor, English Department № 6, MGIMO-University under the MFA of Russia. Spheres of research and professional interest: linguistics, theory and practice of interpretation and translation, foreign language instruction. E-mail: n.klimovich@inno.mgimo.ru.

* * *

ВАРЬИРОВАНИЕ В АББРЕВИАЦИИ ТОПОНИМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Н.В. Кукина

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье рассматриваются возможности варьирования сокращений топонимов немецкого языка в периодической литературе. Базой для настоящего исследования является массив данных, включающий более 14 000 сокращений, выбранных из немецких газет и журналов и освещающих преимущественно факты и события из области экономики и менеджмента. Из собранного массива данных исследовались сокращения, в состав которых входят аббревиатуры-топонимы. Указываются официальные системы кодирования стран, регионов и территорий, в том числе международная двухбуквенная или трёхбуквенная системы, предложенные Международной Организацией по Стандартизации (ISO), автомобильные коды стран мира, трёхбуквенные аббревиатуры, определённые Международным олимпийским комитетом (МОК); выявляются причины отклонения от узаконенных вариантов сокращений, к числу которых относятся стремление к наибольшей степени компрессии в составе многокомпонентных аббревиатур, стремление избежать омонимии, а также сделать топоним в сокращённой форме более узнаваемым, что наиболее характерно для юридической сферы, требующей особой чёткости и ясности. Причиной отступления от установленных норм сокращения топонимов могут быть также специфические функции, присущие аббревиатурам-эргонимам. Среди них в первую очередь выделяется информативная функция, а также стремление достичь стилистического эффекта при создании акронимов и омоакронимов и при использовании аббревиатур-топонимов в рекламной сфере. Отмечается, что вариативность и отступление от установленных правил в использовании аббревиатур-топонимов допускаются в первую очередь в периодической литературе, важной чертой которой является сочетание стандарта и экспрессии.

Ключевые слова: *топоним, аббревиатура, вариативность, классификация, периодическая пресса*

Терминология современного немецкого языка в значительной мере пополняется посредством аббревиации. Настоящая статья посвящена рассмотрению особенностей использования аббревиатур в немецкой периодической литературе, в которой наиболее ярко проявляется вариативность терминов-сокращений несмотря на то, что одним из требований, предъявляемых к терминам, является их однозначность.

В качестве материала исследования используются тексты из немецкой периодической литературы по экономике и управлению, в частности, из журналов *Wirtschaftswoche*, *ManagerMagazin*, *Spiegel*, а также немецко-русский словарь сокращений по экономике и управлению, составленный коллективом преподавателей и включающий в себя на настоящий момент более 14 000 единиц – терминов, относящихся к различным сферам экономики и управления. Пред-

мет исследования – аббревиатуры, являющиеся сокращениями-топонимами, в первую очередь сокращениями наименований стран и федеральных земель. Объектом исследования являются сокращения, соотнесённые с одним топонимом. Актуальность данного исследования определяется стремлением выявить причины, которые обуславливают вариативность сокращений-топонимов.

Аббревиация, будучи одним из наиболее молодых способов словообразования, достаточно часто становилась предметом филологического исследования. Рассматривались и вопросы аббревиации топонимов. Однако при кажущемся обилии работ, в которых изучаются вопросы сокращения топонимов и вопросы вариативности в аббревиации, до сих пор остаются нерешённые проблемы. Необходимо отметить в этой связи, что мы подходим к рассмотрению вопросов варьирования в аббревиации несколько с других позиций.

Так, в диссертационном исследовании И.Ю. Рахмановой анализируются формы сокращений имён собственных, образованных от одного коррелята, причём отмечается, что формы эти бывают разноструктурными, могут отличаться степенью редукции, наличием или отсутствием оценочного суффикса, степенью стандартности, а также стилистической и территориальной маркированностью, степенью новизны, популярностью, в них возможны различия по параметрам возраста и пола. Формы сокращений могут различаться помимо этого принадлежностью к разным социальным слоям общества и т.д. [8, с. 234]. Очевидно, что автором рассматриваются все имена собственные, а не топонимы конкретно, поскольку большая часть указанных признаков к изучаемым нами сокращениям наименований государств и федеральных земель отношения не имеет.

В статье Р.З. Мурясова рассматриваются краткие и полные (официальные, т.е. принятые в ООН) варианты гипер- и макротопонимов в русском, английском, немецком и французском языках. При этом под гипертопонимами понимаются названия континентов (материков), океанов, полюсы земного шара, названия стран, а под макротопонимами – названия столиц государств, крупных регионов, штатов, губерний, областей, горных систем, крупных морей, рек, островов. Говоря о вариативности форм топонимов, автор статьи указывает, что топонимы могут иметь наряду с краткой формой (Албания)

развёрнутые формы в официальном варианте (Республика Албания), причём соответствующим официальным и неофициальным формам гипертопонимов в английском и немецком языках вариативность не свойственна. Далее в статье рассматриваются изменения в названиях государств (стран) в официальной форме, обусловленные социально-политическими процессами и, прежде всего, стремлением отразить демократический, социально ориентированный характер политического строя. Достаточно подробно анализируется словообразовательная активность топооснов. Приводятся примеры участия аббревиатур-топонимов в деривационных процессах, например: USA-Bürger, KDVR-Bürger [7, с. 760]. Однако этим упоминание процесса аббревиации в связи с топонимами собственно и ограничивается.

Котельникова К.И. упоминает аббревиацию топонимов в связи с реализацией словообразовательных потенциалов топооснов, в которой их структура играет значительную роль. Так, краткое наименование государства (но не в форме аббревиатуры), например, Amerika продуктивно в словообразовании (словопроизводстве), так как служит основой для образования прилагательных (amerikanisch); аббревиатура того же топонима, например, US, продуктивна в словосложении, поскольку является зачастую базой для создания отаббревиатурных производных (US-Handelsbilanz), словообразовательная же потенция составного топонима (die Vereinigten Staaten von Amerika) нулевая [4, с. 1181].

Статья А.Н. Беляева посвящена вопросам оптимальной длины собственного имени и семантических типов отношений между компонентами в его структуре. Автор подчёркивает важное теоретическое и прикладное значение современных исследований о длине и структурной организации имени собственного, поскольку имена собственные занимают своеобразное положение в системе языка, что даёт основание говорить об ономастике как об особой отрасли языкознания с собственными закономерностями и со специфическим преломлением языковых законов.

Особый интерес для нас представляют высказывания автора о концепции референции и именования, представленной в современной модально-логической семантике. В теории концепция референции позволяет, по мнению А.Н. Беляева, присвоить каждому объекту, имеющему собственное имя, произвольную комбинацию из

цифр или букв. Как отмечает далее автор, такого рода идентифицирующие системы имеют ограниченную сферу применения, так как признаки отличительности и прозрачности отражаются в таких знаках недостаточно полно [1, с. 16].

Однако в отношении кодов, используемых для обозначения наименования стран, следует отметить, что они представляют собой не произвольную комбинацию букв, а набор из букв, входящих в полное наименование соответствующего топонима, что повышает их узнаваемость. Кроме того, сферы применения этих кодов строго разграничены. Дело в том, что разработано несколько различных систем кодирования, наиболее известная из которых ISO 3166-1. Этот стандарт определяет коды для большинства стран и зависимых территорий мира и в свою очередь включает в себя два кода: двухбуквенный (ISO 3166-1 alpha-2) и трёхбуквенный (ISO 3166-1 alpha-3). Кроме того созданы трёхбуквенные коды стран Международного олимпийского комитета (МОК), коды международных номерных знаков автомобилей, а также двухбуквенные коды доменных имён верхнего уровня стран, используемые в сети Интернет. Строго разграниченное использование данных кодов применительно к определённой сфере помогает избежать путаницы, поскольку аббревиатура RU в стандартных кодах ISO соотносится с Russland (Россия), а в международных номерных знаках автомобилей с Burundi (Бурунди). Сокращение ANT в стандартных кодах ISO присвоен Нидерландским Антильским островам (Niederländische Antillen), а в кодах стран МОК – Антигуа и Барбуда (Antigua und Barbuda). Код CL согласно стандарту ISO соответствует Чили (Chile), а в номерных знаках автомобилей – Шри-Ланка (Sri Lanka). Не говоря уже о том, что строгое соблюдение сфер применения кодов стран и аббревиатур помогает снять омонимию, поскольку код Грузии (Georgien) GEO и название международного научно-популярного журнала «GEO», издаваемого ежемесячно с 1976 года компанией Gruner + Jahr, являются омонимами, а код Демократической республики Конго CD омонимичен общепринятому сокращению для компакт-дисков.

Несмотря на то, что разработаны достаточно чёткие системы кодификации для топонимов и разграничены сферы их использования, в периодической литературе, для которой специальная кодификация топонимов отсутствует, единства в использовании аббревиатур-топонимов не на-

блюдается. Этим, в частности, объясняется возможность варьирования в использовании сокращений для одного и того же топонима. Так, в случае самостоятельного употребления аббревиатуры США в немецкой прессе используется трёхбуквенный код: „Einzig für die USA gibt es im deutschen Leitfadens keine eindeutige Bezeichnung“. (Quelle: https://de.wikipedia.org/wiki/Vereinigte_Staaten), в составе же композитов принято использовать двухбуквенный код (US-amerikanisch, US-Streitkräfte, US-Wirtschaftsboom). Однако и в этом случае единообразие не всегда соблюдается, особенно если речь идёт о рекламных текстах, например: Lieber USA-Food Fan; USA-Lebensmittel, USA-Süßigkeiten und Getränke im Onlineshop von candymax.de kaufen / bestellen (Quelle: <https://www.candymax.de>).

Можно отметить также широко распространённое в немецкой периодике сокращение для ФРГ – BRD, например: „Die Schulden hat die BRD bei diversen Banken gemacht, gehört diesen Banken nun etwa die BRD?“ (Quelle: www.wahrheiten.org/blog/brd-luege/). „Die Theorie von der BRD-Lüge argumentiert auf putzige Weise legalistisch.“ (Quelle: www.zeit.de > ... > Jahrgang 2014 > Ausgabe: 47). „Bertelsmann lässt die BRD auf Platz 6 vorrücken“ (Quelle: www.unsere-zeit.de/de/4835/wirtschaft-soziales/3424).

Ещё в большей мере отступления от правил использования сокращений-топонимов можно наблюдать в том случае, когда эти сокращения входят в наименования фирм и производственных объединений, поскольку в этом случае аббревиатурам могут быть присущи специфические функции. С одной стороны, сокращения выполняют и здесь свою основную функцию – функцию экономии места или компрессии, в связи с чем и в наименовании фирм чаще всего используются инициалы топонимов, например: DT – Deutsche Telekom фирма «Дойче Телеком», DEW – Deutsche Edelstahlwerke «Дойче Эдельштальверке» (заводы легированных сталей /Крефельд), RWW – Rheinisch-Westfälische Wasserwerksgesellschaft «Райниш-Вестфалише Вассерверкгезельшафт» (Рейнско-Вестфальская компания водопроводных (насосных) станций). С другой стороны, слоговые аббревиатуры и аббревиатуры, образованные по типу усечения, частично реализуют свой информационный потенциал, поскольку «следы» исходных полных единиц в них могут быть легче расшифрованы. Такие аббревиатуры-эргонимы могут содержать в себе информацию о местонахождении объек-

та номинации [5, с. 134], например: Hanomag – Hannoversche Maschinenbau-Aktiengesellschaft (Ганноверское акционерное общество машиностроительных и автомобильных заводов), DeTeMedien Deutsche Telekom Medien «Дойче Телеком Медиен» (фирма по производству мультимедийных средств группы предприятий «Дойче Телеком»). Впрочем, это касается не только наименования фирм. При наименовании международных организаций в действие также может вступать влияющий на структуру сокращения прагматический фактор опознаваемости, требующий, чтобы сокращённая единица имела достаточное количество отличительных формальных признаков, чтобы соотноситься с определённой единицей плана содержания, что ведёт к использованию слога вместо инициала: EuRH вместо ERH – Europäischer Rechnungshof (*Европейская счётная палата*) [6, с. 3572].

Помимо информационной функции наименования фирм присуща также определённая рекламная функция, которая объясняет появление номинаций в виде акронимов, более удобных в произношении и потому легче запоминающихся, например: DEMAG – Deutsche Maschinenfabrik-Aktiengesellschaft («Демаг» – машиностроительный концерн), Degussa – Deutsche Gold- und Silberschneideanstalt «Дегусса» (западногерманская фирма, занимающаяся производством и продажей драгоценных металлов), для чего опять-таки используются сокращения-топонимы в виде усечений. Ещё ярче рекламная функция проявляется при образовании эргонимов-омоакронимов, то есть наименований, совпадающих фонетически (и/или графически) с именами собственными, например: AMINA – Amerikanische Gesellschaft der Schiffbau- und Schiffsmaschinenbau-Ingenieure «Амина» (американское объединение инженеров-судостроителей и машиностроителей для целей судоходства) или с полными словами, например: TAG – Trans-Austria-Gasleitung (*Трансавстрийский газопровод*) [2, с. 54]. Как мы видим, в последнем случае в целях создания омоакронима использовано сокращение-топоним А для Austria, которое официально входит в международные опознавательные знаки автомобильных номеров, к которым данное сокращение не относится.

Определённая вариативность присутствует также и в использовании аббревиатур таких топонимов как федеральные земли Германии. Это может объясняться, с одной стороны, стремлени-

ем избежать омонимии: NS (Niedersachsen *земля Нижняя Саксония*) – NS. (Nachschrift *постскриптум, приписка*) – ns (not specified *не уточнено, подробности отсутствуют*). В связи с этим вместо официального сокращения для наименования земли Нижняя Саксония может употребляться усечение NI (NIHK – Niedersächsischer Industrie- und Handelskammertag *конгресс торгово-промышленных палат земли Нижняя Саксония*). В то же время, поскольку основной целью аббревиации является компрессия информации, т.е. стремление к максимальной экономии места, в случае многокомпонентных аббревиатур наименование федеральной земли может сокращаться до одного инициала (NJAO – Niedersächsische Ausbildungsordnung für Juristen *порядок получения юридического образования в земле Нижняя Саксония*; NLIS – Niedersächsisches Landesamt für Immissionsschutz *ведомство земли Нижняя Саксония по охране (защите) окружающей среды от воздействия (экологически) вредных выбросов*) [3, с. 296].

Иначе обстоит дело с аббревиатурами наименований законов, в которые входят топонимы-сокращения. Поскольку юридические вопросы требуют особой чёткости и ясности, в их аббревиатурах более распространены усечения, так как усечения более прозрачны и узнаваемы, нежели инициалы или другие виды сокращений, например: BayVerfGE – Sammlung von Entscheidungen des Bayerischen Verfassungsgerichtshofes *сборник решений конституционного суда земли Бавария*. Кроме того, это также помогает снять омонимию: BY – Bayern *Бавария* и BY – Belarus *Белоруссия – Республика Беларусь*.

Усечения топонимов используются нередко и при сокращении наименований юридических инстанций, например: SchlHOLG Schleswig-Holsteinisches Oberlandesgericht *верховный суд земли Шлезвиг-Гольштейн* (вместо SH Schleswig-Holstein *Шлезвиг-Хольштейн*), опять-таки с целью повышения узнаваемости топонима.

Тем не менее, пожалуй, наиболее ярко при образовании сокращений, в том числе с участием аббревиатур-топонимов, проявляется стремление к экономии. Это стремление обуславливает чаще всего нарушение международных правил сокращения, установленных для наименования стран. Так, в немецких источниках встречаются многочисленные сокращения австралийских организаций, в которых топоним Australian представлен инициалом А, например: «Nach Angaben des Australian Bureau of Statistics (ABS)

haben 99% der Haushalte bereits im Jahr 2009 an Recyclingprogrammen teilgenommen», где ABS – Статистическое бюро Австралии (Quelle: Länder- und Brancheninformationen VDMA – <https://www.vdma.org/...Australien/acc41ab7-981e-4382-96...> S. 22); «Laut Australian Council of Recyclers Inc. (ACOR) reduzieren die Recyclingbemühungen in Australien den jährlichen CO2 Ausstoß um 8,8 Millionen Tonnen», где ACOR – Австралийский совет по вопросам рециклизации (Quelle: Länder- und Brancheninformationen VDMA – <https://www.vdma.org/...Australien/acc41ab7-981e-4382-96...> S. 22); «Der Waste Management Association of Australia (WMAA) ist der führende Verband mit Niederlassungen in allen Bundesstaaten und Territorien», где WMAA – Австрийская ассоциация по управлению отходами (Quelle: Länder- und Brancheninformationen VDMA – <https://www.vdma.org/...Australien/acc41ab7-981e-4382-96...> S.30); «Die australische Regierung hat die Notwendigkeit der Wassereinsparung sowie eines besseren Management der natürlichen Ressource verstanden und im Jahr 1994 hat das Council of

Australian Government (COAG) ein Regelwerk zur Separierung von Land- und Wasserrechten entwickelt», где COAG – Совет при правительстве Австралии (Quelle: Länder- und Brancheninformationen VDMA – <https://www.vdma.org/...Australien/acc41ab7-981e-4382-96...> S. 33); ACCC – Australia Competition and Consumer Commission (Австралийская комиссия по поддержке конкуренции и прав потребителей) (Quelle: Exportbericht Australien – Außenwirtschaftsportal Bayern <https://www.vdma.org/...Australien/acc41ab7-981e-4382-96...>). Список примеров можно было бы продолжить, но и приведённые примеры свидетельствуют о том, что в целях экономии зачастую используется в качестве сокращения инициальная аббревиатура, хотя, как можно видеть из выдержки из таблицы, прилагаемой к указанному нами немецко-русскому словарю сокращений по экономике и управлению, ни одна официальная классификация не предусматривает такого сокращения для топонима Australien / Australia:

	Nach ISO, DIN A2 Межд. Станд. 2 букв.	Nach ISO, DIN A3 Межд. Станд. 3 букв.	Auto-Kenn-zeichen Межд. Авто-код	IOC / FIFA Межд. Олимп. комитет
Australien (Австралия)	AU	AUS	AUS	AUS

Иногда варианты аббревиатур топонимов выполняют в периодике стилистическую функцию, например, использование в рекламном слогане американского концерна «Дженерал Электрик» англо-американской аббревиатуры GE для обозначения Германии, чтобы подчеркнуть тем самым происхождение фирмы: „Wir sind das GE in GErmany“ – so lautet die Botschaft der neuen, deutschlandweiten Kampagne, die GE heute startet. (Quelle: www.manager-magazin.de › Unternehmen › Siemens).

Таким образом, мы видим, что аббревиатуры наименований стран систематизированы и употребляются в определённых сферах строго в соответствии с разработанными классификациями, однако в периодической литературе встречаются различные варианты аббревиатур, соотнесённых с одним коррелятом, что может быть вызвано наличием омонимов, традицией, использованием языковой игры в рекламе. Вариативность отмечается также в использовании аббревиатур федеральных земель Германии. Отступление от нормы в сторону сокращения аббревиатуры до одного инициала может быть вы-

звано стремлением к компрессии текста в случае вхождения аббревиатуры в состав многокомпонентного сокращения-эргонима, а отступление от нормы в сторону удлинения «следа» полного прототипа аббревиатуры может объясняться необходимостью сделать аббревиатуру более прозрачной. Отступления от нормы присущи именно языку периодики, поскольку ему в принципе свойственны соединение особенностей научной и разговорной речи, то есть допущение определённой вольности в обращении с лексическим материалом.

Тем не менее, желательно придерживаться установленных правил при использовании сокращённого варианта топонимов. В связи с этим мы сочли необходимым дать в приложении к составленному нами Немецко-русскому словарю сокращений сводную таблицу сокращений наименований стран, включающую различные классификации кодов, в том числе код домена в сети Интернет, а также неофициальные сокращения, встречающиеся в периодической немецкой литературе, выдержка из которой приведена выше.

Список литературы

1. Беляев А.Н. Оптимальная длина и оптимальная структура собственного имени в немецком языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 27 (382). Филологические науки. Вып. 98. С. 14–19.
2. Голубева Т.И. Особенности функционирования англо-немецких гибридов в аббревиации // Издательство «Грамота». Журнал «Филологические науки. Вопросы теории и практики». № 8 (38), ч.1, Тамбов 2014. С. 53 – 56.
3. Зиновьева А.Ф., Миляева Н.Н. Немецко-русский словарь сокращений. Экономика и менеджмент. М.: Р. Валент, 2007. 296 с.
4. Котельникова К.И. Некоторые аспекты изучения топонимов в немецком языке // Вестник Башкирского университета – 2013. Выпуск № 4, том 18. С. 1179 – 1183.
5. Маркова Т.С. Функции аббревиатур-эргонимов тематического поля менеджмента (на материале современного немецкого языка) // European science and technology. Materials of the VI International research and practice conference. Munich, Germany 2013. Vol. II, p. 132 – 136.
6. Маркова Т.С. К вопросу о синонимии разноструктурных аббревиатур тематического мегаполя менеджмента (на материале современного немецкого языка) // Современные научные исследования. Выпуск 2, т. 20, 2014. с. 3571 – 3575.
7. Мурясов Р.З. Топонимы в системе языка // Вестник Башкирского университета. Раздел «Филология и искусствоведение». Том 18 Выпуск №3. 2013. с. 753 – 762.
8. Рахманова И.Ю. Варьирование в аббревиации в английском языке: дис. канд. филол. наук. Уфа, 2004, 234 с.

Сведения об авторе:

Кукина Наталья Владимировна – Старший преподаватель кафедры немецкого языка МГИМО (Россия, Москва) E-mail: Nataliya-vl@mail.ru.

VARIATION IN THE ABBREVIATION OF TOPONYMS (ON THE BASIS OF MODERN GERMAN)

Natalia V. Kukina

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

The Abstract: *The article focuses on the variability found in German abbreviations with toponyms as used in periodical press. From the data of 14, 000 units – abbreviations frequent in the field of management and economics – were selected those with toponyms and subjected to careful examination. There is adduced an official code system of countries, regions and territories, including the international two- and three-letter systems proposed by the International Organization for Standardization (ISO), automobile codes of the countries, three-letter abbreviations determined by the International Olympic Committee (IOC). There are given reasons of deviations from accepted abbreviations, which are the tendencies for compression, avoidance of homonyms, and desire to make a place-name more recognizable, which are mostly characteristic of the legal field, requiring precision and clarity. The reasons of deviations from the established norms of abbreviation typical of toponyms are their stylistic functions of expressivity they perform in advertising texts and periodical texts in general.*

Key Words: *toponym, abbreviation, variability, classification, periodical press*

References

1. Belyaev A.N. Optimal'naiia dlina i optimal'naiia struktura sobstvennogo imeni v nemetskom iazyke [Optimal length and optimal structure of a proper noun in German] // Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Cheliabinsk State University]. 2015. No. 27 (382). Filologicheskiye nauki. Vyp. 98. S. 14–19 [Philological Sciences. Issue. 98. pp. 14-19]
2. Golubeva T.I. Osobennosti funktsionirovaniia anglo-nemetskikh gibridov v abbreviatsii [Features of the functioning of Anglo-German hybrids in the abbreviation] // Izdatel'stvo «Gramota». Zhurnal «Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki». №

-
- 8 (38), ch.1, Tambov 2014. S. 53 – 56 [Gramota Publishing House. The journal “Philological Sciences. Questions of theory and practice “. No. 8 (38), part 1, Tambov 2014. P. 53 – 56]
3. Zinovieva AF, Milyaeva N.N. Nemetsko-russkiy slovar' sokrashcheniy. Ekonomika i menedzhment. [German-Russian dictionary of abbreviations. Economics and management.] Moscow: R. Valent, 2007. 296 p.
  4. Kotelnikova K.I. Nekotorye aspekty izucheniia toponimov v nemetskom iazyke // [Some aspects of the study of toponyms in the German language] // Vestnik Bashkirskogo universiteta – 2013. Vypusk № 4, tom 18. S. 1179 – 1183. [Vestnik of the Bashkir University - 2013. Issue No. 4, volume 18. C. 1179 – 1183]
  5. Markova T.S. Funktsii abreviatur-ergonimov tematicheskogo polia menedzhmenta (na materiale sovremennogo nemetskogo iazyka) [Functions of abbreviations-ergonyms of a thematic field of management (on a material of modern German language)] // European science and technology. Materials of the VI International research and practice conference. Munich, Germany 2013. Vol. II, p. 132 – 1361.
  6. Markova T.S. K voprosu o sinonimii raznostrukturnykh abreviatur tematicheskogo megapolia menedzhmenta (na materiale sovremennogo nemetskogo iazyka). [On the question of the synonymy of the difference-structured abbreviations of the thematic megapolis of management (on the basis of the modern German language).] // Sovremennyye nauchnyye issledovaniya. Vypusk 2, 2014 k nauchno-metodicheskomu elektronnomu zhurnalu «Kontsept» na portale nauchnogo zhurnala www.e-koncept.ru. [Modern scientific research. Issue 2, 2014 to the scientific and methodical electronic magazine “Concept” on the portal of the scientific journal www.e-koncept.ru.]
  7. Murasov R.Z. Toponimy v sisteme iazyka [Toponyms in the Language System] // Vestnik Bashkirskogo universiteta. Razdel «Filologiya i iskusstvovedenie». Tom 18 Vypusk №3 [Bulletin of the Bashkir University. Section “Philology and Art History”. Volume 18 Issue No. 3 -2013, pp. 753 – 762]
  8. Rakhmanova I.Yu. Var'irovanie v abreviatsii v angliyskom iazyke [Variation in the abbreviation in English]: dis. kand. filol. nauk. [dis. Cand. philol. Sciences]. Ufa, 2004, 234 p.

About the author:

Natalia V Kukina – Assistant Professor of the German Language Department MGIMO University.

E-mail: Nataliya-vl@mail.ru.

* * *

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ БЛОКИ В СТРУКТУРЕ ЛИНГВОМЕНТАЛЬНОЙ СУБСФЕРЫ СЕМЬЯ В РУССКОЙ, УКРАИНСКОЙ, БРИТАНСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Н.А. Сергиенко

Сургутский государственный университет,
628400, Россия, Сургут, пр. Ленина, 1.

На основе анализа лексикографических источников и фразеологии в русской, украинской, британской и американской лингвокультурах автор выделяет основные когнитивные классификационные признаки в содержании лингвоментальной субсферы СЕМЬЯ и определяет ряд лингвокогнитивных категориальных блоков данного лингвоментального пространства в исследуемых лингвокультурах.

Целью данной статьи является сопоставительный анализ формирования лингвокогнитивных категориальных блоков в структуре лингвоментальной субсферы СЕМЬЯ в русской, украинской, британской и американской лингвокультурах.

Материалом исследования послужили лексикографические и фразеологические источники, из которых методом сплошной выборки отобраны для анализа лексические и фразеологические единицы, отражающие содержание лингвоментальной субсферы СЕМЬЯ в русской, украинской, британской и американской лингвокультурах.

Выделены следующие лингвокогнитивные категориальные блоки в структуре лингвоментальной субсферы СЕМЬЯ: 1) семья как совместно проживающая общность кровных и/или некровных родственников; 2) семья как совокупная общность всех кровных и некровных родственников; 3) семья как трудовой (профессиональный) коллектив; 4) семья как социально-культурная общность.

Доказано, что универсальное для всех исследованных лингвокультур ядро субсферы СЕМЬЯ составляют понятия «муж» и «жена», репрезентирующие некровных родственников, которые отображают минимальный состав нуклеарной полной семьи. Наименования всех остальных членов этого социокультурного феномена составляют периферийное пространство субсферы и пребывают в различных отношениях с ядерными компонентами: в кровном родстве (мать – дочь, сестра – брат, бабушка – внук и т.д.) или некровном (сноха – свекровь, зять – тёща и др.). Все компоненты лингвоментальной субсферы СЕМЬЯ объединены в одну структуру на основе общности быта, ответственности, взаимопомощи и взаимоуважения.

Ключевые слова: лингвокогнитивная категоризация, лингвоментальная субсфера СЕМЬЯ, когнитивные классификационные признаки, лингвокогнитивные категориальные блоки, лингвокультура, ядро лингвоментальной субсферы, периферия лингвоментальной субсферы, лексикографические источники, фразеологические источники

В современных лингвокогнитивных исследованиях утверждается, что категоризация предполагает осмысление объектов и явлений действительности в рамках категорий – обобщённых понятий [9, 14, 17, 18]. Лингвистические исследования, осуществляемые в координатах «язык ↔ человек», направлены на описание специфики бытия человека как субъекта культуры, как творца культурных смыслов, поскольку именно язык становится одной из разновидностей реализации культуры и её зеркалом [19, с. 173]. Осуществляя категоризацию действительности, сознание человека «сводит бесконечное разнообразие своих ощущений и объективное многообразие форм материи и форм её движения в определённые рубрики, то есть классифицирует их и подводит под такие объединения – классы, разряды, группировки, множества, категории» [12, с. 45-46].

Результатом категоризации как когнитивного процесса является формирование когнитивных классификационных признаков, которые выявляются в группах концептов (лингвоментальных сфер) и обнаруживаются в отдельных концептах (лингвоментальных субсферах). Когнитивные классификационные признаки упорядочивают концепты и их группы в единую концептосферу. При этом различают когнитивные классификационные признаки и дифференциальные когнитивные признаки [14, с. 89].

Когнитивный дифференциальный признак (или просто когнитивный признак) – это отдельный признак объекта, воспринятый сознанием человека и отображённый в структуре соответствующего концепта как отдельный элемент его содержания. Когнитивный классификационный признак – это компонент содержания концепта, отражающий тот или иной аспект, параметр категоризации соответствующего объекта или явления и обобщающий однородные дифференциальные когнитивные признаки в структуре концепта. Классификационные когнитивные признаки всегда являются общими для ряда, группы или многих концептов [там же, с. 90].

Анализ лексикографических источников и фразеологии в русской, украинской, британской и американской лингвокультурах позволяет нам выделить следующие основные когнитивные классификационные признаки в содержании лингвоментальной субсферы СЕМЬЯ:

а) союз двух лиц, как правило, противоположного пола, созданный на основе чувства любви и взаимного уважения с целью совмест-

ного ведения домашнего хозяйства, продолжения рода и/или воспитания детей;

б) наличие кровных и некровных, близких и дальних родственников;

в) совместная трудовая (профессиональная) деятельность;

г) общие социально-культурные установки и ценности.

Полисемичность универсально-родовой социально-биологической лингвоментальной субсферы СЕМЬЯ, семантическая эволюция её структуры позволяют нам на основе выделенных когнитивных дифференциальных признаков определить несколько лингвокогнитивных категориальных блоков для анализа этого лингвоментального пространства в исследуемых лингвокультурах:

1) семья как совместно проживающая общность кровных и/или некровных родственников;

2) семья как совокупная общность всех кровных и некровных родственников;

3) семья как трудовой (профессиональный) коллектив;

4) семья как социально-культурная общность.

При этом под лингвокогнитивным категориальным блоком мы понимаем лингвоментальную структуру, лексико-семантическое и фразеологическое содержание которой отражает лингвокультурную специфику восприятия языковой личностью определённых лингвоментальных сфер (концептов) и их компонентов (субсфер).

Перейдём к анализу особенностей лингвокогнитивной категоризации в структуре первого из выделенных нами лингвокогнитивных категориальных блоков в общем контексте универсально-родовой социально-биологической лингвоментальной субсферы СЕМЬЯ в современной русской, украинской, британской и американской лингвокультурах.

Известно, что наиболее распространённым типом современной семьи в России, Украине, Великобритании и США является нуклеарная семья, которая обычно состоит из родителей и детей (не состоящих в браке). Это классическая семья, возникновение которой связано с распадом расширенного типа семьи (представленной несколькими поколениями – чаще всего тремя), причиной которого современные социологи считают индустриализацию [5].

По мнению социологов А.И. Антонова и В.М. Медкова, в семье реализуются отношения

трёх типов: супружеские (муж – жена), родительские (родители – дети) и родственные (братья, сёстры, дедушки, бабушки, тёти, дяди и т.д.) [1, с. 37].

Основной актуализирующей семейной концепцией является «совместное проживание и ведение общего хозяйства». Ключевыми фигурами, несущими ответственность за устройство быта и благополучие всех членов семьи, являются, как правило, муж и жена. Они составляют минимальную структуру нуклеарной семьи и служат ядром субсферы СЕМЬЯ в любом обществе. Отсутствие хотя бы одного из основателей семьи (жены или мужа) позволяет классифицировать такую семью как неполную и «даёт все основания говорить о фрагментарности, «осколочности» семьи» [15; 25].

В словарной дефиниции «муж» «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля актуализируется сема «главенство по отношению к противоположному полу»: «Муж – человек рода он, в полных годах, возмужалый; возрастной человек мужского пола; относительно к женщине, жене: супруг, хозяин, образующий с женою чету» [6, с. 931]; ср.: «Жена – вообще женщина, замужняя женщина; супруга, баба» [7, с. 1326; 8]. Тем не менее, важность обоих супругов в семье подчёркивалась во многих пословицах и поговорках: *Жена без мужа – вдовы хуже; Муж с женой, что мука с водой (сболтать сболтаешь, а разболтать не разболтаешь); Муж и жена – одна сатана; Кому муж, тому и жена* [6, с. 931]; *З добрим подружжям і горі розгорюєш; Нема кращого друга, як вірна супруга; Чоловік за один кут хату тримає, а жінка – за три* [22, с. 178].

Этимологически слово «муж» происходит от «человек» [23, с. 671]. Доминирующая роль мужчины в семье основывается на том, что традиционно мужчинам приписывались такие черты характера, как мужество, «стойкость в беде, борьбе, духовная крепость, доблесть; храбрость, отвага, спокойная смелость в бою и опасностях; терпение и постоянство» [6, с. 931]. В украинском языке лексема «муж» в значении «женатый человек по отношению к своей жене» употребляется с пометой «устар., торжеств.» [2, с. 694], в основном для обозначения этого понятия используют слово «чоловік».

Этимология лексемы «husband» в английском языке даёт достаточно полное представление о первоначальном концепте в английском (британском и американском) ментальном простран-

стве. Лексема «husband» заимствована из древнескандинавского языка, от слова «hūsbōndi» – «хозяин дома», которое появилось в староанглийском в варианте «hūsbōnda». Второй элемент в слове «hūsbōndi», ««bōndi», со значением «человек, у которого есть земля и хозяйство», восходит к древнескандинавскому глаголу «būa», что в переводе «жить», «обитать», «иметь хозяйство» [26].

На основании лексико-семантического анализа современной лексемы «husband» в британской и американской лингвокультурах можно выделить следующие когнитивные признаки данного понятия (по аналогии с концептуальными признаками данной лексемы, выделенными Е.А. Кострубиной [11]):

- 1) partner (партнёр);
- 2) spouse (супруг);
- 3) mate (напарник);
- 4) married man (женатый человек);
- 5) family man (семьянин);
- 6) better half (лучшая половина);
- 7) hubby (муженёк).

Женатый человек (married man) со значением “a woman’s partner in marriage” (партнёр женщины в браке) [27] является достаточно нейтральным когнитивным признаком и не добавляет каких-либо коннотативных оттенков к содержанию данного концепта.

Семьянин (family man) с дефиницией “a man whose family is of a major importance to him” (человек, для которого семья имеет главенствующее значение) [27] обращает внимание носителей британской и американской лингвокультуры на важность семьи для женатого человека.

Супруг (spouse) в значении “a person’s partner in marriage” (партнёр по браку) [28] в своих словарных дефинициях является определяющим к лексеме «husband», таким образом, лексему «spouse» следует рассматривать как синоним «husband», с той лишь разницей, что в отличие от «husband» она обозначает партнёра в браке любого пола.

Партнёр (partner) с семантическим значением “either member of a couple in a relationship” (один из двух членов в каких-либо отношениях) [27] является синонимом лексемы «spouse» и определяет в паре человека любого пола, однако занимает более широкое семантическое пространство, поскольку употребляется не только в рамках семейных, но и в рамках производственных, дружеских, спортивных, профессиональных и проч. отношений.

Напарник (*mate*) в своём основном значении в англоязычных лингвокультурах также является синонимичным словам «*spouse*» и «*partner*». Такая повторяющаяся констатация факта партнёрства даёт возможность воспринимать мужа в британской и американской лингвокультурах как спутника жизни, принимающего участие во всех вопросах, касающихся семейных дел. Метафорическое значение лексемы *mate* (*chiefly British*) – *a good friend or companion* (*брум.* хороший друг, компаньон) [26] акцентирует внимание на качестве подобного семейного партнёрства – дружеских отношениях.

Обращаем внимание на то, что в англоязычном ментальном пространстве присутствуют также и разговорные обозначения мужа:

- *better half* (лучшая половина) *informal humorous* “one’s spouse” (*разговорное, юмористическое* супруг) [27];
- *hubby* (муженёк) *informal* “a husband” (*разговорное* муж) [27].

Однако стоит отметить, что данные номинации являются немногочисленными, а в целом лексема *husband* описывает в британской и американской лингвокультурах человека мужского пола, крайне заинтересованного в партнёрстве со своей женой и рассматривающего жизнь и интересы семьи как одну из главенствующих ценностей [11, с. 53].

Древним, имеющим индоевропейские корни, является слово «жена» (укр. «жона», «дружина»), этимологическое значение которого – «женщина, жена» [20, с. 105-110].

Стереотипные представления о мужчинах и женщинах вообще и о мужьях и женах в частности отличаются в обеих рассматриваемых славянских лингвокультурах: «Как героизм в мужчине, конечно, есть добродетель, – так главная добродетель в женщине, «семьянинке и домоводке», матери и жене, есть изящество манер, миловидность (другое, чем красота) лица, рост небольшой, но округлый, сложение тела нежное, не угловатое, ум проникновенно-сладкий, душа добрая и ласковая. Это те, которых помнят; те, которые нужны человеку, обществу, нации; те, которые угодны Богу и которых Бог избрал для продолжения и поддержания любимого своего рода человеческого» [16, с. 39].

Происхождение лексемы «*wife*» берёт своё начало от среднеанглийского «*wif*», староанглийского «*wīf*» в значении «*woman*» («женщина»), «*wife*» («жена»), германского *wībam, «*woman*» («женщина»), родств. совр. немецкому «*weib*»,

«*woman*», «*wife*» («женщина», «жена», индоевропейского «*ghwībh-*»; «*wīb*», означающего «одетая», «прикрытая» [28]. Таким образом, исходное значение лексемы «*wife*» – это «*woman*», женщина вне зависимости от брачных уз.

Современное толкование лексемы «*wife*» звучит как *the woman to whom a man is married* (женщина, на которой женат мужчина) [27], что повторяет репрезентацию биологического фактора и вводит указание на социальный статус.

Паремийный фонд британской и американской лингвокультур представлен рядом идиом, которые отражают как равноправные, партнёрские отношения в процессе семейного взаимодействия между мужем и женой, так и снисходительно-пренебрежительное отношение к жене: *A good wife makes a good husband; Behind every great man there’s a great woman; Marriages are made in heaven; The falling out of lovers is the renewing of love; Husband and wife live the same life; All married women are not wives; The cobbler’s wife is the worst shod* и др.

Исследованный нами лексикографический и паремийный материал даёт основания для вывода о тождественности представленности лингвоментальных понятий «муж» («отец») и «жена» («мать») в исследуемых лингвокультурах, что подтверждает мнение многих учёных об их архетипическом характере.

Развитие, а вследствие этого усложнение организации брачно-семейных отношений привело к появлению новых наименований родства и свойства: зять, невестка, шурин, деверь, тещь, тёща, племянник, племянница, золовка.

Так называемая большая, или расширенная, семья (включающая одну супружескую пару и других родственников, пребывающих в разной степени родства), а также составная (совокупность родственников, объединяющихся вокруг нескольких супружеских пар) в России и Украине существовали гораздо дольше, чем в Великобритании и США. Членов семей объединяло совместное проживание и общее ведение хозяйства. В связи с этим между ними складывались различные отношения. Сложившиеся стереотипные представления о том или ином родственнике отразились во многих пословицах и поговорках, представляющих систему оценок окружающего мира представителями разных лингвокультур. Вступая в различные родственные и свойственные отношения, каждый член семьи в зависимости от ситуации выполняет множество функций: например, женщина может

быть женой, сестрой, матерью, невесткой, бабушкой, снохой и т.д. При этом она может быть членом конфликтных и неконфликтных оппозиций. Наиболее распространёнными конфликтными оппозициями в русской и украинской лингвокультурах являются свекровь – невестка, тёща – зять, что отражено в паремийном фонде обоих языков.

Так, в пословицах и поговорках отмечено негативное отношение к невестке – девушке, пришедшей в семью мужа после замужества. Это объясняется тем, что она попадает в зависимость не только от своего супруга, но и от членов его семьи, особенно свекрови, которая ведёт хозяйство: *В семье все спят, а невестке молот велят* [13, с. 77]; *Улихой свекрови и сзади глаза* [Там же]; *Невестке в отместку* [24, с. 165]; *Кошку бьют, а невестке наветки дают (а невестка гляди да казнись)* [4]; *Свекор драчлив, свекровь ворчлива, деверья журливы, невестки мутливы* [там же]; *Зять по дочке помилеет, а сын по невестке опостылеет* [там же]; *Наша невістка – що не дай, то тріска* [22, с. 134]; *Як нема невістки, то нема на селі звістки; а як стала невістка, то стане на селі звістка* [там же, с. 135]; *Свекрусі невістка не вгодила, бо свекруха невістку незлюбила* [там же, с. 199]; *Свекруха любить невістку, як собаки діда* [там же]; *Як була я у батенька, то була чубатенька, а як стала у свекрухи, то й мій чуб об'їли мухи* [там же]; *Хто ж винен, як не невістка!* [там же].

Кроме того, негативно коннотированными являются отношения к свекрови, золовке, тёще: *золовка мутовка; золовка зловка; золовка колотовка* [7, с. 1722]; *Ой лихо, лихо, де свекруха є, а ще горійше, де є обоє* [3]; *В мене свекруха ревнива, ще й до ділечка лінива* [там же]; *На тихому зятеві теща воду возить* [22, с. 200]; *Тёща в хату – нема ладу* [там же, с. 201]; *Тёщиного языка аршином не зміриш* [там же, с. 201].

Если невестку преимущественно принимали в семью без почестей, то к зятю отношение было двоякое: *Если суждена в доме беда – пусть умирает сноха; если беда суждена за домом – пусть умирает зять* [21, с. 277]; *Зять – это человек, который до женитьбы и не подозревал, как много у него недостатков* [там же]; *Зять в дом – и иконы вон!* [там же]; *Зять во двор – и пирог на стол* [там же]; *Зять да сват у тёщи первые гости* [там же]; *Зять с тёщей говорили день до вечера, а послушать нечего* [там же]; *Зять тянет в одну сторону, тёща в другую* [там же]; *Зятю тёща, а жене мать* [там же].

В разветвлённой сети номинаций родства и свойства в русском и украинском языках такие ключевые понятия, как *рус.* отец, мать, отчим, мачеха, дочь, сын, падчерица, пасынок, сестра, брат, бабушка, внук, внучка, зять, невестка, золовка, деверь, сват, сватья, *укр.* батько, мати, дочка, син, падчерка, пасинок, сестра, брат, дідусь, бабуся, онук, онука, невістка, зовиця, дівер, сват, сваха, составляют периферию структуры субсферы СЕМЬЯ. В семантическом плане все они тождественны в обоих языках. Что же касается лексического воплощения понятий кровного родства, то лишь в паре *отец – батько* представленные лексемы имеют разные корни. Примечательно, что украинское слово «батько», следуя данным словаря, этимологически родственное слову «брат», которое в свою очередь является результатом фонетического упрощения праславянского *bratrъ* («брат»). «Значение «отец» в таком случае развилось уже после упрощения» [10, с. 152].

Номинации лиц, связанных кровным родством, имеют отличительную черту от названий свойственных отношений – невозможность употребляться с прилагательным «бывший». Ср.: *бывший зять, бывшая невестка, бывший тесть*, но нельзя сказать *бывшая мать* или *бывший брат*.

Необходимо отметить, что номинации близкого семейного родства в британской и американской лингвокультурах во многом находят свои семантические эквиваленты русским и украинским: лексико-семантическое ядро представлено лексемами *husband* и *wife*, на периферии находятся *father, mother, parent, step-father, step-mother, son, daughter, child, step-son, step-daughter, sister, brother, grandfather, grandmother, in-laws (son-in-law, daughter-in-law, brother-in-law, sister-in-law* и т.д.). Исключение составляет английское слово *sibling – each of two or more children or offspring having one or both parents in common; a brother or sister*, семантическими эквивалентами которого в русском и украинском языках являются лексемы *брат* и *сестра*. Безэквивалентными (по отношению к соответствующим лексическим единицам русской и украинской лингвокультур) в британской и американской лингвокультурах остаются понятия *сват, сватья, сваха*, которые передаются только при помощи сложных лексических конструкций, например, *father of daughter-in-law*.

Таким образом, универсальное для всех исследованных лингвокультур ядро субсферы СЕМЬЯ составляют понятия «муж» и «жена», кото-

рые репрезентируют некровных родственников. Это минимальный состав нуклеарной полной семьи. Наименования всех остальных членов этого социокультурного феномена составляют периферийное пространство субсферы, которые пребывают в различных отношениях с ядерными компонентами: в кровном родстве (мать – дочь, сестра – брат, бабушка – внук и т.д.) или некровном (сноха – свекровь, зять – теща и др.). Все компоненты структуры лингвоменталь-

ной субсферы СЕМЬЯ объединены в одну структуру на основе общности быта, ответственности, взаимопомощи и взаимоуважения.

Перспективы научной работы связаны с описанием особенностей лингвокогнитивной категоризации лингвоментальной субсферы СЕМЬЯ в исследуемых лингвокультурах по другим выделенным нами лингвокогнитивным категориальным блокам.

Список литературы

1. Антонов А.И. Социология семьи. М.: Изд-во МГУ: Изд-во Междунар. ун-та бизнеса и управления («Братья Карич»), 1996. 304 с.
2. Бусел В.Т. Великий тлумачний словник сучасної української мови. К., Ірпінь: Перун, 2005. 1728 с.
3. Гринченко Б.Д. Словарь української мови. В 4 т. К.: Наук. думка, 1996. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://hrinchenko.com/slovar/znachenie-slova/14161-druzha.html#show_point (Дата доступа 15 декабря 2017 г.)
4. Даль В.И. Пословицы русского народа [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://vdahl.ru> (Дата доступа 22 февраля 2018 г.)
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб. – М.: Издание тов-ва М.О.Вольф, 1903. Т. 1. 877 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб. – М.: Издание тов-ва М.О.Вольф, 1905. Т. 2. 2030 с.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб. – М.: Издание тов-ва М.О.Вольф, 1907. Т. 3. 1782 с.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб. – М.: Издание тов-ва М.О.Вольф, 1909. Т. 4. 1619 с.
9. Дзюба Е.В. Лингвокогнитивная категоризация действительности в русском языковом сознании: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2016. 629 с.
10. Етимологічний словник української мови: В 7 т. Т. 1. А – Г. К.: Наук. думка, 1982. 631 с.
11. Кострубина Е.А. Типы концептов: гиперконцепт СЕМЬЯ // Вестник Пермского университета. Серия: Российская и зарубежная филология. Вып. 6 (12). 2010. С. 51-57.
12. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. 245 с.
13. Мокиенко В.М. Большой словарь русских пословиц. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. 1026 с.
14. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 314 с.
15. Рахмат А. Концепт семья в русской паремике: лингвокультурологический аспект: автореф. дис. на соискание учёной степ. канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык». Спб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2013. 24 с.
16. Розанов В.В. Люди лунного света (Метафизика христианства). М.: Директ-Медиа, 2015. 422 с.
17. Сергиенко Н.А. Теория категорий в отечественной и зарубежной науке: классический подход // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7(73). С. 150-153.
18. Сергиенко Н.А. Когнитивные основы теории языковой категоризации // Северный регион: наука, образование, культура. 2017. № 1(35). С. 97-101.
19. Сергиенко Н.А. Лингвокогнитивное направление изучения языка в контексте исследований категоризации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10-3 (76). С. 173-175.
20. Трубачев О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 212 с.
21. Уваров Н.В. Энциклопедия народной мудрости. Пословицы, поговорки, афоризмы, крылатые выражения, сравнения. М.: Инфра-Инженерия, 2009. 592 с.
22. Українські прислів'я та приказки / Упоряд.: С.В. Мишанич та М.М. Пазяк. К.: Дніпро, 1984. 389 с.
23. Фасмер М.Ю. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2 (Е - Муж). 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986. 672 с.
24. Фразеологический словарь русского языка. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз. Медиа, 2007. 334 с.
25. Шевченко З.В. Словарь гендерных терминов [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://a-z-gender.net/semya.html> (Дата доступа 10 декабря 2017 г.).
26. The American Heritage Dictionary of the English Language [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.ahdictionary.com> (Дата доступа 20 декабря 2017 г.).
27. The Collins Dictionary [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.collinsdictionary.com> (Дата доступа 18 декабря 2017 г.).
28. The Webster's Dictionary [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.websters-online-dictionary.org> (Дата доступа 18 декабря 2017 г.).

Сведения об авторе:

Сергиенко Наталья Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков Сургутского государственного университета. Сфера научных и профессиональных интересов – когнитивная лингвистика, лингвокультурология. E-mail: nas_surgut@mail.ru.

LINGUO-COGNITIVE CATEGORIAL CLUSTERS IN THE STRUCTURE OF LINGUO-MENTAL SUB-SPHERE *FAMILY* IN RUSSIAN, UKRAINIAN, BRITISH AND AMERICAN LINGUO-CULTURES

Natalya A. Sergienko

Surgut State University,
1, Lenin ave., Surgut, 628400, Russia.

The Abstract: *Based on the analysis of lexicographic and phraseological sources in the Russian, Ukrainian, British and American linguo-cultures, the author distinguishes the main cognitive classification features within the content of the linguo-mental sub-sphere FAMILY and singles out a number of linguo-cognitive categorial clusters of the given linguo-mental space in the analyzed linguo-cultures.*

The aim of the article is to make a comparative analysis of the formation of the linguo-cognitive categorial clusters within the structure of the linguo-mental sub-sphere FAMILY in the Russian, Ukrainian, British and American linguo-cultures.

The study is based on the examples fixed in different lexicographic sources and selected by method of continuous sampling.

The following linguo-cognitive categorial clusters within the structure of the linguo-mental sub-sphere FAMILY have been singled out: 1) family as a union of relatives connected (not connected) with the ties of blood who live together; 2) family as a total community of all the relatives connected and not connected with the ties of blood; 3) family as a professional group of people; 4) family as a social and cultural society.

It has been proved that the nucleus of the sub-sphere FAMILY, universal for all the analyzed linguo-cultures, is comprised of a wife and a husband who are relatives not connected with the ties of blood and who constitute the minimal composition of a full nuclear family. The discriminated components of the analyzed linguo-mental sub-sphere are joined in a unified structure based on the unanimity of ways of life, responsibility, mutual aid and respect.

Key Words: *linguo-cognitive categorization, linguo-mental sub-sphere FAMILY, cognitive classification feature, linguo-cognitive categorial clusters, linguo-culture, nucleus of linguo-mental sub-sphere, periphery of linguo-mental sub-sphere, lexicographic sources, phraseological sources*

References

1. Antonov A.I. Sociologija sem'i [Sociology of Family]. M.: Izd-vo MGU: Izd-vo Mezhdunar. un-ta biznesa i upravlenija («Brat'ja Karich»), 1996. 304 p.
2. Busel V.T. Velikii tлумachnij slovník suchasnoï ukrájn's'koï movi [The Big Explanatory Dictionary of Modern Ukrainian Language]. K., Irpin' : Perun, 2005. 1728 p.
3. Grinchenko B.D. Slovar' ukrájn's'koï movi [Dictionary of Ukrainian Language]. K.: Nauk. dumka, 1996. Available at: http://hrinchenko.com/slovar/znamenie-slova/14161-druzhiba.html#show_point (accessed 15 December 2017).
4. Dal' V.I. Poslovitsy russkogo iazyka [Proverbs of the Russian language]. Available at: <http://vdahl.ru> (accessed 22 February 2018).
5. Dal' V.I. Tolkovy slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka [Explanatory Dictionary of Living Great Russian Language]. SPb. M.: Izdanie tov-va M.O. Vol'f, 1903. T. 1. 877 p.

6. Dal' V.I. Tolkovy slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka [Explanatory Dictionary of Living Great Russian Language]. SPb. M. : Izdanie tov-va M.O. Vol'f, 1905. T. 2. 2030 p.
7. Dal' V.I. Tolkovy slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka [Explanatory Dictionary of Living Great Russian Language]. SPb. M.: Izdanie tov-va M.O. Vol'f, 1907. T. 3. 1782 p.
8. Dal' V.I. Tolkovy slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka [Explanatory Dictionary of Living Great Russian Language]. SPb. M.: Izdanie tov-va M.O. Vol'f, 1909. T. 4. 1619 p.
9. Dz'uba E.V. Lingvokognitivnaia kategorizatsiia deistvitel'nosti v russkom iazykovom soznanii [Linguo-cognitive categorization of reality in the Russian linguistic consciousness]: dissertatsiia ... doktora filologicheskikh nauk: 10.02.01. Ekaterinburg, 2016. 629 p.
10. Etimologichnij slovník ukraïns'koï movi [Etymological Dictionary of Ukrainian Language]: V 7 t. T. 1. A – G. K.: Nauk. dumka, 1982. 631 p.
11. Kostrubina E.A. Tipy kontseptov: giperkontsept SEM'IA [Types of concepts: hyperconcept FAMILY] // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Possiiskaja i zarubezhnaia filologija. Vyp. 6 (12). 2010. P. 51-57.
12. Kratkii slovar' kognitivnykh terminov [Short Dictionary of Cognitive Terms] / Kubriakova E.S., Dem'iankov V.Z., Pankrac Ju.G., Luzina L.G. M.: Filologicheskii fakul'tet MGU im. M. V. Lomonosova, 1996. 248 p.
13. Mokienko V.M. Bol'shoi slovar' russkikh poslovits [Big Dictionary of Russian Proverbs]. M.: ZAO «OLMA Media Grupp», 2010. 1024 p.
14. Popova Z.D., Sternin I.A. Kognitivnaia lingvistika [Cognitive Linguistics]. M.: AST: Vostok – Zapad, 2007. 314 p.
15. Rahmat A. Contsept sem'ia v russkoi paremike: lingvokulturologicheskii aspekt [Concept family in Russian paroimia]: avtoref. dis. na soiskaniie uchonoj step. kand. filol. nauk: spets. 10.02.01 "Russkii iazik". Spb.: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennii universitet, 2013. 24 p.
16. Rozanov V.V. Liudi lunnogo sveta [People of Moonlight] (Metafizika khristianstva). M.: Direkt-Media, 2015. 422 p.
17. Sergienko N.A. Teoriia kategorii v otechestvennoi i zarubezhnoi nauke: klassicheskii podkhod [Category theory in domestic and foreign science: classical approach] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Filological sciences. Theoretical and practical Issues]. 2017. № 7(73). P. 150-153.
18. Sergienko N.A. Kognitivnye osnovy teorii iazykovoï kategorizatsii [Cognitive principles of language categorisation theory] // Severnij region: nauka, obrazovanie, kul'tura [Nothern region: science, education, culture]. 2017. № 1(35). P. 97-101.
19. Sergienko N.A. Lingvokognitivnoie napravleniie izucheniia iazyka v kontekste issledovaniï kategorizatsii [Linguo-cognitive approach of linguistic studies in the categorization context]// Filologicheskije nauki. Voprosy torii i praktiki [Filological sciences. Theoretical and practical Issues]. 2017. № 10-3 (76). P. 173-175.
20. Trubachev O.N. Istoriia slavianskikh terminov rodstva i nekotorykh drevneishikh terminov obshhestvennogo stroia [History of Slavic Terms of Relationship and Certain Ancient Terms of Social Order]. M. : Izd-vo AN SSSR, 1959. 212 p.
21. Uvarov N.V. Entsiklopediia narodnoi mudrosti [Encyclopedia of People's Wisdom]. M.: Infra-Inzheneriia, 2009. 592 p.
22. Ukraïns'ki prisliv'ja ta prikazki [Ukrainian Proverbs and Sayings] / Uporjad.: S.V. Mishanich ta M.M. Pazjak. K.: Dnipro, 1984. 389 p.
23. Fasmer M.Ju. Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka [Etymological Dictionary of Russian Language]. V 4 t. T. 2 (E - Muzh). 2-e izd., ster. M.: Progress, 1986. 672 p.
24. Frazeologicheskii slovar' russkogo iazyka [Phraseological Dictionary of Russian Language]. M.: Rus. iaz. Media, 2007. 334 p.
25. Shevchenko Z.V. Slovar' gendernykh terminov [Dictionary of Gender Terms]. Available at: <http://a-z-gender.net/semya.html> (accessed 10 December 2018).
26. The American Heritage Dictionary of the English Language. Available at: <https://www.ahdictionary.com> (accessed 20 December 2017).
27. The Collins Dictionary. Available at: <http://www.collinsdictionary.com> (accessed 18 December 2017).
28. The Webster's Dictionary. Available at: <http://www.websters-online-dictionary.org> (accessed 18 December 2017).

About the author:

Natal'ja A. Sergienko – PhD, Associate Professor, Head of Department of Foreign Languages, Surgut State University. Spheres of research and professional interest: Cognitive linguistics, linguo-cultural studies.
E-mail: nas_surgut@mail.ru.

* * *

ГЛАГОЛЫ РЕЧИ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЭМПАТИИ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

А.В. Шалюхина

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье анализируется роль глаголов речи в реализации вербальной эмпатии при коммуникации на испанском языке, описывается их значение в речевой деятельности в качестве когнитивных и оценочных предикатов. Изучаются существующие подходы к определению и классификации глаголов речи, особенности их употребления в процессе диалогического общения. Употребление глаголов речи рассматривается с точки зрения их функциональности в осуществлении эмпатийных речевых актов. На базе существующих исследований предлагается собственная классификация глаголов речи, позволяющих лучше выразить эмпатию, с учётом специфики лексики, грамматики и синтаксиса испанского языка. Примеры описания эмпатийных процессов в испаноязычной коммуникации при помощи глаголов речи взяты из художественного произведения (роман испанского писателя Торкуато Лука де Тена «Извилисты пути Божьего промысла» (Torcuato Luca de Tena «Los renglones torcidos de Dios»), так как содержание и языковые особенности романа дают обширный материал для исследования. В результате делаются выводы об особых функциях глаголов речи как единиц, оформляющих эмпатийные высказывания, которые способствуют установлению и поддержанию контакта и избеганию неудач в общении, а также отмечаются существенные отличия языкового оформления эмпатии в коммуникации на испанском и русском языках.

Ключевые слова: эмпатия, речевая деятельность, глаголы речи, семантика, речевые акты, языковая оценка, говорение, испанский язык.

Речевая деятельность является важнейшей составляющей и отличительной чертой человеческой жизни. Она тесно связана со сферой эмпатии. Термин «эмпатия» заимствован из английского языка (англ. – empathy) и означает «вчувствование». Это понятие пришло в лингвистику из психологии, где используется для описания психических качеств личности. Лингвисты позаимствовали термин именно в этом аспекте, но со временем стало ясно, что психологическая и лингвистическая эмпатия имеют одинаковую природу, но разные проявления и категории.

Эмпатия способствует гармонизации межличностных отношений, делая поведение чело-

века социально обусловленным. Эмпатия важна для выстраивания взаимопонимания между людьми и представляет собой весьма эффективный инструмент общения. Проявить эмпатию по отношению к собеседнику в процессе общения – значит посмотреть на ситуацию как бы его глазами, «прочувствовать» его эмоциональное состояние, с помощью воображения представить себе, как он себя повёл бы в той или иной ситуации, поставить себя на его место. Важно отказаться от критики собеседника, постараться понять и принять его, но делать это оставаясь самим собой.

Эмпатия является одним из главных показателей коммуникативной культуры человека, так

как подразумевает понимание отношения собеседника к тому, о чём он рассказывает, к самой ситуации общения, понимание чувств другого, сообщение о собственных чувствах; способность к верной интерпретации невербальных сигналов. Все эти качества крайне важны для успешного осуществления речевой коммуникации, без которой невозможно существование и успешное функционирование общества, поэтому естественно, что в языке любого развитого социума сфера понятий, связанных с коммуникацией в целом, и с речевой деятельностью в частности, представлена обширно. А так как понятия обозначаются словами, то прямым следствием такой детализации понятий является большое множество слов, выражающих процесс речи во всём многообразии характеристик. В связи с этим становится очевидным то значение, которое лингвисты придают анализу глаголов речи в разных языках.

Под глаголами речи обычно понимаются глаголы, обозначающие непосредственно процесс говорения в его различных вариациях. Лексико-семантическая система этих глаголов представляется весьма сложной. Кроме слов, семантика которых выражает фонационные и артикуляторные особенности речи, сюда относятся и средства выражения чувств, восприятия, мышления и т.д., что позволяет выделить их эмпатийную составляющую. Наш анализ направлен на то, чтобы помимо лексико-семантических и грамматических характеристик исследовать мотивационный уровень эмпатийных высказываний.

Для формирования смысла высказывания особый интерес представляет глагол-предикат как семантическая единица, в которой окружающие явления осмысляются посредством представления ситуации как процесса, действия или состояния, нередко включая его оценочные характеристики [1, с. 44]. Глаголу свойственно давать название сложным структурам с множеством когнитивных характеристик. Иначе говоря, конкретное явление обозначается глаголом как лексической единицей с индивидуализированным содержанием, привносящей новую информацию в высказывание. При этом его грамматическое оформление – время, наклонение, лицо – играет важнейшую роль для создания и поддержания эмпатии в акте коммуникации.

В лингвистике подробно изучена лексическая и грамматическая семантика глаголов речи, их синтаксические свойства. Эта группа глаголов анализируется на функциональном уровне,

в когнитивном аспекте, а также с точки зрения логико-семантических качеств. Ранее анализировались по большей части глаголы, обозначающие лишь процесс речи как таковой. Глаголы же, реализующие некую деятельность в речи, нередко исключались из исследований. При таком подходе глаголы речи обозначают действие, совершаемое речевым аппаратом, под которым подразумевается произнесение членораздельных звуков (отдельных слов или фраз) в процессе вербального общения [8, с.100].

Рассматривая область глаголов речи, следует отметить, что лингвисты пока не пришли к единому мнению о том, какие глаголы следует считать таковыми. В работах некоторых авторов, в частности, М.К. Милых, Т.С. Григорьевой, О.П. Барановой, Н.П. Потаповой, Т.В. Кочетковой вообще не ставится задача дать определение глаголам речи, в результате чего лингвисты порой подразумевают под этим понятием не одно и то же.

Анализируя существующие определения глаголов речи, представляется возможным выделить два подхода. В расширенном смысле термин «глаголы речи» применяется ко всем глаголам, называющим акт говорения. Этой точки зрения придерживаются И.А. Езюлка [2, с.17] и М.И. Кроль. Последний понимает под глаголами речи любые глаголы, описывающие различные проявления процесса говорения [4, с.7], и рассматривает их только в речевом плане. В.П. Бахтина и Р.С. Качинская учитывают отдельно планы языка и речи и поэтому дифференцируют «глаголы речи» и «потенциальные глаголы речи». Они называют глаголами речи только глаголы говорения, которые обозначают процесс речи, будучи взятыми вне контекста. Это слова, обозначающие действие, совершаемое речевым аппаратом [3, с.178]. Потенциальными глаголами речи, или синонимическими заменами глаголов речи, они называют глаголы, которые в контексте выполняют функцию слов, вводящих прямую речь.

Позиции, с которых может быть охарактеризован речевой процесс, его связь с другими сторонами человеческой деятельности, весьма многочисленны и разнообразны. Для отображения этого разнообразия необходимо включить в число глаголов речи и те, которые выполняют эту функцию эпизодически, что значительно расширяет границы этой группы. Такое расширение вполне оправдано, так как потребности языка при выражении понятий, связанных со

сферой речевого общения, очевидно, не могут быть удовлетворены только за счёт собственно глаголов говорения. Такое ограничение привело бы к неправильному отражению объёма и особенностей языковых средств, используемых для характеристики речевых процессов.

Выбор глаголов речи зачастую осуществляется интуитивно, основываясь на их соотносённости с речью, чувствами, эмоциями и т.д. Поэтому при эмпатическом общении они имеют особое значение, ведь их коммуникативная функция заключается не только в отражении процесса вербальной коммуникации, но и в побуждении к общению, что является одним из проявлений эмпатии, одобрительном подбадривании, импликации положительной оценки собеседника и его действий, и т.д.

Рассмотрим примеры употребления глаголов речи, выражающих эмпатию в испанском языке, на материале романа Торкуато Лука де Тена «Los renglones torcidos de Dios» («Извилисты пути Божьего промысла»). В тексте романа есть множество ситуаций общения с использованием речевых единиц, выполняющих эмпатийную функцию, так как действие этого детективно-психологического романа разворачивается в психиатрической клинике и медперсоналу часто приходится побуждать пациентов к общению, чтобы сделать их лечение более эффективным, общаться между собой и представителями следствия. Для анализа эмпатийных особенностей глаголов речи мы обращаемся к тексту литературного произведения, так как в нём присутствуют контексты, позволяющие выявить многочисленные аспекты этих глаголов. Их коммуникативные особенности могут быть охарактеризованы с упором на сочетаемость и характеристику этой сочетаемости. Глаголы речи, как правило, имеют три компонента, ведь в ситуации присутствуют говорящий, слушающий и собственно информация, которую один участник передаёт другому. Поэтому в контекстах ситуация речи уточняется обычно именно в этих аспектах, которые реализуются в характерных для глаголов речи позициях: позиция говорящего субъекта, позиция адресата речи, объектная позиция, обозначающая содержание высказывания.

Говорящий должен иметь хотя бы приблизительное, часто интуитивное, представление о том, имеется ли определённый вид знаний, намерений или оценок у собеседника, и если да, то важны ли они для него в данный момент. Чело-

век, обладающий коммуникативной культурой, делает всё для того, чтобы правильно оценить состояние знаний и эмоций своего собеседника, а также степень его приверженности своим убеждениям, хотя ему это не всегда удаётся. Коммуникативная ситуация подразумевает также необходимость выбора говорящим определённых языковых средств, в том числе и глаголов речи.

В тематике глаголы речи, содержащие указание на процесс речи, можно разделить на две основные подгруппы:

а) глаголы, обозначающие непосредственно процесс речи и его основные разновидности, например, сообщение, рассказ, беседа и прочие. Но прагматическая семантика (например, императив) выражает заинтересованность собеседником в общении.

Например, в романе доктор просит Алисию рассказать о своей профессии, тем самым демонстрируя свой интерес к ней.

- *Soy detective diplomado.*
- *Dígame algo de su profesión* [7, с. 19].
- *Я дипломированный детектив.*
- *Расскажите мне о своей профессии.*

Здесь глагол *decir* используется в качестве отсылки к предыдущей реплике, чтобы получить дополнительные сведения и одновременно понять, была ли правильно воспринята информация. Это одна из основных стратегий установления и поддержания эмпатии: проявить интерес к собеседнику, его мнению:

- *Háblame de su conducta.*
- *Me ha dado motivos de queja desde su ingreso* [7, с. 159].
- *Расскажи мне о её поведении.*
- *Она давала мне поводы для жалоб с момента поступления.*

В данном случае, проявляя интерес к третьему лицу, говорящий одновременно косвенно выстраивает эмпатическую связь с собеседником, интересуясь его мнением и повышая тем самым его самооценку.

б) глаголы, обозначающие какое-либо другое действие в процессе речи. Эти глаголы содержат дополнительную характеристику речевого процесса – его продолжительность, инхоативность, терминальность, фонационные свойства, чёткость произнесения и так далее:

- *¿Desea usted añadir algo más? – le preguntó Ruiz de Pablos* [7, с. 243].
- *Хотите добавить что-нибудь ещё? – спросил её Руис де Паблос.*

Некоторые глаголы речи выражают собственно процессы говорения, другие связаны с иными сторонами человеческой жизни – волеизъявлением, проявлением различных эмоций. Например:

Una enfermera de bata blanca se acercó a ella y le dijo:

– *Anda, Candelas, déjalo ya, que pronto llamarán para el desayuno* [7, с. 42].

Медсестра в белом халате подошла к ней и сказала:

– *Ладно, Канделас, оставь это. Тебя скоро позовут завтракать.*

В этом примере глагол *decir* выражает волеизъявление, что затем поддерживается употреблением повелительного наклонения в прямой речи. Здесь также присутствует эмпатия: говорящий побуждает собеседника к прекращению некоего действия, приводя в качестве мотива подходящий для него аргумент, позволяющий партнёру «не потерять лицо».

Глаголы речи часто способствуют реализации коммуникативных целей эмпатийных речевых актов. В теории речевых актов эмпатия наиболее ярко представлена иллюкутивными типами *сопереживания* и *сорадования*. Они дают возможность говорящему эмоционально отозваться на негативные и позитивные переживания собеседника.

В рамках нашего исследования рассмотрим употребление глаголов речи в некоторых речевых актах сопереживания, таких как *понимание*, *успокоение*, *ободрение*, *разубеждение*. Лингвисты часто отождествляют термин «сопереживание» с эмпатией.

Следующий пример представляет собой имплицитное понимание. Алисия понимает, что медсестра допустила оплошность, сказав лишнее, но не говорит ей об этом, чтобы скрыть своё истинное намерение и тем самым не нарушить контакт.

– *Una vieja insoportable, máquina incansable de incoherencias, que se cree nacida de los cuernos de la Luna.*

– *Ya sé a quién se refiere usted* [7, с.86].

– *Эта невыносимая старуха, которая извергает потоки бессмыслицы и думает, что родилась в золотой колыбели.*

– *Я знаю, о ком Вы говорите.*

Здесь речь идёт об имплицитном понимании, так как говорящий не называет имени того, о ком идёт речь, но собеседник понимает его намёк и реагирует соответственно.

Успокоение предполагает восприятие чувств другого и является реакцией адресата на подавленное состояние или жалобы собеседника. При *успокоении* важно принимать собеседника, так как практически невозможно успокоить человека, не сочувствуя ему и не проникая в его переживания. Успокоение собеседника часто сочетается с другими иллюкутивными типами, например:

– *Si eso le sirve de consuelo, le diré, señora, que opino lo mismo que usted: Freud era un sabio que descubrió uno de los métodos más eficaces para hacer aflorar al consciente secretos morbosos, escondidos en nuestro interior* [7, с.55].

– *Если это Вас успокоит, сеньора, я Вам скажу, что думаю то же самое, что и Вы. Фрейд был учёным, который открыл один из наиболее эффективных методов, который позволил вывести наружу, в сознание, скрытые патологии, которые спрятаны внутри нас.*

В этом примере мы видим сочетание речевого акта «успокоение» с «разубеждением». Глагол *decir* используется для ввода информации, а сопровождающий его контекст свидетельствует о стремлении говорящего к эмпатии, указывая на сходство взглядов коммуникантов.

Ободрение необходимо адресату, когда он не может найти выхода из трудной ситуации. В этом случае будет уместно выразить уверенность в том, что говорящий сможет решить свои проблемы.

Успешность ободрения также определяется знанием ситуации или сложностей, с которыми столкнулся говорящий, а также правильным выбором речевых тактик, поэтому при ободрении используются высказывания, нацеленные на положительный исход событий:

– *Estamos deseosos de oír el final de su historia, Alicia – le animó Dolores Bernardos* [7, с.191].

– *Мы хотим услышать финал Вашей истории, Алисия, – подбодрила её доктор Бернардос.*

Глагол *animar*, выполняя функцию глагола речи, говорит о положительном настрое говорящего.

Речевой акт «разубеждение» предполагает приближенное к реальности понимание ситуации и поступка, совершённого говорящим, а также эмпатическую реакцию на эмоциональные переживания собеседника посредством «вчувствования» и разделения с ним неприятных эмоций. Этот речевой акт чаще выражается имплицитно. Разубеждение может выражаться косвенно при помощи предостережения.

Se miraron a los ojos. Rosellini habló en voz muy baja.

– *Soy su amigo, Alicia. Y espero que no se cometa la indiscreción de repetir a nadie, ni ahora ni cuando se vea libre, lo que voy a decirle.*

– *Me tiene usted en ascuas, doctor [7, с.271].*

Они посмотрели друг другу в глаза. Росселини тихо заговорил.

– *Я Ваш друг, Алисия, и надеюсь, что Вы не совершите неблагоразумный поступок, повторив кому-либо сейчас или когда будете свободны, то, что я собираюсь Вам сказать.*

– *Вы меня заинтриговали, доктор.*

Доктор убеждает Алисию быть более благоразумной. Здесь мы видим сочетание нескольких глаголов речи, которые дают понять, что передаваемая информация будет ценна для слушающего. Глагол *hablar*, произнесённый тихо, говорит об определённой близости персонажей.

Речевые акты *сопереживания* как класс речевых действий служат для выражения говорящим разнообразных психологических состояний (чувств, эмоций, мнений) и оказания эмоционального воздействия на адресата и таким образом способствуют осуществлению эмпатии, в том числе и при помощи глаголов речи.

Синтаксические конструкции, обусловленные не только законами построения отдельных словосочетаний, но и структурой всего предложения в целом, позволяют рассмотреть особенности лексико-семантической сочетаемости глаголов речи. Например, в испанском языке – это некоторые инфинитивные конструкции, сочетания глагола с придаточными предложениями и прямой речью, синтаксическая связь глаголов с наречиями образа действия, которые придают действию говорящего энергичность, внимательность, интенсивность, что указывает на активный, агентивный характер субъекта [5, с. 7]. Преимуществом такого подхода является то, что подробный анализ сочетаемости глаголов даёт возможность выявить связи глаголов речи с лексическими единицами или синтаксическими конструкциями и определить их зависимость от лексического значения глагола [6, с. 80].

Выше мы показали, что использование глаголов говорения в речи, в частности, в утвердительной форме повелительного наклонения (*imperativo afirmativo*), даёт возможность проявить эмпатию по отношению к собеседнику, ведь таким образом мы побуждаем его к речи, тем самым демонстрируя свой интерес к его мнению

и, соответственно, к нему самому, повышая его самооценку.

– *Dígame, señora de Almenara, ¿dónde ha leído ese ensayo sobre la inutilidad? ¿Me gustaría conocerlo! [7, с.45]*

– *Скажите, госпожа Альменара, где Вы прочитали этот очерк о ненужности? Мне бы хотелось ознакомиться с ним!*

Рассмотрим другие примеры употребления глаголов говорения для выражения эмпатии:

– *Al verla así vestida, pensé que se iba ya para su casa. Todos en el hospital preguntamos qué diablos pinta usted aquí.*

– *¿Sabe lo que le digo? ¿También me lo pregunto yo! [7, с. 179]*

– *Видя Вас одетой таким образом, я подумал, что вы собираетесь домой. Все в больнице задаются вопросом, какого чёрта Вы тут делаете?*

– *Знаете, что я Вам скажу? Я тоже спрашиваю себя об этом.*

В этом случае глагол *preguntar* прямо выражает интерес говорящего к собеседнику, а тот “отзеркаливает” его, и этот повтор свидетельствует о наличии эмпатии между ними. Ощущение “единомыслия” между ними поддерживает и наречие *también*.

В следующем примере коммуникант также словесно очерчивает круг единомышленников, подчёркивая, что собеседники понимают его без слов, хотя на всякий случай эксплицирует своё мнение:

– *Espero no necesitar decir a ustedes que nada de eso es cierto [7, с.194].*

– *Надеюсь, мне не нужно Вам говорить, что всё это неверно.*

Круг единомышленников, поддерживаемый на эмоциональном уровне, может вербально подкрепляться, но тон голоса собеседника способен его разрушить:

Y lo dije con tal sencillez y dignidad que más de uno estuvo tentado aplaudirle.

– *¿Usted comete errores? ¡No puedo creerlo! – exclamó con sorna Samuel Alvar [7, с.198].*

И она это сказала с такой простотой и достоинством, что многие начали аплодировать.

– *Вы совершаете ошибки? Не могу в это поверить! – едко воскликнул Самуэль Альвар.*

Здесь описан процесс подачи информации. Аплодисменты слушающих говорят об их положительной реакции на слова Алисии, этому противопоставляется реакция доктора Альвара. Вербально он хвалит Алисию, но тон голоса выдаёт его истинные чувства.

Таким образом, глаголы речи не только сигнализируют о введении некоей информации в коммуникативный контекст, но и играют большую роль в создании и поддержании эмпатии. С их помощью можно эмоционально настроить собеседника на общение, создав у него ощущение принадлежности к определённому кругу

единомышленников, подбодрить его, проявив интерес к его мнению и т.д. Выполнению эмпатической функции глаголами речи способствуют не только всевозможные характеризующие элементы (дополнения, наречия, модальные частицы и т.д.), но и особенности их парадигматической семантики.

Список литературы

1. Болдырев Н.Н. Перекатегоризация глагола как способ формирования смысла высказывания // Известия АН. Серия литературы и языка. 2001, № 2. С. 40-55.
2. Езолка И.А. Стилистические функции синонимичных глаголов речи // Очерки по стилистике иностранных языков. Ростов-на-Дону, 1975. 22 с.
3. Качинская Р.С. О синонимических глаголах речи в повести А.П. Гайдара «Школа» // Уч. зап. Горьков. пед. ин-та. 1968. № 111. С. 175-185.
4. Кроль М.И. К вопросу о глаголах речи во французском языке // Уч. зап. МГПИ. 1967. № 201. 40 с.
5. Маркевич П.В., Середа П.В. Глаголы речи и их семантическая классификация // Научные труды КубГТУ. Краснодар, 2016. № 2. С. 1-9.
6. Михайлова Л.М. Глагольные способы репрезентации концепта «ГОВОРЕНИЕ» в современном английском языке : дис. ... канд. фил. наук: 10.02.04. Ростов-на-Дону, 2009. 144 с.
7. Luca de Tena. T. Los renglones torcidos de Dios. Barcelona, Planeta Bolsillo, 1992. 345 p.
8. Martín Zorraquino. Los marcadores del discurso y su morfología. En: Loureda, Ó. y E. Acín Villa (eds.), *La investigación sobre marcadores del discurso del español, hoy*. Madrid: Arco Libros, 2010. 93–181 pp.

Сведения об авторе:

Шалюхина Анна Владимировна – соискатель учёной степени кандидата филологических наук, преподаватель кафедры испанского языка МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: грамматика испанского языка, лингвокультурология, невербальная семиотика, художественный перевод. E-mail: shaliukhina.a@yandex.ru.

SPEECH VERBS EXPRESSING EMPATHY IN SPANISH

Anna V. Shalyukhina

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

The Abstract: *The article analyzes the role of speech verbs in the implementation of verbal empathy in communication in Spanish, describes their meaning in speech activity as cognitive and evaluative predicates. There are studied the existing approaches to the definition and classification of speech verbs and the features of their use in the process of dialogue communication. The use of speech verbs is considered in terms of their functionality in the implementation of empathic speech acts. On the basis of existing research, we propose our own classification of speech verbs, allowing one to express empathy better, taking into account the specifics of vocabulary, grammar and syntax of the Spanish language. The examples describing empathic processes in Spanish communication using speech verbs are taken from the novel by a Spanish writer Torquato Luca de Tena “Tortuous ways of God’s Providence” (Torquato Luca de Tena “Los renglones torcidos de Dios”), as the content and language features of the novel give extensive material for research. The conclusions made are about the special functions of speech verbs as units that formalize empathic statements that contribute to the establishment and maintenance of harmonious communication, and also about significant differences in the linguistic forms of empathy in Spanish and Russian.*

Key Words: *empathy, speech activity, speech verbs, semantics, speech acts, language value, Spanish*

References

1. Boldyrev N.N. Perekategorizaciia glagola kak sposob formirovaniia smysla vyskazyvaniia [Recategorization of a verb as a way to form the meaning of a statement] *Izvestiia AN. Seriiia literatury i iazyka*. 2001, no. 2, pp. 40-55.
2. Ezolka I.A. Stilisticheskie funkicii sinonimichnykh glagolov rechi [Stylistic functions of synonymous speech verbs] *Ocherki po stilistike inostrannykh iazykov* [Essays on the style of foreign languages], Rostov-na-Donu, 1975, 22 p.
3. Kachinskaia R.S. O sinonimicheskikh glagolakh rechi v povesti A.P. Gaidara «Shkola» [About synonymous speech verbs in the story of Gaidar «School»] *Uch.zap. Gor'kov. ped. in-ta*. 1968, no. 111, pp. 175-185.
4. Kroll' M.I. K voprosu o glagolakh rechi vo frantsuzskom iazyke [About speech verbs in French]. *Uch.zap. MGPI*, 1967, no. 201, 40 p.
5. Markevich P.V., Sereda P.V. Glagoly rechi i ikh semanticheskaia klassifikatsiia [Speech verbs and their semantic classification]. *Nauchnye trudy KubGTU- Scientific research*, 2016, no. 2, pp. 1-9.
6. Mihailova L.M. Glagol'nye sposoby reprezentatsii koncepta "GOVORENIE" v sovremennom angliiskom iazyke tor. Diss. kand. fil. Nauk [Verbal ways of representation of the concept "SPEAKING" in modern English. Philol.sci.diss.]. Rostov-na-Donu, 2009. 144 p.
7. Luca de Tena. T. Los renglones torcidos de Dios. Barcelona, Planeta Bolsillo, 1992. 345 p.
8. Martín Zorraquino, Ma A. Los marcadores del discurso y su morfología. En: Loureda, Ó. y E. Acín Villa (eds.), *La investigación sobre marcadores del discurso del español, hoy*. Madrid: Arco Libros, 2010, pp. 93-181.

About the author:

Anna V. Shaliukhina – Assistant Professor of Department of Foreign Languages (Spanish), MGIMO University (Moscow, Russia). Sphere of research and professional interests: grammar of the Spanish language, cultural linguistics, non-verbal semiotics, literary translation. E-mail: shaliukhina.a@yandex.ru.

* * *

ЖИЗНЬ ЯЗЫКА В МЕДИА-КОММУНИКАЦИИ (РАЗМЫШЛЕНИЯ ЛИНГВИСТА КАК ПОТРЕБИТЕЛЯ МЕДИАКОНТЕНТА)

В.И. Шаховский

Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
400066, Россия, Волгоград, пр. им. В.И. Ленина, д. 27.

Анализируются три словопонятия: «коммуникация», «информация», «пропаганда», устанавливается их разграничение и взаимодействие, а также их связь со словопонятием «дискурс». Описывается изменение их функции в современных масс-медиа, новые формы, жанры, стили. Выделяются новые теоретические проблемы внутри специфической научной парадигмы – коммуникологии. Показывается преемственность научной проблематики, связанной с теорией общения, уходящей своими корнями в предыдущие научные парадигмы и формирующей новые научные направления и их кластирование вокруг той или иной проблемы коммуникативистики, переросшей в коммуникологию.

Особое внимание уделяется проблеме коммуникативных рисков в масс-медиальном общении, проблеме экологической опасности / безопасности, а также проблемам изменения общей тональности (экспрессивизации и эмоционализации) всех видов человеческого общения и особенно их дегуманизации, одним из результатов которой является и определённая деформация коммуникативной личности дискурсов различных видов. Обращается внимание на снижение ответственности и авторитета журналистской деятельности и растущее недоверие к масс-медиа.

Полученные результаты являются обобщением критических высказываний и размышлений как самих журналистов, так и мнений пользователей Интернет-ресурсов и разнополярных масс-медиальных средств, печатных и непечатных. Естественно, основное внимание автора было уделено специальным научным исследованиям, посвящённым масс-медиальной коммуникации.

Ключевые слова: коммуникация, информация, пропаганда; тренды в целях, функциях, стилях; снижение ответственности журналистов; возрастание недоверия масс-медиа; эмоционализация и экспрессивизация масс-медиального общения; коммуникативные риски

Дивишься драгоценности нашего языка:
что ни звук – то и подарок;
всё зернисто, крупно,
как сам жемчуг,
и право,
иное название (выделено мною – В.Ш.)
ещё драгоценнее самой вещи
Н.В. Гоголь

Введение (предмет и цель исследования) / Introduction

Известно, что язык – дух народа, он – живой, ежесекундно изменяется, находится в динамике, как и мир, который он обслуживает и создаёт [1]. Язык является частью культуры

народа. С помощью языка формируется и формулируется культурный код нации. С помощью языка же происходит его межпоколенная трансляция.

В XXI в. лингвисты обратились к давнему мнению о том, что главная функция языка – не репрезентирующая, а конституирующая [4]. Это значит, что язык находится в постоянном движе-

нии и, являясь духом народа, ежесекундно пере-
конструируется. Поэтому справедливо утвержде-
ние о том, что время отражается в зеркале
слова и, следовательно, в структуре языка. Вот
почему проблема «Язык и Общество» является
вечной, а любые экономические, политические,
культурные, ценностные изменения в обществе
участвуют в конституировании и обновлении
смысловых полей языка. А после достижения
определённого уровня знаний в теории дис-
курса стал неоспоримым тезис о дискурсивной
природе смысла, так как смыслы формируются
и варьируются (до бесконечности) в общении и
в конкретной коммуникативной ситуации, ко-
торая всегда имеет многокомпонентную струк-
туру, задающую выбор языковых и стилистиче-
ских средств. Поэтому очень важно, *что* это за
общение: информационное, в котором человек
просто узнаёт что-то без оценки событий, или
пропагандистское, в котором всё пронизано
оценками, в том числе и эмоциональными. Эти
оценки обязательно воздействуют на человека в
заданном смысловом векторе.

По теории Сепира-Уорфа, структура языка
определяет структуру мышления и познания
мира. Но не только познания. Язык консти-
туирован мир. Хотя этот факт долгое время от-
рицался советским языкознанием, в настоящее
время мы все являемся свидетелями того, как,
задавая стиль мышления, язык формирует *иную*
языковую личность, как реальную, так и вир-
туальную, и её созидательную / деструктивную
деятельность, не только акциональную, но и
нравственно-духовную. Очевидны изменения в
материальном и в духовном мире и доминиро-
вание конформистской и некооперативной дея-
тельности *homo loquens*, который, фактически,
трансформировался в *homo sentiens*. На это ука-
зывают все виды и типы современного реально-
го и виртуального общения.

Целью данного исследования является ана-
лиз состояния современных знаний о трёх сло-
вопонятиях, функционирующих в медиадискур-
се (информации, коммуникации, пропаганде).

Предметом данной статьи является консти-
туированная функция языка, реализуемая *homo*
sentiens в масс-медиаальном общении.

Описание методики исследования / Methodology

Методологической основой данного исследо-
вания является анализ многочисленных публи-

каций, посвящённых функционированию языка
в СМИ, для установления наиболее актуальных
и перспективных, находящихся в разной степе-
ни разработанности, научно-практических про-
блем в сфере коммуникологии.

А методами данного исследования явля-
ются: гипотетико-дедуктивный, наблюдение,
аналитико-критическое осмысление теоретиче-
ских разработок по данной проблеме, консти-
туативный анализ медиа-текстов, печатных и не-
печатных, включающий анализ журналистских
креативов, описание результатов исследования.

Главными для данного исследования метода-
ми остаются классификационный и таксономи-
ческий.

Результаты, полученные в ходе проведённого исследования / Results

А. Информация vs. коммуникация vs. пропа- ганда

Согласно коммуникологии, коммуникация –
это больше, чем просто передача информации,
так как она включает и ассоциативные связи
адресата, и его эмоции, и его различные компе-
тентности. В 30-х гг. прошлого столетия В.В. Ви-
ноградов [3] писал, что каждое слово тысячами
нитей связано с другими словами языка и речи.
Можно заметить, что ни оперативная память,
ни сознание (и даже подсознание) человека не
могут удержать систему этих связей. Они реали-
зуются в конкретных ситуациях, по мере целе-
сообразной необходимости и в зависимости от
уровня эмоционального интеллекта коммуни-
канта. Эмоциональный интеллект у разных го-
ворящих субъектов неадекватен. Поэтому и не
получается совпадения этих наложенных друг
на друга тысяч связей. В этом и состоит пробле-
ма фатального непонимания людьми друг друга,
что препятствует их кооперативному, професси-
ональному и дружескому сотрудничеству. Рано
или поздно все корпорации распадаются, неза-
висимо от количественного их состава. По этой
причине строительство Вавилонской башни до
его завершения практически невозможно.

И именно поэтому одна и та же информация
у разных адресатов вызывает различное, иногда
прямо противоположное восприятие. Это зави-
сит также и от того, на какое сознание ложится
данная информация, на какой эмоциональный
индекс и возрастной дейксис. Это объясняется
тем, что всё перечисленное формирует разные
смысловые поля у разных адресатов, которые

почти никогда не совпадают, и, естественно, вызывает их разные поведенческие реакции. Такое несовпадение смысловых полей ведёт к противодействию коммуникантов друг с другом. Здесь могут помочь знания об экологии общения (как в личностной сфере, так и в социальной). Данное исследование сосредотачивает своё внимание на социально-культурном общении и медийном, для которого очень важно проводить различие между собственно информацией и пропагандой в рамках коммуникации различных типов.

Исходя из этого, одной из сложнейших проблем масс-общения в сегодняшней лингвистике является выделение параметров коммуникации, общения и пропаганды. Пропаганда – изощрённая методика выравнивания различных смысловых полей тактикой манипулирования. В условиях социальных потрясений смысловые манипулируют формами языка, начиная их новыми оттенками, значениями и стилистическими модификациями, что помогает им достигнуть стратегического эффекта, когнитивного и поведенческого. Это мнение созвучно цитируемому в эпиграфе мнению Н.В. Гоголя, что иное название драгоценнее самой вещи, которая данным словом называется. Фактически, здесь имплицитно примаат формы над содержанием, что во многих случаях соответствует действительности: форма не только значима, но может доминировать в соотношении билатеральности языкового знака.

От старого понимания коммуникации как просто разговора между субъектами лингвистика давно уже перешла к развёрнутому пониманию этого процесса. Осталось главное: коммуникация – это передача какой-то информации, но уже не только от человека к человеку, и не только в процессе их разговора.

Выделяется и конкретизируется большое количество видов коммуникации (помимо обиходного), перекрещивающихся, градуированных, включённых друг в друга, блендирующихся, оппозитивных, разнопорядковых – от фатического до функционально-стилистического. О выделенных по другим параметрам видах коммуникации см. ниже.

Замечу, однако, что ещё Н. Хомский обращал внимание на то, что язык дан человеку не столько для передачи информации, сколько для его мышления и для обмена впечатлениями (а ещё, по Л. Витгенштейну и позже по Я. Хинтике, – обмена образами). Согласно исследованию Е.Ю. Кисляковой, и для обмена инообразами [7].

Под коммуникацией, как известно, долгое время понималось несколько видов вербальной человеческой деятельности: говорение, слушание, чтение, письмо. В их процессе передаются (транслируются) различного вида смыслы, значения, коннотации и ассоциации во всей разновидности их признаков и семантических конкретизаторов. Кроме этого, передаётся огромное количество эмоциональных, этических и модальных оттенков, которые все являются смысловыми и оказывают существенное воздействие на восприятие информации, провоцируют определённое воображение и соответствующее поведение, которое коммуникативно. Напомню вербальную реакцию королевы Елизаветы II на смерть Дианы: из неё выводится неблагоприятное мнение королевы о принцессе. Хотя прямых словесных указателей о несимпатии в словах королевы нет, сам дискурс и фразы, внешне грамматически и этически выдержанные, начинены ингерентными негативными смыслами, легко реконструируемыми и воспринимаемыми. Приведу также пример с похоронами М. Тэтчер, когда официальная информация о её смерти эксплицитовала и вербализовала негативное отношение к её премьерству: многие англичане искренне радовались и ликовали по поводу её смерти, а многие в тогдашнем миропорядке, напротив, считали М. Тэтчер *iron lady* и восхищались её силой и мудростью в управлении государством. Это пример того, как одна и та же информация возбудила многоголосие впечатлений и их неэкологичную вербализацию. Особенно явно это проявилось в интернет-комментариях англичан.

Ещё одним примером, вызывающим у адресата негативные впечатления / реакции (раздражение, возмущение, гнев и т.п.), является поведение телеведущих А. Норкина и А. Шейнина во время их телешоу, и даже по отношению к иностранным гостям. Не лучше обстоит дело и с теле- и радиопередачами других журналистов, что особенно характерно для радио «Эхо Москвы». Особые мнения участников шоу или слушателей радиопередач, не совпадающие с мнениями некоторых журналистов, вызывают порой публичную обценную оценку. Особенно ярко это проявляется в ТВ-шоу О. Скобеевой и А. Петрова «60 минут», которое сопровождается вербальным и невербальным раздражением участников и ведущих. Это относится, прежде всего, к приглашённым гостям из Украины и Польши, мнения которых вызывают бурное сопротивление

московской аудитории. Это пример различных мнений, зачастую противоположных, об одном и том же событии, факте, о межкультурном восприятии и его вербализации. Эти совпадения / несовпадения могут приводить к полному / частичному клиповому пониманию / непониманию.

Это делает процесс коммуникации чрезвычайно сложным и неуправляемым за счёт сопровождающих его и борющихся друг с другом эмоций с обеих сторон. В большой мере это поведение коммуникантов зависит от ситуации и мотивов, а также от факторов политкорректности и функциональной целесообразности.

Люди никогда полностью друг друга не понимали и никогда не будут понимать, и, прежде всего, из-за их субъективной индивидуальности, несовпадения ино-образов друг друга, то есть инакости. С этой точки зрения, регулирующая, организующая функция языка, а в XXI в. и вся объяснительная лингвистика, не всегда срабатывают адекватно, что оказывает отрицательное влияние на производственную и коммуникативную деятельность человека. Возможно, именно в этом смысле и говорят издревле, что демократия – худшая из форм государственного управления. А люди продолжают бороться за демократизацию общества, неправильно понимая под демократией вседозволенность и полную свободу действий и высказываний, расширяя пространство своей собственной свободы за счёт свободы других. При этом противостояние различных СМИ друг с другом в защите или критике властных структур воспринимается как информационно-психологическая война как внутри страны, так и в межгосударственных СМИ [см. подробнее в 10].

В связи с многочисленными противоборствующими процессами в коммуникативной сфере чрезвычайно актуальной становится научная парадигма под названием коммуникология. Современный уровень всех достигнутых человечеством знаний о различных типах общения людей друг с другом, власти с народом и народа с властью, особенно в интернет-среде, представлен в новой монографии российских и американских коммуникологов, которую с полным правом можно назвать энциклопедией методологии общения [12]. Но мир ежедневно меняется (по С. Кингу, мир сдвинулся с места) и, соответственно, ежедневно меняется само общение (как внутрикультурное, так и межкультурное), что мы наблюдаем в форме его движения к но-

вому миропорядку: происходит универсальная экспрессивизация и эмоционализация общения всех типов и видов, его деэкологизация, нарушение всех этических и стилистических норм через его вульгаризацию [21].

Как уже отмечалось выше, серьёзной и актуальной проблемой в парадигме коммуникологии является различие коммуникации, информации и пропаганды. Современные знания об этом таковы: информация – это сведения о событии, факте, вообще о чём-либо. Предполагается, что информация не зависит от формы её представления, но, как мы знаем, форма всегда и везде значима, и, более того, зачастую доминирует, заменяет собой смысловое содержание. Сам нomencl (название) иногда значит больше того, что за ним стоит. Форма сообщаемой информации может трансформировать её в пропаганду. Пропаганда – это воздействие СМИ на сознание и подсознание адресата в нужном направлении, нередко она является частичным или полным искажением реальности.

Исходя из событий, фактов, явлений и т.п., одной из сложнейших проблем массового общения в сегодняшней лингвистике является выделение параметров коммуникации, общения и пропаганды. В последнем случае не ты ведёшь свою мысль за собой и не ты ведёшь своей мыслью других, а чужая мысль ведёт тебя и всех других, выравнивая разные мнения и искусно (технологично) особыми спецтактиками манипулируя общественным сознанием (это можно назвать идеологической интоксикацией). Это и есть пропаганда, по-старому – агитпроп.

К сожалению, адресат чаще сталкивается с пропагандой, а не с информацией, что затрудняет понимание, процесс восприятия, осмысления и общения между людьми и государствами на злободневную тему и провоцирует их неприязнь друг к другу.

Некоторые лингвисты даже считают, что искажение правды, вплоть до тотального вранья, полезно для людей на уровне межличностного и профессионального общения [24]. Стало расхожим мнение, что не врут только неумные люди, а умные люди потому и умные, что через враньё получают то, что хотят, в личном, профессиональном и общественном планах.

Такие лингвисты в оправдание своей позиции о вранье даже составляют цитатники из высказываний как древних, так и менее древних мудрецов, а также некоторых ещё живущих, которые, якобы, доказывают, что все люди врут и что

враньё помогает выжить и продвигнуться наверх. Из этих цитат выводится социальная необходимость вранья, полезность, а значит, экологичность. Однако правда всё равно рано или поздно просочится сквозь кривду (лучше бы пораньше, чтобы поскорее разоблачить лжеца и поменять своё отношение к нему!). К сожалению, когорта *homo mentiens* множится в коммуникативном пространстве всех современных дискурсов.

Особое внимание уделяется необходимости поиска критериев для квалификации текстов как принадлежащих дискурсу информационно-психологической войны, стиливым и жанровым предпочтениям её акторов [10]. Ср., например, острые провокационные тексты Д. Киселёва и В. Соловьева, стилистически смягчённые, но коннотатирующие пропаганду тексты С. Брылёва с явно оппозиционными текстами М. Гананпольского, М. Киселёва, К. Собчак, А. Навального, М. Веллера, Ю. Латыниной и др. Возможно ли их примирение на общей идеологической основе? Ответ очевиден: это два полярных центра притяжения всех остальных журналистов. Некоторых из них не останавливает ни преследование, ни избиение, ни отравление, ни даже убийство, не говоря уже о психоэмоциональной травле и увольнениях.

Доминирующими идеями современных СМИ являются экстремизм, терроризм, мракобесие. Журналисты даже создали новую креатему *мракобессизация*, особенно в связи с некоторыми арестами известных людей и с матильдоэпопеей.

Целая серия изобретательской деятельности журналистов в форме креатем формирует ещё в большей степени дискурсивное поле их воображений и изображений, которые провоцируются этими креатемами у читателей, запутывая их понимание / непонимание происходящих и номинируемых журналистами событий и новых тем.

И это важнейший конституент транслируемой семантики. Зачастую именно от формы подачи содержание одного и того же факта значительно варьируется относительно его выражения. Примером может служить разнообразие информации и её прагматик о ките, выброшенном на дальневосточном побережье: разные журналисты в 2017 г. фантазировали об этом событии в различных индивидуальных формах.

Как уже отмечалось выше, коммуникация включает в себя как информацию, так и пропаганду. Этот термин говорит скорее о технической стороне и первой, и второй, хотя она, конечно же, содержит смысловую: другими сло-

вами, коммуникация – понятие более широкое, чем информация, а пропаганда – это разновидность варьируемой информации (вплоть до её искажения).

Напомню примеры, связанные с именами А. Кашпировского, А. Чумака: синхронное лечение всей страны по ТВ, зарядку всех предметов и продуктов (вода, кремы, фото и др.). РДС, МММ, Хопер-Инвест и др. являются яркими примерами хитроумной пропаганды (т.е. обмана) многочисленной аудитории великого Советского Союза. Совершался тогда этот обман под крышей телевидения, а значит и соответствующих государственных структур. И это пример не информации и коммуникации, а целенаправленной пропаганды и шарлатанства.

В основном все эти три феномена функционируют в медиа-дискурсе через различные технологии. Именно через них, а конкретнее через их пропагандистскую функцию, выпрямляется кривизна, многоголосие, многоточие зрения.

Ни у кого не вызывает сомнения, что информация через слово правит миром. К этому можно добавить, что не только через слово, но и через образ и изображение, которые могут быть как самостоятельными, так и в сочетании друг с другом и текстом. Последний случай является креолизированным текстом, который широко используется во всех видах информации, и прежде всего пропагандистской [о креолизированном тексте см., например, 11].

Всё чаще и чаще рядовой адресат и научные исследователи отмечают, что пропаганда превращается в психо-эмоциональную атаку, а наука о ней – это настоящая лингвистика информационно-психологической войны. Именно эмоциональный аспект делает пропаганду повышено воздействующей и провоцирующей через пропагандистскую вербалику разнообразные чувствования, чаще всего неэкологичные. Экология, на мой взгляд, заканчивается там, где начинается война: акциональная или вербальная. Ибо «слово – тоже дело». Поэтому вся информация, которая связана с войной, и вся коммуникация во время войны неэкологичны. На это указывает и собранная мною картотека номенов современного дискурса СМИ: сами номены, называющие, комментирующие современную функцию журналистики, по своей семантике изоморфны неэкологичному событию, факту.

Приведу пример семантической комбинаторики самого частотного слова СМИ-дискурса

«информация». За этим словом прячется ошеломляющий поток новостей, который не успевает осмыслиться их получателем и который умножается на бесчисленные противоречивые комментарии журналистов. Поэтому закономерен процесс разнобоя мнений, их поляризация и многополярность и рождение многочисленных противоборствующих друг с другом точек зрения получателей информации: единого мнения всё-таки, вопреки усилиям пропаганды, не получается. Вот почему всё больше распространяется мнение о том, что информация нередко приносит больше вреда, чем пользы.

Сравним нейтральные, амбивалентные и позитивные номены самого слова «информация», его определения-эпитеты, его дериваты, его комбинаторику (комплексы) с соответствующими негативными (неэкологичными):

нейтральные и амбивалентные номены: новостная (информация новостей); цифровая; служба информации; биржевая информация; информационные агентства; информационное пространство СМИ; информационный выпуск; уточнять; дробная; информационный повод; информационная политика; информационные ресурсы; ресурсы информационных систем; информационный сюжет; информационная среда; информационная система; информационная программа; информационная газета / «ведомости»; подавать; запрещать; искажать; информация обросла слухами; источник информации пожелал остаться неназванным; репутация недоверия к информации в СМИ у населения: улучшается хорошая (доверие) 'vs' ухудшается плохая (недоверие); законные / незаконные средства добычи / получения информации;

(позитивно-оценочные): краткая приоритетная информация; привлекательная; позитивная; защита информации; информационная безопасность; информационная победа; ошеломляющий поток; репутационный имидж; подача информации;

(негативно-оценочные): добытая / украденная / фейковая / продажная / купленная / взрывная / вторичная / тёмная / чёрная / мутная / грязная / лживая / искажённая / циничная / жареная / неподтверждённая / сомнительная / противоречивая / негативная / недоступная / пробная информация; запрет информации; подтверждать; корректировать; информационный рынок; информационный выброс / вброс / слив; взрывное информационное поле; информационная мина; информационная опасность; управле-

ние и информационными потоками; технологии формирования информационного пространства; уровень информационной агрессии; информационная доза; информационный конвейер; информационное мошенничество; информационная бомба; информационный прессинг; информационный удар / атака / война; информационные споры; информационное преступление; информационная провокация; информационный товар; информационная стая; информационное вранье; опровергать; продвигать; запрещать; просочилась; манипулировать; манкировать; запустить информацию для проверки мнения общественности; разные СМИ в одно и то же время об одном и том же событии передают противоположную информацию; быть в контакте с; прососать информацию; недоступность; покупка / продажа информации; неподтверждение; утечка; неопознанный источник дезинформации; подброс / вброс / слив; якобы / как бы; недостаток; манипулирование / дизайн; дозирование; распределение по СМИ; манкирование; запутывание адресата информации: опровержение, вторичное опровержение.

N.B.: повторяю ещё раз, что все данные номены и их комбинаторика являются функциональными для современного медиадискурса. Ни один из них не придуман автором данной статьи. Приведённые примеры не исчерпывают всей моей картотеки аналогичных номенов.

Анализ формы и смысла многочисленных контекстов медиадискурса убедительно показывают без специальных статистических подсчётов явное превалирование негативных смыслов, сопряжённых с нейтральным словом «информация». К сожалению, этот факт указывает на существенное semantic stretching смыслового поля слова «информация» как «сообщение», «распространение новостей», их дистрибуция, распределение по источникам СМИ. А это фактически переводит и данное изначально нейтральное слово в негативное социальное поле слова «пропаганда», что не всегда позволяет отграничить в современном медиаконтенте дискурсивные различия не только этих двух словопонятий, но и испорченного пропагандой слова «коммуникация».

Этот неожиданный для самого автора вывод существенно затрудняет когнитивные процессы потребителя медиаконтента и усиливает ценностный диссонанс между анализируемыми словопонятиями.

Это происходит ещё и по причине того, что журналисты пользуются намеренными и не-

преднамеренными аномалиями в языке медийных средств [2]. Ср., например, изобретение многочисленных креативов [22] в процессе реагирования журналистом на ту или иную транслируемую им информацию, а также различные её модификации в разных изданиях, что приводит к неадекватному реагированию адресата (как в случае с китом, упомянутом выше).

Пропаганда характеризуется как раз, как минимум, искажением правды, как максимум, тотальным враньём. Или манипулированием правдой.

Роль пропаганды в формировании образов и мышления можно проиллюстрировать таким примером. Если нарисовать словами фрагмент, совершенно отличный от реального, то ни информация, ни общение не смогут вызвать адекватные реакции / рефлексии, а пропаганде удастся убедить в реальности описанной (сконструированной) картины, не существующей объективно.

Именно этим разнообразием реальностей объясняется трудность ориентирования человека, находящегося одновременно в нескольких мирах, в противоречивой информации, так как это требует от него большой компетентной эрудиции, внутренней саморецензии и критического осмысления получаемой из масс-медиа информации, особенно в печатном виде и с официальных телеканалов, а с недавнего времени – и с компьютерных сайтов, блогов.

Пропаганда не всегда воспринимается сразу как неправда. Иногда её осознание происходит по времени отстранённо. Так называемая запоздалая реакция. Как правило, в последнем случае она довольно резкая. Осознанный прошлый обман вызывает возмущение, негодование, гнев. А иногда пропаганда осознаётся сразу, сиюминутно. Это разнообразие в реакциях опять-таки зависит от эмоционального интеллекта адресата и от традиционного доверия печатному и официальному слову.

Эмоциональность в большинстве случаев находится в тесном переплётении с импликацией и провоцируемой ассоциацией и потому обязательно субъективно воздействует в заданном (спланированном) смысловом векторе.

На современного политика слова не действуют, они потеряли свою силу и магию. Чаще всего он реагирует на чувства. А чем вызывать эти чувства политикам, если не словами? Здесь возникает проблема слов-обманок (не эвфемизмы!): *оптимизация, реновация, дорожная карта* и др.

Вспомним презрительные слова Шалтая-Болтая в ответ на недоумённый вопрос Алисы о значении слова: «Когда я беру слово, оно означает то, что я хочу, не больше и не меньше», – сказал Шалтай. / – Вопрос в том, подчинится ли оно вам, – сказала Алиса. / – Вопрос в том, кто из нас здесь хозяин» [9].

Многие политики и высокопоставленные чиновники именно так и общаются с народом: либо чтобы совсем ничего не поняли, либо чтобы поняли наполовину. Этим же занимаются и различные советники и пресс-секретари таких политиков, которые дезавуируют высказывания своих начальников, смыслом чего является «*Вы его не так поняли*». Примером служит ставшее широко известным резкое и грубое высказывание Ю. Тимошенко в отношении России и дальнейшая попытка смягчить эффект этого высказывания для мировой общественности: «*Я этого не говорила, я не это имела в виду*».

Пропаганда и информация могут отличаться и по тональности. А могут и не отличаться, что затрудняет их разграничение и правильное восприятие.

Функции тональности – коммуникативная и эмоциональная [21]. Тональность культуросообразна и эксплицирует образованность и воспитанность говорящего. Она выражает все оттенки настроения и эмоциональное состояние, а также является носителем коммуникативных смыслов и средством психологического воздействия на человека. С помощью тональности возможно создание образов. Описание и выражение (равно как и название) любой эмоции различается от культуры к культуре, как в одном языке, так и в разных, от гендера к гендеру, является всегда в коммуникативно-смысловом плане неточным переживаемой коммуникативной ситуации. При этом степень аппроксимации может быть различной, что сказывается на разном восприятии одной и той же категориальной эмоциональной ситуации разными коммуникантами, различается прагматикой и влияет на дальнейшее поведение разных коммуникантов.

Поскольку известно, что в природе всё движется, а язык является частью природы, равно как и сам человек, его носитель, менялся не только сам язык и человек, но и наука, его изучающая, имя которой лингвистика. В ней также наблюдалась динамика: происходила многократная смена научных парадигм. Каждая из новых парадигм не отменяла предыдущую, а возникала и развивалась на её базе. Некото-

рые парадигмы задерживались надолго, например, сравнительно-историческое языкознание, структурное (имманентная лингвистика), некоторые завершались быстротечно, например, дескриптивная лингвистика. С трудом рождалась антропоцентрическая, но зато из неё целым кластером расцвели такие научные парадигмы, как социо-, психо-, тексто-, лингвистика эмоций, когнитивная лингвистика, лингвокультурология, эмотивная лингвоэкология. На пороге становления находится лингвистика искусственного интеллекта (роботология).

Естественно, каждая парадигма поднимала всё новые и новые лингвистические проблемы: процесс познания бесконечен. Что справедливо и для процесса познания языка. Назову далеко не все проблемы современной лингвистики, которые, несомненно, актуальны.

Б. Проблемы современной лингвистики общения

В XXI в. меняющийся мир потребовал значительных изменений в новой коммуникации. Различные социальные, экономические, политические, культурные вызовы наложили серьёзный отпечаток на все уровни языка и речи. Фундаментально изменилась стилистика общения: фактически все функциональные стили перестали чётко дифференцироваться. Напомню, что на перспективу такой возможности указывал ещё Ю.М. Скребнев [19]. В то время с ним никто не согласился, а он оказался прав. Несколько позже справедливость прогноза Ю.М. Скребнева подтвердила Н.М. Разинкина, которая в своей кандидатской и докторской диссертациях [17; 18] убедительно доказала ошибочность ригидного подхода к научному стилю о том, что он якобы начисто лишён эмоционально-экспрессивно-оценочных коннотаций и прагматических локуций и иллокуций. Справедливость аргументов Н.М. Разинкиной подтверждается и текстами официальных оппонентов диссертаций различной тематики, в которых обязательно наличествуют субъективно-усилительные элементы и эмоциональные вкрапления оценочного характера.

В современном общении всех видов и типов (межперсональное, групповое, институциональное) стали вычленяться обиходное, официальное, фамильярное, сниженное (вульгарное, обценное), возвышенное, фатическое, (не)кооперативное, (не)вежливое, (дис)конфирмативное, художественное, научающее, реальное, межкультурное (в т.ч. переводческое), виртуаль-

ное, эмотивное / эмоционально-экспрессивное, (не)экологическое общение и мн. др.

Соответственно, с накоплением новых знаний о коммуникативных потенциях языковых / речевых знаков (в том числе и текста во всех его разновидностях) время поднимало и продолжает поднимать всё новые и новые проблемы (нередко в науке большую значимость имеет само вычленение проблемы и её выдвижение, обнаружение, чем её разрешение). Назову некоторые из наиболее наболевших для новой коммуникативистики, то есть коммуникологии проблем:

- проблема коммуникативной единицы (слово, словосочетание, фраза, текст, образ, инообраз, эмоция);
- проблема типологии видов коммуникации;
- проблема категоризации эмоций;
- проблема лингвистической теории эмоций;
- проблема коммуникации эмоций;
- проблема эмоциональных валентностей слова, фраземы;
- проблема коммуникативного садизма;
- проблема невежливой коммуникации;
- проблема рационализации и регулятивной функции эмоций в коммуникации;
- проблема эффективности человеческого общения;
- проблема политической коммуникации;
- проблема (не)толерантности коммуникации;
- проблемы межкультурной коммуникации;
- проблема перевода и коммуникации;
- проблема теории дискурса (любое общение, погруженное в конкретную ситуацию, рождение, развитие: расширение / сужение, распад дискурса);
- проблема семиотики дискурсивной коммуникации;
- проблема экологической опасности/безопасности коммуникации;
- проблема коммуникативных рисков;
- проблема девербализации общения (нежелание общаться словами, приводящее к разобщению людей, или отказ от общения вообще);
- проблема экологии текста и др.

На развитие лингвистики указывает и выдвижение всё новых и новых её проблем в центр исследовательской тематики. Многие из проблем являются кластерными, конституирующими базовую проблему. Так, внутри базовой про-

блемы «эмотивная лингвоэкология» выделяется проблема экологической опасности / безопасности, проблема терапевтической / деструктивной функции эмоций, проблемы языка и экологии, проблемы эмотивной лингвоэкологии – взаимосвязь лингвистики, эмоций, экологии, природы (языка), здоровья.

Отсюда возникновение таких новых направлений, как экология медицины, педагогики, психологии, философии, искусства всех жанров и др.

Ещё одним кластером проблем, связанных с искусственным интеллектом, является проблема общения с роботами, общения роботов друг с другом, замена многих профессий роботами (что значительно снизило общение потребителей с живыми операторами и сделало невозможным своевременно получить необходимую информацию), проблемы домашней робототехники – обслуги. Отдельной проблемой в роботологии является научение роботов эмоциональной коммуникации и в связи с этим разработка проблемы эмоциональных интерфейсов. Homo loquens синхронно является homo sentiens, ибо эмоции составляют ядро человека. И никакое его общение невозможно без эмоций. Отсюда и новая научная парадигма в рамках лингвистики эмоций – коммуникация эмоций: во многих категориальных эмоциональных ситуациях говорящие не обмениваются эмоциями (например, по поводу каких-либо событий в жизни одного из речевых партнёров) с согласия друг друга, а сбрасывают их друг на друга, то есть канализируют их (например, как в агрессивных и конфликтных ситуациях). Есть и другие типы эмоционального общения, например, вербальное реагирование на происходящее в мире, презентация таких текстовых мнений в масс-медиа и многократное рефлексирование рефлексирований на них, вплоть до серьёзных конфликтов, переходящих в агрессию и деструкцию, как вербальную, так и акциональную (Н. Сванидзе vs. М. Шевченко; К. Собчак vs. В. Жириновский и др.). По словам известнейшего журналиста А.Г. Невзорова, опубликовавшего книгу «Искусство оскорблять» [16], провозглашается принцип новой коммуникации – каждое слово должно адекватно оскорблять. Предвыборные дебаты второй половины марта 2018 года на ЦТВ, медиатором которых выступал В. Соловьёв, показали, что ни один из претендентов на столь высокий государственный пост, к сожалению, не владеет этим искусством.

Продолжу перечисление кластеров проблем: проблемы соотношения объективной реальности с лингвистической, проблемы языковой игры / игры с языком, проблемы игровой, текстовой, образной коммуникации и коммуникации образами, проблемы аппроксимации ино-образов как коммуникативных единиц, проблемы деформации языковой личности, проблемы языковой и речевой деструкции, проблема языковых контактов и конфликтов (выходы из конфликтов) и др.

Поскольку язык и общество тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены, социальные условия функционирования языка вынуждают в различных системах языка производить соответствующие современной коммуникативной ситуации изменения.

Уже достаточно взглянуть на этот далеко не полный перечень всех многочисленных проблем, связанных с теоретическим изучением коммуникации, чтобы убедиться в сложности, многомерности, многогранности и многоцветии самого процесса общения. Это не значит, что проблема коммуникации никогда не интересовала лингвистов ранее. Достаточно вспомнить и «Краткое руководство к красноречию» М. Ломоносова, «Диалоги древних» и «Культуру речи» многочисленных авторов. А также максимы Лича и Грайса, правила общения по Н.И. Формановской и многие другие разрозненные несистемные работы.

Сложность структуры современных миров и трудности их гармоничного общения потребовали систематизации прежних знаний об общении людей и комплексной разработки всех выделенных выше коммуникативных проблем, осложнённых необходимостью общения людей и с искусственными интеллектуальными системами, а также его иных форм (фантомный язык, телепатический язык, искусственные языки – эсперанто и воляпюк, которые не прижились в международном общении, разработка так называемого общего всемирного языка, которая неоднократно начиналась и тоже пока ни к чему не привела).

В. Новые формы, жанры и функции масс-коммуникации

К медианововведениям относятся и новые формы презентации информационных новостей. Чума XXI в. – инфошум, а на подступах к нему – инфотейнмент. Как их смесь, но не бленд, а контаминация – инфофейк, который трудно, а порой невозможно отличить от правды. Вся

пропаганда построена на определённых пропорциях правды и фейка.

Значительные изменения наблюдаются в новых формах модификации старой формы газетной информации: отсутствуют общенациональные газеты с единой идеологией, появилось огромное количество региональных, муниципальных, внутрикорпоративных, частных газет, защищающих интересы своих собственников. Потеряли своё качество и значимость профессиональные газеты. Газета изменила свои функции – быть агитатором, пропагандистом и организатором всех наших побед. Газеты перестали печатать письма трудящихся. Исчезли рубрики типа «Газета выступила, меры приняты», «По нашим выступлениям». Статьи пишутся в газетах, в основном, профессиональными журналистами и, как правило, по заказу хозяина. Журналистские расследования проводят только критико-аналитические СМИ (печатные и непечатные) – «Новая газета», «РБК», «Советская Россия», «Медуза», «Дождь», «Медиазона» и др. Появилось множество новых журналов, вместо таких общенациональных, как «Крокодил», «Огонёк» и серии былых литературно-художественных изданий, типа «Знамя», «Дружба народов», «Литературная газета». Появился Интернет, электронная почта, мессенджеры (киссинджеры), соцсети (ВКонтакте, Одноклассники, Facebook, Twitter и др.), посты, репосты и пр. У разных соцсетей – разные функции.

В XXI в. Интернет получил массовое распространение, стал официально числиться СМИ и заработал множество негативных репутаций на фоне общей полезности. Родилось даже такое мнение: не заглядывай в замочную скважину и не будешь огорчаться. Интернет – самая большая замочная скважина [6].

Появились и новые форматы СМИ: непечатные издания (газеты, журналы, тексты радиопередач с видеосопровождением, интервью с видеоприложениями), учебники, видеоинструкции, аудиокниги, курсы, дистанционное обучение, тренинги, возможность просмотра записей прошлых текстов и видеоматериалов, архивный фонд которых безграничен. Исчезли фельетоны, эссе, поэтические вечера стали редкими.

У СМИ обнаружилось новые функции: обслуживание интересов своего хозяина, информационная война между правительственными и оппозиционными СМИ, создание образа врага, пропаганда, контрпропаганда, понижение (диффамация) / повышение (гlorификация) рейтинг

га (*Крымнаш, Трампнаш, национальные интересы России в Сирии* и др.).

Появились и новые жанры коммуникации: троллинг, Whatsapp, чат, блог, инстаграм, письма президенту [13; 15], общение онлайн, крики, ор во время публичного общения («60 минут», программы Малахова, Шейнина, Норкина), «письма счастья» (от ГАИ) и др.

В связи с интенсивным расширением пользования Интернетом возникли новые формы общения: таблоиды, отказ от почтовой переписки в конвертах и от открыток (дорого и долго); кроме чиновничьих конвертов, кроме формализованных шаблонов с птичьим канцелярским новоязом, непонятным. Новая форма институционального общения – отказ на все запросы. Появились смайлики, «картинизация» (когда вместо слова передаётся изображение его референта). В том числе появилась и такая новая форма передачи эмоций по интернету, как опредмечивание смайликов в виде мимики лица – из кино, видео и сериалов: удивление, недовольство, раздражение, возмущение, ирония через кинемы губ и глаз и всего лица как субституция вербалики. Здесь уместно вспомнить Гулливера, во времена которого существовал предметный язык (язык предметов), а коммуниканты носили с собой мешок с моделями всех предметов в миниатюре и вместо слов комбинировали эти предметы для передачи своих мыслей. На фоне компьютеризации и интернетизации происходит явное упрощение (симплификация) форм общения, особенно в условиях контроля знаний вплоть до перехода на птичий язык, который продолжает скукоживаться.

Такая ситуация с речевой коммуникацией объясняется тем, что в школах и вузах не изучается в достаточно необходимом объёме развивающая речевую культуру художественная литература и не проводится обучение умению излагать свои мысли письменно и устно на литературном языке, особенно поэтическом: поэзия в собственном смысле слова давно потеряла свои позиции, и поэтический стиль общения давно не функционирует. Так называемые баттлы поэзией назвать очень сложно, но надо признать, что баттлы тоже являются одной из новых форм коммуникации. Следует заметить, что Интернет позволяет развить новый жанр коммуникации текстами – гибридную креолизацию (среди вульгарщины и похабщины встречаются среди баттлов и высокохудожественные образцы, сви-

детельствующие о глубинных знаниях эрудированных тех, кто батлится) [14].

Новыми дискурсивными темами СМИ являются: допинг в спорте, секс-тренинг (Настя Рыбка), педофилия (особенно среди священников, учителей, воспитателей садов и интернатов), Крымнаш, Трампнаш (вмешательство в избирательную кампанию), отзывы банковских лицензий (более 150 банков), кибератаки, кругом враги, пытки в СИЗО, «зелёнка» как средство расправы с неудобными, пропаганда и контрпропаганда (информационная война), диффамация конкурентов, К. Собчак, цифровая экономика и биткойны, Чемпионат мира по футболу в России, отравление Скрипаля в Англии, выборы президента РФ и т.п.

Отсюда и всё расширяющаяся девербализация коммуникации. Вузовские преподаватели уже давно отмечают, что студенты не могут участвовать в естественном диалоге друг другом и с преподавателем на заданные темы из-за отсутствия глубоких системных знаний, а ожидают варианты подсказок, с помощью которых они могли бы отгадать/подогнать правильный ответ.

Анализ полученных результатов / Analysis

1. Естественно, решение и изучение всех вышеперечисленных проблем и оставшихся за их пределами потребовали проведения специальных научных тематических конференций, открытия новых журналов: «Мир лингвистики и коммуникации», «Современная коммуникативистика», «Язык и экология: коммуникативная практика», «Межкультурная коммуникация», «Политическая лингвистика». В начале XXI века в связи с возрастающим значением всех видов общения, как внутрикультурного, так и межкультурного, возникла необходимость в создании Российской коммуникативной ассоциации, в которой принимали активное участие и американские коммуникативисты. Эта ассоциация стала на регулярной основе проводить международные конференции по различным проблемам человеческого общения и выпускать вначале печатные, а потом и электронные журналы с результатами проводимыми в стране и за рубежом исследованиями. Соответственно, потребовались специальные лексикографические исследования и создание новых типов словарей, лингвокультурологических и лингвоэкологических словарей: Longman Dictionary of English Language

and culture, «Большой фразеологический словарь русского языка» (Словарь культурных кодов, В.Н. Телия), «Словарь лингвокультурологических терминов» (М.Л. Ковшова, Д.Б. Гудков), «Словарь-справочник лингвоэкологических терминов и понятий» (Е.А. Сущенко) и др.

Конечно же, на повестке дня стоит и создание словаря / библиотеки эмоций и ино-образов как коммуникативных единиц.

Особого внимания требует изучение разнuzданной и расхристанной интернет-коммуникации и выработка правил её упорядочения, а также изучение типов виртуальной языковой личности.

Не меньший интерес представляет и изучение коммуникативного пространства лингвистической реальности как альтернативы реальной коммуникации, куда входит художественная, научающая коммуникация.

Особую коммуникативную опасность представляют тренды на запреты свободного волеизъявления и вероисповедания: закон об оскорблении чувств верующих, закон об оскорблении чиновников и органов власти, закон о защите чести и достоинства и др., которые практически каждое высказывание письменное или устное делают коммуникативным риском. Не зря в Интернете бытует суждение, что «сейчас, прежде чем открыть рот, нужно учесть мнение феминисток, веганов, национальных и сексуальных меньшинств, религиозных людей и бродячих собак. Иначе вся эта оскорблённая масса, с присутствующей ей человечностью, тебя разорвёт. Во имя гуманности». Такая ситуация вынуждает людей к неискренней, лживой коммуникации. А вот закон о чиновничьем вранье Госдума принимать не хочет. В результате всё больше и больше коммуникантов превращаются в *homo mentiens*, что полностью дезориентирует человека в определённом коммуникативном пространстве.

Научный интерес представляют такие коммуникативные тренды как переакцентуация тематики общения. Романтическая тематика общения заменяется коммерческой, экономической. Так, почти во всех пожеланиях по случаю дня рождения, юбилея, праздников (количество которых непомерно расширилось за счёт религиозизации всей страны) обязательно звучит пожелание «побольше денег», а пожелание здоровья и счастья уходит на периферию. Такое общение ведёт к деструкции, деградации языковой личности до уровня первобытного человека. Я понимаю, что это гипербола, но и такой тренд и

его результаты уже давно частотны и вызывают большую тревогу и порой страх за будущее наших детей.

Результаты исследования/ Discussion

Как показано в данном исследовании, современная коммуникология чётко разграничивает коммуникацию (общение), информацию и пропаганду и как словопонятия, и как реальность.

Таким образом, сопоставление функциональных целеполаганий информации и пропаганды наглядно свидетельствует об их ценностном диссонансе. И это не могут не учитывать журналисты обоих лагерей: журналисты, сообщающие новую объективную информацию, должны знать и владеть всеми технологиями контрпропаганды, а журналисты-пропагандисты должны иметь в виду, что благодаря Интернету медиапотребители могут сравнить их «правду» с правдой объективных журналистов, и возможный инфошум, чтобы сориентироваться в мире.

В целом общение представляет собой яркий спектакль человеческих эмоций. Неправомерным является утверждение о том, что этот спектакль разыгрывается только в бытовом общении людей.

В статье выделены многочисленные разновидности человеческого общения и их классификации по различным параметрам.

В связи с усилением роли масс-медиакоммуникации и с разработкой теории медиадискурса следует более внимательно медиапотребителю разграничивать собственно информацию и пропаганду (и контрпропаганду), ибо их неразличение приводит к значительным коммуникативным рискам и даже к коммуникативным провалам. Поэтому в данной работе информация понимается как презентация новостей, сообщение о событиях в мире и в стране, распространение реальных новостей, описание новостей. Информация должна быть объективной и не нарушать событийной и новостной реальности. В то время как пропаганда создаёт новую реальность, модифицирует объективную реальность, искажает её, создавая инаковость, нередко привлекательную и потому эффективную. В качестве примеров успешности (на некоторое время) пропаганды является гебелсовская, советская, северокорейская из сферы естественной коммуникативной реальности, а из сферы художественной коммуникативной реальности – «1984» и «Скотный двор» Д. Ору-

элла и «Москва 2040» В. Войновича и др. Пропаганда – это принуждение внушением к иному, заданному, мнению / восприятию / пониманию (выравнивание многоточий зрения).

Пропаганда носит рекламный характер. Особенно в предвыборные периоды. А вся реклама, как минимум, – приукрашение, как максимум, – обман, лукавство, подмена понятий. Некоторые последствия пропаганды таковы: непонимание людьми ситуации, в которой их сориентировали, непонимание новой реальности, сформированной языком пропаганды, дезориентация, снижение доверия у части получателей информации к СМИ, снижение ответственности СМИ за информацию.

А примерами успешности пропаганды через артефакты являются пепси и кола, джинсы, жевательная резинка, модная техника, авто, выдающиеся достижения у науки (открытия), массовая миграция к привлекательности образа жизни, глобализация этих артефактов и т.п.

Пропаганда – инструмент по управлению общественным мнением. Пропаганда может быть в отдельные периоды особенно агрессивной: в зависимости от специфики того или иного общественного явления / события, она может трансформироваться даже в пропагандистскую пандемию, которая оказывает негативное влияние и просто на информацию, доверие к которой снижается, так как медиапотребитель не знает, чему верить.

Все эти факты снижают репутацию пропаганды по сравнению с честной и реальной информацией. А репутация, как известно, – это такой феномен, на который вначале работает Вы, а потом она работает на Вас. Или против Вас.

Так вот почему окончательная правда всё равно остаётся на стороне честной информации.

Пропаганда – это субъективное представление объективных реальных событий, искажение, добавление к информации выдуманных фактов, их сюжетов, нюансов. При этом степень искажения различна, вплоть до полного извращения реального факта.

Результат / эффект эмоциональной коммуникации очень сильно зависит от коммуникативной тональности, которая может быть как эксплицитной, так и имплицитной, от коннотации до ассоциации. Люди реагируют не на слова, а на чувствования. Именно поэтому такую роль эмоций отмечают коммунологи во всех видах человеческого общения и с искусственным интеллектом (с роботами, которых пытаются научить

через эмоциональные интерфейсы чувственным реакциям и их вербализации). Кроме этого, в современном общении, особенно публичном, превалирует именно чувственный компонент и необязательно через вербалику. На эту тему имеется много публикаций и иллюстраций из наблюдений за многочисленными ток-шоу на различных каналах ТВ.

Приводимая в качестве эпиграфа цитата Н.В. Гоголя о величии русского языка контрастирует с оценкой современного русского языка как в самой стране, так и за её пределами: репутационная составляющая его постепенно снижается. На это указывает и процесс перехода с кириллицы на латиницу даже в бывших братских советских республиках и продолжающийся отказ от преподавания русского языка в некоторых зарубежных государствах. А ведь ещё недавно русский язык был одним из мировых языков.

Прежде всего это относится к лексико-семантической системе языка, на которую оказывает давление и влияние не только научно-технический прогресс, но и бесконечные общественные события. Это касается как внутриязыковой культуры, так и межкультурной коммуникации, изменяющей человеческую деятельность и общение в процессе этой деятельности. Ср. пример с граммар-наци и появившимися неопуристами. В этой связи напомним мысль Л.В. Щербы: «Запрет на слова, которые бытуют в живой речи народа, может задержать развитие языка на сто лет» [цит. по: 8]. С другой стороны, Л.А. Кудрявцева считает: «Язык сам вырвет из любой ситуации», «Я не разделяю стремления «тащить и не пущать» в отношении такого живого и постоянно развивающегося явления, как русский язык» [8].

Анализ современного состояния масс-коммуникации, а также других её типов и видов, указывает на серьёзную зависимость её неблагополучного состояния от снижения ответственности и квалификации журналистов.

Во всём этом процессе главную роль выполняет журналистская квалификация. Авторитетность и ответственность журналиста, к сожалению, как тренд заметно девальвирует [20; 23].

Уровень речевой культуры некоторых журналистов оставляет желать лучшего. Это связано с тем, что «в газеты пришли люди неподготовленные, необученные» [5, С. 5-7].

Проведённое исследование выявило значительные изменения в массмедийной коммуникации, её формах, трендах, тематике и, соот-

ветственно, в её целях и функциях. Все они, в основном, выделены в результате данного исследования, наравне с теми актуальными и перспективными проблемами коммунологии, которые многочисленные лингвисты пытаются выдвинуть в центр исследовательской тематики, разрешить, насколько это возможно, и оказать своими результатами позитивное воздействие на изменение негативных тенденций в современном медиа-дискурсе.

Самым интересным, на мой взгляд, и неожиданным является вывод о том, что три словопонятия: коммуникация, информация и пропаганда находятся в процессе «склеивания» в одно общее комплексное понятие за счёт диффузии их смыслового содержания в один смешанный смысл. А это не позволяет больше чётко и определённо разграничивать эти словопонятия применительно к массмедийному контенту.

Соответственно, семантика анализируемых в статье трёх слов также трансформируется: их смысловые различия постепенно нивелируются. Как выявлено в данном исследовании, за счёт склеивания / совмещения / диффузии / контаминации происходит изменение не только лексического значения данных слов, но и трансформация набора за счёт различной комбинаторики семных конкретизаторов соответствующего слова. Их дальнейшее изучение представляет актуальную перспективу для смыслообразования анализируемых словопонятий.

Ранее считалось, что информация и пропаганда представляют собой вертикальный тип коммуникации, т.е. «сверху вниз», а само слово «коммуникация» означало горизонтальный тип общения между людьми: «слева направо» и «справа налево». В современном медиадискурсе и нередко в обиходном за счёт политизации общения в коммуникативной реальности наблюдается резкое обострение эмоциональных эксцессов. Однако на психоэмоциональные процессы в человеческом общении влияют и социальные сети.

В связи с вышеотмеченным коммунологи поднимают проблему необходимости этического, политического и культурного воспитания всех коммуницирующих друг с другом сторон. Имеются в виду культура журналиста и журналистики как медиакультура. В последнюю несомненно включаются гуманизм, гуманитарные / гуманистические стратегии СМИ. Всё это, по моему мнению, формирует массмедийное сознание медийной языковой личности (в понимании Н.И. Клушиной).

Список литературы

1. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. Пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О.А. Радченко. М.: Изд-во МГУ, 1993. 224 с.
2. Васильцова Н.В. Намеренные и непреднамеренные аномалии в языке медиальных средств: автореф. ... канд. филол. н., Р-н-Д., 2004. 26 с.
3. Виноградов В.В. О художественной прозе. М.-Л., ГИЗ, 1930.
4. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Общ. ред. и предисл. Асмуса В.Ф. М.: Наука, 1958 (2009). 133 с.
5. Засурский Я.Н. Из ответов на вопросы журналистов // Журналистика и культура русской речи. 2002. № 2. С. 5-7.
6. Кинг С. 11-22-63. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://knizhnik.org/stiven-king/king-11-22-63/1> (Дата доступа 20 января 2018 г.)
7. Кислякова Е.Ю. Ино-образ в структуре языковой личности как проблема коммуникативистики // Известия ВГПУ, 2017. № 2. С. 115-121.
8. Кудрявцева Л.А. О ресурсах пополнения русской лексики // Интервью газете «Комментарий» 04.08.14.
9. Кэрролл Л. Алиса в Зазеркалье. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://lib.ru/CARROLL/alisa2.txt> (Дата доступа 15 января 2018 г.)
10. Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Книга I / А.А. Бернацкая, И.В. Евсеева, А.В. Колмогорова и др.; под ред. проф. А.П. Сковородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. 340 с.
11. Максименко О.И. Поликодовый vs. креолизованный текст: проблема терминологии // Вестник РУДН. 2012. № 2. С. 93-102.
12. Межличностная коммуникация: теория и жизнь / О.И. Матяш, В.М. Погольша, Н.В. Каразинова, С. Биби, Ж.В. Зарицкая. Под науч. ред. О.И. Матяш. СПб.: Речь, 2011. 560 с.
13. Минкин А.В. Девочки разные бывают. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.mk.ru/politics/letters-to-president/2017/06/25/> (Дата доступа 8 сентября 2017 г.)
14. Минкин А.В. Слава КПСС! Навальный сделал рекламу Гнойному. [Электронный ресурс] д Режим доступа: <http://www.mk.ru/politics/2017/09/18/slava-kpss.html> (Дата доступа 20 сентября 2017 г.)
15. Минкин А.В. Немой Онегин. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.mk.ru/culture/2017/09/29/nemoy-onegin.html> (Дата доступа 1 октября 2017 г.)
16. Невзоров А.Г. Искусство оскорблять. М.: АСТ, Астрель-СПб, 2016. 320 с.
17. Разинкина Н.М. Стилистика английской научной речи (Элементы эмоционально-субъективной оценки). М.: Наука, 1972. 168 с.
18. Разинкина Н.М. Развитие языка английской научной литературы (Лингвостилистическое исследование): дис. ... д-ра филол. наук. М., 1979. 425 с.
19. Скребнев Ю.М. Основы стилистики английского языка Учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. – 2-е изд., испр. М.: Астрель, 2003. 221, [3] с. (на англ. яз.).
20. Шаховский В.И. Синергетика слова в семасиологической семиотике языка // Мир русского слова. 2015, № 2. С. 5-11.
21. Шаховский В.И. Триада экологичности – человек, язык, эмоции – в коммуникативной практике. – IPR-books, 2017.
22. Шаховский В.И. «Медиароддом» эмоциональных рефлексем. Языковое бытие человека и этноса. Материалы XIII Березинских чтений (Москва 15 мая 2017 г.). Выпуск 19/ под ред. В.А. Пищальниковой. М.: ИНИОН РАН, 2017. С. 210-218.
23. Шаховский В.И. Экология как глобальная трансдискурсивная скрепа. Термины в коммуникативном пространстве. Материалы научно-практической конференции с международным участием «Современные проблемы экологии языка» (10 февраля 2017 г.). Астрахань, 2017. С. 60-72.
24. Weinrich H. LinguistikderLüge. Heidelberg, 1966.

Сведения об авторе:

Шаховский Виктор Иванович – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник кафедры языкознания, заслуженный деятель науки РФ, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. Научные интересы: эмотиология и коммуникология.
Email: shakhovsky2007@yandex.ru.

THE LIFE OF LANGUAGE IN MEDIA COMMUNICATION (LINGUISTIC MEDITATION ON THE CONSTITUTIVE FUNCTION OF LANGUAGE)

V.I. Shakhovsky

Volgograd state socio-pedagogical University,
27, V.I. Lenina av., Volgograd, 400131, Russia

The Abstract: Analyzed are three word-concepts: “communication”, “information”, “propaganda”, their differentiation and interaction, their relationship with word-concept “discourse”. Described are changes of their function in modern mass media, new forms, genres, styles. Highlighted are new theoretical problems within specific scientific paradigm – communicology. Shown is the continuity of scientific problems associated with the theory of communication, rooted in previous scientific paradigms and forming new scientific trends and their clustering around a particular problem of communication studies, which has grown into communicology.

Particular attention is paid to the problem of communicative risks in mass-medial communication, the problem of communicative ecological safety, as well as the problems of changing of the general tonality (expressivization and emotionalization) of all types of human communication and especially their dehumanization, one of the results of which is a certain deformation of the communicative personality of discourses of different types. Attention is drawn to the decrease in the responsibility and authority of journalism and the growing distrust to the media.

The obtained results are a generalization of the critical comments and thoughts of the journalists themselves, and the views of users of the Internet resources and bipolar mass-media tools, printed and non-printed. Naturally, the main attention of the author was paid to special scientific researches devoted to mass-medial communication.

Key Words: communication, information, propaganda; trends in the objectives, functions, and styles; decreasing responsibility of journalists; the growing distrust to the mass media; emotionalization and expressivization of mass-medial communication; communicative risks

References

1. Vaisgerber I.L. Rodnoi iazyk i formirovanie dukha. [Native language and the spirit]. Per. s nem., vstup. st. i komment. O.A. Radchenko. M.: Izd-vo MGU, 1993. 224 p.
2. Vasil'tsova N.V. Namerennye i ne prednamerennye anomalii v iazyke medial'nykh sredstv [Intentional and unintentional anomalies in the language of medial means]: avtoref. ... kand. filol. n., R-n-D., 2004. 26 p.
3. Vinogradov V.V. O khudozhestvennoi proze [About a work of fiction]. M.-L., GIZ, 1930.
4. Vitgenshteyn L. Logiko-filosofskii traktat [Logical-philosophical treatise]/ Obshch. red. i predisl. Asmusa V. F. M.: Nauka, 1958 (2009). 133 p.
5. Zasurskii Ia.N. Iz otvetov na voprosy zhurnal'istov [From answers to journalists' questions]// Zhurnal'istika i kul'tura russkoi rechi. 2002, no 2. pp. 5-7.
6. King S. 11-22-63. Available at: <http://knizhnik.org/stiven-king/king-11-22-63/1> (accessed 20 January 2018).
7. Kisl'akova E.Iu. Ino-obraz v strukture iazykovoi lichnosti kak problema kommunikativistiki [Another-image in the structure of the linguistic personality as a problem of communicativistics]// Izvestia VGPU. 2017, no 2. pp. 115-121.
8. Kudriavtseva L.A. O resursakh popolneniia russkoi leksiki [Replenishment resources of the Russian vocabulary]// Interv'iu gazete «Kommentarii» 04.08.14.
9. Carroll L. Alisa v Zazerkal'e [Alice in the looking glass]. Available at: <http://lib.ru/CARROLL/alisa2.txt> (accessed 15 January 2018).
10. Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoi voyny [Linguistics of information-psychological war]: monografiia. Kniga I / A.A. Bernatskaia, I.V. Evseeva, A.V. Kolmogorova i dr.; pod red. prof. A.P. Skovorodnikova. Krasnoarsk: Sib. feder. un-t, 2017. 340 p.
11. Maksimenko O.I. Polikodovyi vs. kreolizovannyi tekst: problema terminologii [Polycode vs. creolized text: the problem of terminology] // Vestnik RUDN. 2012, no 2. pp. 93-102.
12. Mezhlichnostnaia kommunikatsiia: teoriia i zhizn' [Interpersonal communication: theory and life]/ O.I. Mat'iash, V.M. Pogol'sha, N.V. Karazina, S. Bibi, Zh.V. Zaritskaia. Pod nauch. red. O.I. Mat'iash. SPb.: Rech', 2011. 560 p.
13. Minkin A.V. Devochki raznye byvaiut [Girls are different]. Available at: <http://www.mk.ru/politics/letters-to-president/2017/06/25/> (accessed 8 September 2017).
14. Minkin A.V. Slava KPSS! Naval'nyi sdelal reklamu Gnoinomu [Glory to the CPSU! Navalny made an advertisement to Purulent]. Available at: <http://www.mk.ru/politics/2017/09/18/slava-kpss.html> (accessed 20 September 2017).
15. Minkin A.V. Nemoi Onegin. [Dumb Onegin]. Available at: <http://www.mk.ru/culture/2017/09/29/nemoy-onegin.html> (accessed 1 October 2017).
16. Nevzorov A.G. Iskusstvo oskorbl'iat' [The art of insulting]. M.: AST, Astrel'-SPb, 2016. 320 p.

17. Razinkina N.M. Stilistika angliiskoi nauchnoi rechi (Elementy emotsional'no-sub'ektivnoi otsenki) [The style of the English scientific language (Elements of emotional-subjective assessment)].M.: Nauka, 1972. 168 p.
18. Razinkina N.M. Razvitie iazyka angliiskoi nauchnoi literatury (Lingvostilisticheskoe issledovanie) [The development of the English language scientific literature (Formal study)]: dis. ... d-ra filol. nauk. M., 1979. 425 p.
19. Skrebnev Iu.M. Osnovy stilistiki angliiskogo iazyka. [Basics of English style] Uchebnik dlia in-tov i fak. inostr. iaz. 2-e izd., ispr. M.: Astrel', 2003. 221, [3] p. (na angl.iaz.).
20. Shakhovskii V.I. Sinergetika slova v semasiologicheskoi semiotike iazyka [Synergetics of word's semasiology in the semiotics of language] // Mir russkogoslova. 2015, № 2. pp. 5-11.
21. Shakhovskii V.I. Triada ekologichnosti – chelovek, iazyk, emotsii – v kommunikativnoi praktike [Triad of ecology – man, language, emotions – in communicative practice]. IPR-books, 2017.
22. Shakhovskii V.I. «Mediaroddom» emotsional'nykh refleksam. [“Media maternity hospital” of emotional reflexes]. Iazykovoe bytie cheloveka i etnosa. Materialy XIII Berezinskikh chtenii (Moskva 15 maia 2017 g.). Vypusk 19/ pod red. V.A. Pishchal'nikovoi. M.; INION RAN, 2017. pp. 210-218.
23. Shakhovskii V.I. Ekologiya kak global'naia transdiskursivnaia skrepa. Terminy v kommunikativnom prostranstve. [Ecology as a global transdiscursive bond. The terms in the communicative space]. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Sovremennye problemy ekologii iazyka» (10 fevralia 2017 g.). Astrakhan', 2017. pp. 60-72.
24. Weinrich H. Linguistik der Lüge. Heidelberg, 1966.

About the author:

Victor I. Shakhovsky – doctor of Philology, Professor, chief researcher of the chair of linguistics, honored scientific researcher of the Russian Federation, Volgograd state socio-pedagogical University, 400131, Volgograd, Russia, 27 V.I. Lenina av. Research interests: emotion and communication. Email: shakhovsky2007@yandex.ru.

* * *

ЯВЛЕНИЕ ГЕМИНАЦИИ В ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО АРАБСКОГО ЯЗЫКА

Э.В. Яковенко

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, г. Москва, Проспект Вернадского, 76

Статья посвящена широко распространённому в фонологической системе современного литературного арабского языка явлению геминации. Применительно к арабскому языку автор разделяет геминацию на первичную, когда геминированный согласный репрезентирует устойчивую, смыслоразличительную фонему, и вторичную, возникшую в результате действия определённых фонетических законов. Геминированные по первому типу согласные репрезентируют, как правило, второй корневой согласный в устойчивых именных моделях. Основное внимание в статье уделяется анализу закономерностей, по которым происходят фонетические превращения, ведущие к возникновению вторичной геминации, в результате чего меняется структура слова, которая перестаёт укладываться в устойчивые модели построения арабских словоформ. Указанные закономерности касаются, главным образом, удвоенных глаголов и их отымённых образований. Автор выделяет две главные закономерности, присущие удвоенным корням, первая из которых (выпадение краткого гласного) может проявляться самостоятельно, а вторая (устранение возникшего трёхсогласия) является следствием действия первой. Делается вывод о том, что вторичная геминация в арабском языке обусловлена общелингвистическим законом экономии сил, в данном случае производительных усилий, действие которого усиливается в процессе развития национальных разговорных языков арабских стран.

Ключевые слова: арабский язык, геминация, геминированные согласные, фонология, фонетические закономерности, удвоенные корни, закон экономии производительных усилий.

Геминация (удвоение, от лат. *geminatio*) – широко распространённое фонетическое явление, зафиксированное практически во всех языках мира, выполняющее, однако, разные по значимости функции. В современном арабском литературном языке геминация играет важную смыслоразличительную роль, так же как, например, и в итальянском языке, в то время как в ряде других языков геминация может быть результатом ассимиляции (латинский язык), выполнять форморазличительную роль (финский язык) или иметь чисто графическое выражение

(немецкий язык). В русском языке геминация на фонетическом уровне проявляется слабо, в отдельных словах, и значимой роли в плане различия значений не играет [7].

Проблема геминации в современном литературном арабском языке разработана недостаточно полно. Практически отсутствуют работы, посвящённые этой теме как специальному объекту фонетического анализа. Геминированные согласные упоминаются в некоторых работах отечественных исследователей-арабистов, но в связи с разработкой других лингвистических проблем. В частно-

сти О.В. Гуськова в монографии, посвящённой «аффиксальной деривации множественного числа в арабском литературном языке», даёт следующее определение геминии: «...удвоение в интервокальной позиции согласных элементов слова с обязательной препозицией нулевого гласного по отношению ко второму консонанту, рассматривая его (это удвоение) при анализе процессов морфологической деривации в рамках аффиксации: префиксации, инфиксации, суффиксации и т.д. в зависимости от локализации консонантов относительно корня слова» [5, с. 70].

Справедливости ради надо отметить большое количество работ иностранных авторов, посвящённых анализу явления геминии в территориальных диалектах, или национальных разговорных языках арабских стран, каждый из которых заслуживает отдельного специального исследования. В упомянутых работах геминия рассматривается в ином, описательном ключе, отличном от подхода автора настоящей статьи, который анализирует именно фонетические процессы, приводящие к появлению геминированных согласных (следует отметить, что данная методика не представлена ни в одном из исследований по арабской грамматике). Кроме того, содержащиеся в вышеупомянутых работах примеры проиллюстрированы диалектизмами, отсутствующими в словаре литературного языка. И поскольку тема настоящей статьи ограничивается рамками современного литературного языка, использовать и ссылаться на эти работы представляется нецелесообразным.

В «Словаре лингвистических терминов» геминия определяется как «двукратное удлинение согласного звука» [1, 483]. Это определение наиболее близко подходит к пониманию геминии применительно к арабскому языку, поскольку арабская грамматическая традиция, с одной стороны, интерпретирует удвоенные в европейском понимании согласные как «усиленные» согласные, графически выражая их одной буквой со значком «ташдид» (‘усиление’), а с другой стороны, делает различие между усиленными согласными (الحروف المشددة) и удвоенными корнями глаголов (الفعل المضاعف), в которых усиление, а в данном случае удвоение корневого согласного, происходит лишь за счёт фонетических изменений и удвоенный согласный не является устойчивой исходной фонемой.

На наш взгляд, в фонологической системе современного литературного арабского языка можно выделить два вида геминированных

согласных: согласные, изначально играющие смысловозначительную роль в словах с устойчивой трёхбуквенной структурой, и согласные с геминией, явившейся результатом фонетических изменений, происходящих, например, в трёхбуквенных корнях с одинаковыми вторым и третьим согласными, а также в ряде других случаев. Таким образом, можно говорить о первичной геминии, когда согласные, действительно, «усиленные», и вторичной геминии, когда одинаковые согласные удваиваются в результате определённых фонетических закономерностей, о которых речь пойдёт ниже.

Согласные с первичной геминией репрезентируют, как правило, второй корневой согласный в устойчивых именных формах, образованных, например, по модели имён лиц, имеющих постоянный род занятий, فَعَالٌ [fa‘āluṅ] (رَسَّامٌ [rassāmun] ‘художник’), или по модели названия орудий فَعَالَةٌ [fa‘ālatun] (حَفَّارَةٌ [haffāratun] ‘экскаватор’), или по модели мн. ч. субстантивированных причастий действительного залога, образованных от правильных глаголов I породы, فَعَالٌ [fu‘āluṅ] (كُتَّابٌ [kuttābun] ‘писатели’).

К первичной геминии можно также отнести и усиление второго корневого согласного в глаголах II и V пород в качестве формообразующего инструмента, поскольку ни в одной из производных форм не наблюдается раздвоения усиленного согласного, а ослабление геминированного второго корневого согласного в ряде форм масдара глаголов II породы компенсируется за счёт удлинения последующего гласного (модели تَفَعَّلٌ [taf‘ūluṅ], تَفَعَّلٌ [tif‘āluṅ], تَفَعَّلُوا [tif‘ūluṅ]) или за счёт образования формы женского рода (модели تَفَعَّلَةٌ [taf‘ūlatun], تَفَعَّلَةٌ [taf‘ūlatun]) [11, с. 115].

В глаголах IX породы геминия – вторичная, поскольку в целом ряде глагольных форм и отглагольных имён, образованных от глаголов этой породы, наблюдается раздвоение конечного геминированного согласного, например: اِسْفَرَرْتُ [iṣfarárta] ‘ты побледнел’; اِسْفَرَرْتُ [iṣfirárun] ‘бледность’ (глагол اِسْفَرَّ [iṣfárra]). По этой же причине можно предположить, что геминия в ряде форм глаголов IX породы происходит не за счёт формообразующего усиления третьего корневого согласного, а за счёт редупликации последнего слога, в результате чего выпадает предшествующий краткий гласный и конечный согласный удваивается: اِسْفَرَّرَ [iṣfá-ra-ra] → اِسْفَرَّرَ [iṣfárra] ‘он побледнел’.

Вторичная геминия может быть результатом ассимиляции близких по месту артикуляции

согласных звуков, например, ассимиляция [l] артикля «солнечными согласными» (أَلشَّمْسُ [aš-šámsu] ‘солнце’ вместо [ʔal-šámsu]), или ассимиляция формообразующего инфикса VIII породы глухого [t] звонким [d] (إِذْحَرَ [iddáhara] ‘он наклонил’ вместо إِذْتَحَرَ [iddáhara]) или ассимиляция сонорного [n] сонорным [m] (مِمَّنْ [mimman] ‘из тех, кто’ вместо مِنْ مَنْ [min man]).

Однако наибольший интерес представляют слова с удвоенными корнями, фонологическая структура которых, на первый взгляд, не вписывается в типовые модели арабских глаголов и отглагольных имён, но при внимательном анализе которых можно заметить влияние регулярных фонетических закономерностей, вызвавших изменения в исходных моделях.

Главная фонетическая закономерность, характерная для удвоенных корней, – недопущение двух слогов, образованных одинаковыми согласными, в результате чего гласный первого слога выпадает и образуются формы, морфологическая структура которых отличается от привычной модели глагола или отглагольного имени. Подобная закономерность наблюдается в перфектных формах удвоенных глаголов I, III, VI, VII, VIII пород, в исходных моделях которых двум указанным слогам предшествует открытый слог, а также в аналогичных формах имперфекта глаголов III, VI, VII и VIII пород. Таким образом, эти модели приобретают следующий вид:

— I порода: فَعَّلَ [fáʔala] вместо فَعَّلَ [fáʔala] или فَعَّلَ [fáʔila], например: مَرَّ [márra] ‘проходить’ вместо مَرَّرَ [márrara]; مَلَّ [málla] ‘скучать’ вместо مَلَّلَ [mállila)]¹;

— III порода: فَعَّلَ [fáʔala] вместо فَعَّلَ [fáʔala] в перфекте, например: ضَادَّ [dàdda] ‘противодействовать’ вместо ضَادَّدَ [dádada], и يُفَاعِلُ [jufáʔlu] вместо يُفَاعِلُ [jufáʔilu] в имперфекте, например: يُضَادِّدُ [juḏáddu] вместо يُضَادِّدُ [juḏádidu];

— VI порода: تَفَاعَلَ [tafáʔala] вместо تَفَاعَلَ [tafáʔala] в перфекте, например: تَضَادَّدَ [taḏádda] ‘противодействовать друг другу’ вместо تَضَادَّدَ [taḏáddada], и يَتَفَاعَلُ [jatafáʔlu] вместо يَتَفَاعَلُ [jatafáʔalu] в имперфекте, например: يَتَضَادَّدُ [jataḏáddu] вместо يَتَضَادَّدُ [jataḏáddadu];

— VII порода: إِنْفَعَلَ [ʔinfáʔala] вместо إِنْفَعَلَ [ʔinfáʔala] в перфекте, например: إِسْنَدَّ [ʔinsádda] ‘закупориваться’ вместо إِسْنَدَّدَ [ʔinsáddada], и يَنْفَعِلُ [janfáʔlu] вместо يَنْفَعِلُ [jainfáʔilu] в имперфекте, например: يَنْسَدِّدُ [jansáddu] вместо يَنْسَدِّدُ [jansádidu];

— VIII порода: إِفْتَعَلَ [ʔiftáʔala] вместо إِفْتَعَلَ [ʔiftáʔala] в перфекте, например: إِمْتَدَّ [ʔimtádda] ‘простираться’ вместо إِمْتَدَّدَ [ʔimtáddada], и يَفْتَعِلُ [jafatáʔlu] вместо يَفْتَعِلُ [jafatáʔilu] в имперфекте, например: يَمْتَدِّدُ [jamtáddu] вместо يَمْتَدِّدُ [jamtádidu].

Появление ряда нестандартных именных форм с удвоенными корнями также является результатом выпадения краткого гласного в первом из двух слогов, образованных одинаковыми вторым и третьим корневыми согласными. К таким именным формам можно отнести причастия действительного залога глаголов I породы и причастия действительного и страдательного залогов глаголов III, VI, VII и VIII пород, формы которых в обоих залогах идентичны вследствие выпадения краткого [i] в действительном залоге и краткого [a] в страдательном залоге. Например:

— I порода: فَاعِلٌ [fáʔilun] вместо فَاعِلٌ [fáʔilun], например: مَارٌّ [márrun] ‘прохожий’ вместо مَارِرٌ [márirun];

— III порода: مُفَاعِلٌ [mufáʔilun] вместо مُفَاعِلٌ [mufáʔilun], например: مُضَادِّدٌ [muḏáddun] ‘противодействующий’ вместо مُضَادِّدٌ [muḏádidun];

— VI порода: مُتَفَاعِلٌ [mutafáʔilun] вместо مُتَفَاعِلٌ [mutafáʔilun], например: مُتَضَادِّدٌ [mutadáddun] ‘противостоящий’ вместо مُتَضَادِّدٌ [mutadádidun];

— VII порода: مُنْفَعِلٌ [munfáʔilun] вместо مُنْفَعِلٌ [munfáʔilun], например: مُنْسَدِّدٌ [munsáddun] ‘закупоривающийся’ вместо مُنْسَدِّدٌ [munsádidun];

— VIII порода: مُفْتَعِلٌ [muftáʔilun] вместо مُفْتَعِلٌ [muftáʔilun] в действительном залоге и مُفْتَعِلٌ [muftáʔalun] в страдательном залоге, например: مُخْتَلٌّ [muḥtállun] ‘оккупирующий; оккупант’ вместо مُخْتَلِّلٌ [muḥtállilun] и مُخْتَلٌّ [muḥtállun] ‘оккупированный’ вместо مُخْتَلَّلٌ [muḥtállalun].

Аналогичные изменения имеют место в масдарах глаголов III породы модели مُفَاعَلَةٌ [mufáʔalatun], например: مُضَارَّةٌ [muḏárratun] ‘многожёнство’ вместо مُضَارَرَةٌ [muḏáráratun], а также в таких словоформах, как مَارَّةٌ [márratun] ‘прохождение’ вместо مَارِيرَاتٌ [máriratun] и فَارَّةٌ [fárratun] ‘убегающие’ вместо فَارِيرَاتٌ [fáriratun], образованных по модели мн. ч. причастий действительного залога глаголов I породы فَاعِلَةٌ [fáʔilatun] [9, с. 233].

В то же время в слове بَرَرَةٌ [baráratun] ‘благодарительные’, образованном по модели мн. ч. причастий действительного залога глаголов I породы فَعَلَةٌ [faʔalatun], не происходит выпадения кратко-

¹ В этой связи уместно напомнить, что выпавший гласный указывается в Арабско-русском словаре Х.К. Баранова в скобках, рядом с глаголом, наряду с типовым гласным имперфекта, который следует после гласного перфекта через дробную черту [2, 763].

го гласного, вероятно, в силу необходимости сохранения семантики слова и избежания перехода данной словоформы в разряд прилагательного женского рода единственного числа [bárrratun] 'благочестивая'.

Подобное исключение из вышеупомянутого правила наблюдается также во многих именах существительных, таких, например, как عَدَدٌ [ʿádadun] 'число', خَلَلٌ [ḥálalun] 'неисправность', مَلَأٌ [málalun] 'скука'. Относительно первого и второго примеров можно предположить, что краткий [a] не выпадает по причине разграничения и сохранения форм масдаров действия عَدَدٌ [ʿáddun] 'подсчёт' и خَلَلٌ [ḥállun] 'прореживание' и имён существительных عَدَدٌ [ʿádadun] 'число' и خَلَلٌ [ḥálalun] 'неисправность'. В слове مَلَأٌ [málalun] 'скука' выпадения краткого [a] не происходит, скорее всего, в силу необходимости сохранения неоднозначной семантики глагола مَلَأٌ [mállu], который при масдаре مَلَأٌ [málalun] означает 'испытывать скуку', а при масдаре مَلَأٌ [mállun] имеет значение 'смётывать, наживлять'.

В моделях, в которых двум слогам, образованным одинаковыми вторым и третьим корневыми согласными, предшествует закрытый слог, проявление проиллюстрированной выше закономерности влечёт за собой последующее фонетическое изменение, когда выпавший гласный используется для устранения недопустимого в арабской фонетике стечения трёх согласных звуков, возникшего в результате действия первой закономерности, т.е. выпадения краткого гласного. Это явление наблюдается в ряде форм перфекта и имперфекта глаголов IV и X пород и в отглагольных именах, образованных от глаголов этих пород, а также в тех формах имперфекта глаголов I породы, в которых одинаковые второй и третий согласные образуют два слога в постпозиции к закрытому слогу. Например:

— I порода, имперфект: يُفَعِّلُ [jafúʿlu] вместо يُفَعِّلُ [jáfʿulu], например: يَمُرُّ [jamúrru] 'он проходит' вместо يَمُرُّ [jámrru] ([jámrru → jamrru → jamúrru]); يُفَعِّلُ [jaffʿlu] вместо يُفَعِّلُ [jáfʿilu], например: يَفِرُّ [jafirru] 'он убегает' вместо يَفِرُّ [jáfriru] ([jáfriru → jafrru → jafirru]); يُفَعِّلُ [jafáʿlu] вместо يُفَعِّلُ [jáfʿalu], например: يَمَلَأُ [jamállu] 'он скупает' вместо يَمَلَأُ [jámllalu] ([jámllalu → jámllu → jamállu]);

— IV порода, перфект: أَفَعَّلَ [afáʿla] вместо أَفَعَّلَ [áfʿala], например: أَمَلَأَ [ámalla] 'нагоняет скуку' вместо أَمَلَأَ [ámllala] ([ámllala → ámllu → amállu]); имперфект: يُفَعِّلُ [juffʿlu] вместо يُفَعِّلُ [jufʿilu], например: يُمَلِّئُ [jumíllu] 'он нагоняет скуку' вместо يُمَلِّئُ [júmlilu] ([júmlilu → júmllu → jumíllu]);

— X порода, перфект: اِسْتَفَعَّلَ [ʾistafáʿla] вместо اِسْتَفَعَّلَ [ʾistáfʿala], например: اِسْتَمَرَّ [ʾistamárra] 'он продолжался' вместо اِسْتَمَرَّ [ʾistámrrara] ([ʾistámrrara → ʾistámrra → ʾistamárra]); имперфект: يَسْتَفَعِّلُ [jastafíʿlu] вместо يَسْتَفَعِّلُ [jastáfʿilu], например: يَسْتَمِرُّ [jastamírru] 'он продолжается' вместо يَسْتَمِرُّ [jastámrriru] ([jastámrriru → jastámrru → jastamírru]).

Последовательность двух вышеупомянутых превращений прослеживается также и в причастиях действительного и страдательного залога глаголов IV и X пород. Например:

— IV порода, действительный залог: مُفَعِّلٌ [muffʿlun] вместо مُفَعِّلٌ [mufʿilun], например: مُمَلِّئٌ [mumíllun] 'нагоняющий скуку' вместо مُمَلِّئٌ [múmlilun] ([múmlilun → múmllun → mumíllun]); страдательный залог: مُفَعَّلٌ [mufáʿlun] вместо مُفَعَّلٌ [mufʿalun], например: مُعَدُّ [muʿáddun] 'подготовленный' вместо مُعَدُّ [múʿdadun] ([múʿdadun → múʿddun → muʿáddun]);

— X порода: مُسْتَفَعِّلٌ [mustafíʿlun] вместо مُسْتَفَعِّلٌ [mustáfʿilun] (действительный залог) и مُسْتَفَعَّلٌ [mustafáʿlun] вместо مُسْتَفَعَّلٌ [mustáfʿalun] (страдательный залог), например: مُسْتَغِلٌّ [mustagíllun] 'использующий' вместо مُسْتَغِلٌّ [mustáglilun] ([mustáglilun → mustáglilun → mustagíllun]) и مُسْتَغَلٌّ [mustagállun] 'эксплуатируемый' вместо مُسْتَغَلٌّ [mustáglalun] ([mustáglalun → mustáglilun → mustagállun]).

В формах имён места и имён орудия глаголов I породы ед. и мн. ч., например, по моделям مَفْعَلٌ [mafʿalun] и مِفْعَلٌ [mífʿalun] (ед. ч.) и مَفَاعِلٌ [mafáʿilu] (мн. ч.) прослеживаются разные по характеру превращения, т.е. в формах мн. ч. происходит выпадение краткого гласного, а в формах ед. ч. выпавший гласный устраняет возникшее в результате его выпадения стечение трёх согласных звуков, например: مَمَرٌ [mamárrun] 'проход' вместо مَمَرٌ [mámrrarun] ([mámrrarun → támrrun → mamárrun]) и مَمَارٌ [mamárru] вместо مَمَارٌ [mamárru] 'проходы'; مِقْصٌ [miqáṣṣun] 'ножницы' вместо مِقْصٌ [míqṣaṣun] ([míqṣaṣun → míqṣṣun → míqáṣṣun]) и مَقَاصٌ [maqáṣṣu] вместо مَقَاصٌ [maqáṣṣu] 'ножницы' (мн. ч.).

Можно предположить, что вторичная геминация в арабском языке обусловлена действием общелингвистического «закона экономии сил» [1, с. 152], концепция которого была впервые выдвинута в России основателем казанской лингвистической школы профессором В.А. Богородицким (1857–1941 гг.) [3] и в Европе французским учёным-лингвистом, теоретиком структурализма А. Мартине (1908–1999 гг.) [6]. Применительно-

но к рассматриваемой теме речь может идти о принципе экономии произносительных усилий, который в полной мере проявляется не только в словах с удвоенными корнями, но и в корнях со слабыми согласными, вызывая изменения в их фонологической структуре. Сопоставляя в этом плане геминированные и слабые корни, интересно отметить, что в разговорных вариантах арабского языка, в частности, в разговорном языке Египта, геминация второго корневого согласного удвоенных глаголов сохраняется во всех формах перфекта, а стечение трёх согласных устраняется за счёт дифтонга [ej], переходящего в долгий [ē], например: رَدَّيْتُ [raddêt] 'я (ты) ответил' [10, с. 24] вместо رَدَدْتُ [radádtu] или [radádtu] в литературном языке. На данном примере можно проследить, как в процессе развития языка на фонетическом уровне действует тот же закон экономии сил, когда, помимо усечения гласного в окончании, гласный корня выпадает уже из одного слога, образованного двумя одинаковыми согласными, и тут же используются вспомогательные средства во избежание нарушения фонетического закона, присущего именно арабскому языку, т.е. недопущения стечения трёх согласных: [ra-dád-tu → raddt → raddêt].

В отдельную группу следует выделить геминированные слабые согласные, механизм возникновения которых можно трактовать либо с фонетической, либо с графической точек зрения. Речь идёт об относительных прилагательных и причастиях страдательного залога недостаточных глаголов. Как известно, формообразующим суффиксом относительных прилагательных выступает суффикс [ij], который перешёл в [ijj] либо в силу чисто фонетического явления, ког-

да долгий гласный становится кратким за счёт геминации последующего согласного, в данном случае слабого [j], либо благодаря графическому выражению звукосочетания [ij] одной буквой ي со значком усиления (удвоения) «шаддой», например: عَرَبِيٌّ [‘arabijjun] ‘арабский’ (от عَرَبِيٍّ [‘arabījun])².

Аналогичным образом можно объяснить геминацию конечного слабого согласного в формах причастия страдательного залога недостаточных глаголов I породы с конечным ʾ. Например, в слове مَرْجُوٌّ [marǧúwwun] ‘желанный’, образованном по модели مَفْعُولٌ [maf‘ûlun], удвоение слабого [w] происходит либо за счёт компенсации потери долготы гласного удвоением последующего согласного, либо в силу графического выражения долгого [û] и конечного слабого [w] одной буквой و со значком усиления (удвоения) «шаддой»: مَرْجُوٌّ [marǧúwwun] от (от مَرْجُوٌّ [marǧûwun])³.

Имеются и другие случаи вторичной геминации слабых согласных, вытекающей из фонетических процессов, анализ которых выходит за рамки темы данного исследования.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в силу универсального закона экономии произносительных усилий в арабском литературном языке имеет место вторичная геминация, наиболее продуктивно проявляющаяся в удвоенных корнях в результате действия двух закономерностей, первая из которых (выпадение краткого гласного) может действовать самостоятельно, а вторая (устранение трёхсогласия) является следствием действия первой. Ниже приводится таблица словообразовательных моделей, подвергшихся влиянию одной или двух вышеуказанных закономерностей в удвоенных корнях.

Порода	Форма	Модель	Закономерность	
			1 (выпадение краткого гласного)	2 (устранение трёхсогласия)
I	перфект	فَعِلَّ	[fá‘a]la [fá‘i]la	
	имперфект	يَفْعَلُ	[jáf‘a]lu [jáf‘i]lu [jáf‘u]lu	[jafá‘lu] [jafí‘lu] [jafú‘lu]
	причастие действ. зал.	فَاعِلٌ	[fâ‘i]lun	
	имя места	مَفْعَلٌ	[máf‘a]lun	[mafá‘lun]

² В арабском языке долгий [ī] и слабый [j] выражаются одной и той же буквой ي

³ В арабском языке долгий [û] и слабый [w] выражаются одной и той же буквой و

III	перфект	فَاعَلَ	[fâ'ala]	
	имперфект	يُفَاعِلُ	[jufâ'ilu]	
	причастие	مُفَاعِلٌ	[mufâ'ilun] [mufâ'alun]	
	масдар	مُفَاعَلَةٌ	[mufâ'alatun]	
IV	перфект	أَفْعَلَ	['áf'ala]	['afá'la]
	имперфект	يُفْعِلُ	[júf'ilu]	[jufi'lu]
	причастие	مُفْعِلٌ	[múf'ilun] [múf'alun]	[mufi'lu] [mufá'lu]
	масдар	إِفْعَالٌ		
VI	перфект	تَفَاعَلَ	[tafâ'ala]	
	имперфект	يَتَفَاعَلُ	[jatafâ'alu]	
	причастие	مُتَفَاعِلٌ	[mutafâ'ilun] [mutafâ'alun]	
	масдар	تَفَاعُلٌ	[tafâ'ulun]	
VII	перфект	إِنْفَعَلَ	['infá'ala]	
	имперфект	يَنْفَعِلُ	[janfá'ilu]	
	причастие	مُنْفَعِلٌ	[munfá'ilun]	
	масдар	إِنْفِعَالٌ		
VIII	перфект	إِفْتَعَلَ	['iftá'ala]	
	имперфект	يَفْتَعِلُ	[jaftá'ilu]	
	причастие	مُفْتَعِلٌ	[muftá'ilun] [muftá'alun]	
	масдар	إِفْتِعَالٌ		

X	перфект	إِسْتَفْعَلَ	['istáf'ala]	['istafá'la]
	имперфект	يَسْتَفْعِلُ	[jastáf'ilu]	[jastafí'lu]
	причастие	مُسْتَفْعِلٌ	[mustáf'ulun] [mustáf'alun]	[mustafí'lun] [mustafá'lun]
	масдар	إِسْتِفْعَالٌ		

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2007. 576 с.
2. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. М.: Издатель Валерий Костин, 2001. 942 с.
3. Богородицкий В.А. Лекции по общему языковедению. 3-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 314 с.
4. Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М.: Восточная литература РАН, 1998. 592 с.
5. Гуськова О.В. Аффиксальная деривация множественного числа в арабском литературном языке. Электронный ресурс, 2015.
6. Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 263 с.
7. Успенский Б.А. Избранные труды. Том 3. Общее и славянское языкознание. М.: Языки восточных культур, 1997. 802 с.
8. Юшманов Н.В. Грамматика литературного арабского языка. М.: Восточная литература РАН, 1985. 174 с.
9. Яковенко Э.В. Неправильные глаголы арабского языка. М.: Восточная литература РАН, 2000. 727 с.
10. Elias E.A. Practical Grammar and Vocabulary of the Colloquial Arabic. Cairo: Elias Modern Press, 1971. 103 p.
11. Wright W. A Grammar of the Arabic Language. New Delhi: S.Chand & Company Ltd, 1984. 767 p.
12. ابن منظور، لسان العرب. دار صادر، بيروت، ١٩٩٤
13. المنجد في اللغة والإعلام. دار المشرق، بيروت، ١٩٨٦
14. د. روعي البعلبكي، منير البعلبكي. المورد. دار العلم للملايين، بيروت، ٢٠٠٤

Сведения об авторе:

Яковенко Элла Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: арабская грамматика и лексикология. E-mail: ellayak@mail.ru.

GEMINATION IN THE PHONOLOGICAL SYSTEM OF THE ARABIC LANGUAGE

E.V. Yakovenko

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

The Abstract: *This essay deals with the phenomenon of gemination and the functioning of geminate consonants that play a significant role in the phonological system of the Arabic language. The author distinguishes two types of geminate consonants in the Arabic language – the primary type with geminate consonants representing strong phoneme with a significant function, and secondary type that appears as the result of phonetic processes. The author shows regularities of phonetic transformations leading to the emergence of secondary geminate that causes changes in the structure of a word, which no longer fits into a*

sustainable model of Arabic word-forms. The regularities concern mainly doubled verbs and verbal nouns. In conclusion the author assumes that the secondary gemination in the Arabic language is the result of the action of the general linguistic law of economy of articulatory efforts, enhanced in the process of colloquial Arabic development.

Key Words: *the Arabic language, gemination, geminate consonants, phonology, phonetic transformations, doubled roots, law of economy of pronunciation efforts.*

References

1. Ahmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of Linguistic Terms]. M.: Kom-Kniga, 2007. 576 p.
2. Baranov H.K. Arabsko-russkij slovar' [Arabic-Russian Dictionary]. M.: Izdatel' Valerij Kostin, 2001. 942 p.
3. Bogoroditskii V.A. Lektsii po obshhemu iazykovedeniiu [Lectures on General Linguistics]. 3-e izd. M.: LIBROKOM, 2010. 314 p.
4. Grande B.M. Kurs arabskoi grammatiki v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii [A Grammar of the Arabic Language (historical and comparative account)]. M.: Vostochnaia literatura RAN, 1998. 592 p.
5. Martine A. Printsip ekonomii v foneticheskikh izmeneniakh [The principle of economy of phonetic changes]. M: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1960. 263 p.
6. Iushmanov N.V. Grammatika literaturnogo arabskogo iazyka. [A Grammar of the Arabic Language]. M.: Vostochnaia literatura RAN, 1985. 174 p.
7. Iakovenko E.V. Nepravil'nye glagoly arabskogo iazyka. [Irregular Verbs in the Arabic Language. Grammar Reference Book]. M.: Vostochnaia literatura RAN, 2000. 727 p.
8. Elias E.A. Practical Grammar and Vocabulary of the Colloquial Arabic. Cairo: Elias Modern Press, 1971. 103 p.
9. Wright W. A Grammar of the Arabic Language. S. Chand & Company Ltd, New Delhi, 1984. Vol. I: 317 p., vol. II: 450 p.
10. Ibn Manzur. Lisan el-Arab. Dar el-Sadir, Beirut, 1994.
11. Al-Munjid fi el-Lughah wa el-Ilam. Dar el-Machreq, Beirut, 1986.
12. Dr. Ruhi El-Baalbaki, Munir El-Baalbaki. Al-Mawrid. Dar el-Ilm Lilmalayin, Beirut, 2004.

About the author:

Ella V. Yakovenko – PhD, Assistant Professor of Department of Middle Eastern Languages, MGIMO (University) (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: Arabic grammar & lexicology.
E-mail: ellayak@mail.ru.

* * *

НЕОБХОДИМОСТЬ И ВОЗМОЖНОСТЬ АДАПТАЦИИ ТЕКСТА ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

М.А. Чигашева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Перевод как вид языкового посредничества представляет собой процесс создания на переводящем языке текста, равноценного в коммуникативном отношении тексту на исходном языке. В этом идеальном случае текст перевода должен оказывать на получателей информации такое же эмоциональное воздействие, как и исходный текст. Однако на практике это не всегда возможно, что обусловлено различными причинами лингвистического и экстралингвистического характера. С целью достижения коммуникативного равенства текстов на разных языках прибегают к приёму адаптации. Значение и роль адаптации возрастают в отношении текстов, содержащих национально-специфические элементы. К таким по праву можно отнести тексты общественно-политической тематики. В немецком языке они отличаются наличием эмоционально окрашенной лексики и политически ангажированных единиц, например, деонимов, образованных от имен политических деятелей (merkeln, Merkelianer, vor sich hin merkeln, Vermerkeln и др.). Появление таких слов в немецком языке связано с актуальными событиями общественно-политической жизни, а с лингвистической точки зрения – благодаря благозвучию производящей основы. Носители языка вряд ли испытывают сложности в «дешифровке» таких наименований, поскольку им знакомы культурные маркеры – конкретные лица и ситуация, связанная с появлением нового слова. Сложности возникают при переводе подобных текстов на русский язык, так как деоним является средством вторичной номинации и не имеет эквивалента в переводящем языке. Интерес в связи с этим представляет вопрос о возможности адаптации исходного текста в процессе перевода и её границах.

Ключевые слова: немецкий язык, политический медиадискурс, перевод, деонимизация, адаптация текста

Под переводом понимается процесс создания на языке перевода текста, который был бы равен в коммуникативном отношении тексту оригинала. Такой точки зрения придерживались, в частности, известные отечественные теоретики переводоведения, например, В.Н. Комиссаров и Л.К. Латышев [3; 5; 6]. Они отмечали, что в идеальном случае текст перевода должен оказывать на получателя ин-

формации такое же эмоциональное воздействие, которое было заложено автором в тексте оригинала. Особенно важно это может быть для перевода текстов СМИ, так как связано с манипулятивной и суггестивной функциями массовой коммуникации, частью которой является медиадискурс. Конечно же, приоритетное значение в текстах СМИ имеют информативная и коррелирующая функции, то есть необходи-

мость предоставлять информацию о происходящих событиях и комментировать их. Однако не менее важной оказывается необходимость оказывать на получателей информации определённое эмоциональное воздействие, особенно в тех случаях, когда они ещё не сформировали своего собственного отношения к тем или иным фактам. Главным инструментом в этой ситуации оказывается язык, о воздействующей силе которого, именно в текстах СМИ, говорила Е.С. Кубрякова [4, с. 61]. Но если в языке оригинала используемые журналистами языковые средства достигают необходимого эффекта, то при переводе на другой язык это не всегда оказывается возможным по причинам как лингвистического, так и экстралингвистического характера. В этом случае, с целью достижения равнодейственного (по терминологии Л.К. Латышева [5, с. 58]) коммуникативного эффекта, или приближённо к нему, зачастую прибегают к приёму адаптации. Отметим, что речь идёт не об упрощённом или сокращённом варианте текста перевода, а о его модификации, то есть приспособлении к «предельно адекватному восприятию получателем информации другой культуры» [8, с. 70]. Говоря о прагматической адаптации, многие имеют в виду в основном тексты художественной литературы [см., например, 7; 8; 9]. Безусловно, значение и роль адаптации возрастают, если текст содержит национально-специфические элементы культуры языка оригинала. Но это явление наблюдается не только в художественных текстах. По нашему мнению, такими особенностями по праву обладают также тексты СМИ общественно-политической тематики. Подтверждение тому можно найти и в других работах [1]. Рассмотрим несколько примеров необходимости и возможности адаптации при переводе текстов медийного дискурса.

Определённые сложности могут возникнуть при передаче имён собственных с немецкого языка на русский, особенно если они вовлечены в игру слов. Известно, что немецкие фамилии часто называют «говорящими», появление многих, как, впрочем, и в русском языке, связано с указанием, например, на род деятельности: *Müller* (мельник), *Schmidt* (кузнец), *Schneider* (портной), *Fischer* (рыбак), *Weber* (ткач) и др. В игру слов однако вовлекаются, как правило, многосложные имена. Приведём один показательный пример: *Und Rolf Schweiger (FDP) höhnte: „Ich befürchte (...), dass dem deutschen Finanzminister ein Stein aus der Brücke fallen könnte, wenn ich sage, dass es*

im Wilden Westen auch anderes gegeben hat. Es gab Maulhelden (...)“ [welt.de; 18.03.2009]. Речь идёт о Пеере Штайнбрюке (Peer Steinbrück), который в 2005–2009 гг. занимал пост министра финансов. В данном предложении либерал Р. Швайгер очень негативно высказывается о П. Штайнбрюке, обыгрывая его фамилию и разбивая её на две части (*der Stein; die Brücke*), каждая из которых имеет самостоятельное значение (камень; мост). Носителю языка понятен этот посыл и неприязненное отношение автора высказывания не столько к самому министру, сколько к его действиям. Однако вряд ли представляется возможным добиться такого же эмоционального воздействия при переводе данной фразы на русский язык. Семантически точный, то есть буквальный перевод, ничего не скажет получателю, игра слов будет непонятной, а адаптация неизбежно приведёт к потере экспрессивной составляющей. При переводе данной фразы на русский язык приходится уходить от игры слов, подбирая соответствующие языковые средства, чтобы донести до читателя, хотя бы приблизительно, мысль автора, например: «А Рольф Швайгер (СвДП) насмехается: „Я боюсь (...), что господин министр очень бы удивился, узнав, что на Диком Западе бывало также иначе. Были хвастуны (...)“».

В следующих примерах при переводе сложного слова также потребуются адаптация, а именно добавление и расширение информации, что, с одной стороны, не так экспрессивно, но всё же донесёт необходимую информацию до получателя, с другой, усложнит конструкцию переводного текста. *Mit einer halbseitigen Anzeige in ihrer Heimatzeitung F.A.Z. macht die ehemalige CDU-Politikerin und Ex-Vertriebenenpräsidentin Erika Steinbach Werbung für die rechtspopulistische Partei AfD* [bild. de; 2017]. *Ganz besonders freuen dürfte das die Bundestagsabgeordnete Erika Steinbach, die langjährige Vertriebenenpräsidentin, die im Januar aus der CDU ausgetreten ist...* [dradio.de; 2017]. Трудность при переводе может представлять сложное существительное **Vertriebenenpräsidentin**. Для того, чтобы подобрать адекватные языковые средства в русском языке, необходимо знать экстралингвистическую подоплеку появления этого понятия. Во всех упомянутых предложениях речь идёт об Эрике Штайнбах, которая долгое время возглавляла Союз изгнанных. Эта организация представляла интересы немцев-переселенцев, бежавших из Восточной Пруссии или Силезии от наступающих советских войск или депортированных с этих территорий после

второй мировой войны. Деятельность организации в наше время, например, требования о возврате потерянного имущества или о возмещении ущерба, и активность самой Э. Штайнбах привели к осложнению отношений Германии с Польшей и Чехией. В немецком языке слово *Vertriebenenpräsidentin* применяется только в отношении Э. Штайнбах и стало практически основной её характеристикой, содержащей, как правило, негативную коннотацию. Передавая содержание указанных выше предложений, желательнее обязательно отметить, может быть, в примечаниях переводчика, роль и задачи данной организации: «Разместив в газете „Франкфуртер Альгемайне Цайтунг“ (F.A.Z.) объявление на полстраницы, бывший политик от ХДС и бывший председатель Союза изгнанных¹ Эрика Штайнбах делает рекламу правопопулистской партии „Альтернатива для Германии“ (АдГ)» (прим.¹ Союз изгнанных – общественная организация Германии, созданная в 1957 г. и объединяющая депортированных после второй мировой войны лиц; в 1998-2014 гг. организацию возглавляла Э. Штайнбах, деятельность которой часто подвергалась критике и вызвала осложнение отношений между ФРГ и Польшей) [bild.de; 2017]. «Вероятно, это особенно обрадовало депутата бундестага Эрику Штайнбах, которая долгое время возглавляла Союз изгнанных¹ и в январе вышла из состава ХДС...» (прим.¹ Союз изгнанных – общественная организация Германии...) [dradio.de; 2017]. К сожалению, в данном случае также сложно выразить негативный компонент, и также неизбежна потеря экспрессивной составляющей.

К приёму адаптации приходится прибегать и при переводе деантропонимических наименований. Отметим, что они составляют особенность современного немецкого политического медиадискурса, и их также можно отнести к национально-специфическим элементам немецкой культуры. Имена нарицательные, образованные от имён видных политических и государственных деятелей ФРГ, появляются в немецком языке постоянно с лёгкой руки журналистов, например: *hartzen, guttenbergen, entschrodern, genschern, die Verschulzung, die Vermerkelung, södern, lindnern, ausgeschulzt* и др. С помощью такого яркого выразительного средства они могут ёмко и очень образно охарактеризовать то или иное событие, причём именно с негативной стороны. Неслучайно поэтому эти новообразования «уходят в народ». Сферу употребления такихokka-

зионализмов составляют дискурс онлайн-СМИ, социальные сети, блоги, форумы. Наибольшая активность появления этих единиц наблюдается в последнее время; самым популярным по словопроизводству является имя действующего канцлера ФРГ. Приведём несколько деонимов, образованных от имени *Merkel* с указанием только некоторых дат их употребления в немецком политическом дискурсе СМИ: *merkeln* (2002, 2012, 2015, 2016, 2017); *merkalisieren* (2007, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016); *ausgemerkelt* (2008, 2014, 2015, 2016, 2017); *der Merkelianer* (2010, 2011, 2013, 2015, 2016); *Merkel'sch/Merkelsch* (2005, 2010, 2015, 2016); *merkelfeindlich* (2005, 2011, 2015, 2016) и др. Немецкие исследователи также изучают прагматику деантропонимических наименований. Мартин Венгелер, например, считает такие обозначения средством языковой экономии и выразительности, они, с одной стороны, привлекают внимание, с другой, дискредитируют выражаемые понятия: «*Welche pragmatischen Funktionen hat der Gebrauch der Deonomastika? Ich erkenne vor allem die drei Funktionen Ökonomie, Abwertung sowie Originalitäts- und Aufmerksamkeitsgewinn*» [11, с. 91]. Именно в этом проявляется, с нашей точки зрения, воздействующая сила языка и суггестивная функция медиадискурса.

Сталкиваясь с подобными наименованиями в текстах СМИ, носители языка, наверняка, не испытывают трудностей в их понимании. Предполагается, что им знакомы конкретные персоналии и ситуация, связанная с появлением того или иного деонима-окказионализма. Можно сказать, что журналисты таким образом создают своеобразный эзопов язык, понятный только кругу посвящённых. Для того, чтобы «расшифровать» значение деантропонимических единиц для носителей другого языка, необходимо выяснить историю их появления и знать связанные с ней события. И, к сожалению, не всегда удаётся путём адаптации подобрать эквивалентное решение в языке перевода, сохранив при этом ещё и заложенную в деонимах негативную коннотацию. Особенно трудно это оказывается, если деоним вовлекается в игру слов. Так, например, в известном немецком издании «F.A.Z.» в начале марта этого года появилась статья под заголовком «*Spahnende Tragröhdie*» [fat.net; 04.03.2018]. Это очень показательный пример игры слов с привлечением деонимов, образованных от имён политиков от ХДС Йенса Шпана (Jens Spahn) и Германа Грёе (Hermann Gröhe). На момент появления статьи было известно, что один (H. Gröhe)

пока исполняет обязанности министра здравоохранения, другой (J. Spahn) должен сменить его на этом посту в новом правительстве ФРГ. В оригинале заголовок содержит столько иронии и сарказма! Но вряд ли получится подобрать к нему эквивалент в русском языке с таким же значением. Можно только попытаться адаптировать заголовок для получателей переводного текста и отразить непростые отношения между этими политиками, представляющими одну партию, о чём собственно и идёт речь в статье – Трагикомедия Шпана и Грёэ / Трагикомичные отношения Шпана и Грёэ. Или, например, *Напряжённые отношения Шпана и Грёэ*, если принять во внимание, что игра слов связана, в том числе, и с немецким глаголом *sprengen* (в значении *натягивать, напрягать*). Вариантов может быть много, однако ни один из них не выразит того ироничного значения, которое было заложено автором статьи в оригинале.

С целью выявления возможных путей решения данной переводческой трудности была проведена апробация, в которой принимали участие студенты выпускного курса бакалавриата и магистранты МГИМО, изучающие немецкий язык как основной, всего 35 человек. Все участники знакомы с актуальными политическими событиями стран немецкоязычного региона и имеют опыт учебного перевода текстов общественно-политической тематики. Им было предложено в ограниченный период времени выполнить письменный перевод восьми коротких отрывков, в каждом из которых содержался деоним. Интересно было проанализировать, смогут ли участники апробации не просто подобрать эквивалент к немецкому слову в русском языке, но и при необходимости воспользоваться приёмом адаптации. Отметим, что со всеми заданиями справились 96% студентов. В некоторых случаях решения, действительно, можно считать удачными, например, при переводе примера с глаголом *entschrödern*: *So entschrödert Schulz die SPD* [spiegel.de; 20.02.2017]. Многие смогли воспользоваться приёмом адаптации и предложили следующие варианты перевода: *избавлять от наследия Шрёдера* (пример перевода: *Так Шульц избавляет СДПГ от наследия Шрёдера*); *развенчать культ Шрёдера* (пример перевода: *Так Шульц развенчивает культ Шрёдера в СДПГ*). К удачным решениям стоит отнести также варианты *дешрёдеризация* (пример перевода: *Дешрёдеризация СДПГ*) и *избавлять от иррёдеризма* (пример перевода: *Так Шульц*

избавляет СДПГ от иррёдеризма). Здесь просматривается аналогия с термином *десталинизация*, который является культурным маркером для носителей русского языка и поэтому схожий термин, применительно к другому имени, может вызвать равноценный коммуникативный эффект. Хорошо справились участники апробации с отрывком, в котором употреблялся деоним *merkalisieren*: *Es ist der größte Wahnsinn, was momentan passiert, zum Glück gibt es noch Länder wie Polen, welche sich nicht merkalisieren lassen* [focus.de, 19.01.2016]. Пример перевода: *«Просто безумием является то, что происходит сейчас, к счастью, ещё есть страны, не позволяющие Меркель манипулировать собой»*. Отметим, что и в этом случае студенты воспользовались приёмом адаптации, подобрали адекватные эквиваленты в русском языке и смогли донести отрицательную составляющую деонима. Так, например, помимо глагола *манипулировать*, встречались словосочетания *ставить в зависимое положение*, *«прогибаться» под Меркель*.

Неудачные переводческие решения в примерах с деонимами, с нашей точки зрения, можно отнести к такой категории ошибок, как неясность. Здесь мы пользуемся терминологией Л.К. Латышева, который различает *искажение, неточность и неясность* [5, с. 234–239]. В нашем случае *неясность* связана с тем, что в тексте перевода происходит потеря образности, что не позволяет чётко и однозначно выразить мысль автора, заложенную в тексте оригинала. За счёт этого снижается эмоциональное воздействие на получателя переводного текста. Рассмотрим следующий пример: *Dass der Bundesnachrichtendienst seit seiner Gründung durch die USA eine Außenstelle amerikanischer Geheimdienste war und es auch im souveränen Deutschland weiter bleibt, ist eben die andere Seite der Macht, ohne die nach der Merkel'schen Logik nichts geht* [10, с. 65]. Словосочетание *nach der Merkel'schen Logik* на первый взгляд имеет значение *«по логике Меркель»*, однако этот вариант перевода не выражает ясно мысль автора, так как представляется нейтральным, в то время как в немецком языке чётко выражена негативная коннотация. Иначе не было бы необходимости в употреблении деонима, для выражения нейтрального значения можно было бы воспользоваться словосочетанием *nach Merkels Logik*. Именно поэтому упомянутый выше вариант перевода представляется нам неясностью. Позволим предположить, что подобная ситуация нежелательна для медийного дискурса, поскольку

ку не позволяет в полной мере выразить суггестивную (т.е. зрелищную, эмоциональную) и манипулятивную функции. Можно предложить следующий перевод для данного примера: «То, что Федеральная разведывательная служба Германии с момента своего основания при поддержке США была филиалом американских спецслужб и остаётся им в суверенной Германии, является другой стороной власти, без которой **по логике „а-ля Меркель“** ничего не получится». Именно в варианте („а-ля Меркель“), по нашему мнению, просматривается негативное отношение автора высказывания, что и позволяет избежать неясности.

В отношении деонимов вряд ли можно говорить о лакунах в системе национально-специфических элементов. Подобное явление существует во многих языках, в том числе и в русском. Доказательством тому является и упомянутое ранее соотношение деонимов *десталинизация – дешифрование*. Однако, как правило, объёмы выражаемых понятий в различных языках, особенно в современном политическом дискурсе, не совпадают, что и требует необходимости прагматической адаптации. Таким образом, деонимы, представляя собой средства вторичной номинации, создают определённые трудности при переводе, в частности, с немецкого языка на русский. Переводческое решение будет во многом зависеть от контекста и адресности переводного текста. Скорее всего, в каждом конкретном случае переводчику придётся самому определять необходимость и допустимые границы адаптации – сохранять ли в переводном тексте семантику и структуру оригинала (напомним наш пример *десталинизация – дешифрование*) или отступить от этого параллелизма в пользу равноценного, или приближенного к нему, коммуникативного эффекта

(*merkelisieren – манипулировать, манипуляция со стороны Меркель*). Однако всегда следует помнить, что неверно выбранный приём, безграничная адаптация или её отсутствие могут исказить смысл высказывания, снизить эмоциональное воздействие на получателя или привести к нарушению процесса коммуникации.

В заключение отметим, что стремление к созданию эквивалентного переводного текста на всех уровнях (смысловом, стилистическом, прагматическом) вынуждает приспособлять текст перевода, в том числе и, может быть, в первую очередь, с учётом лингвистического и экстралингвистического опыта получателя переводного текста. Для решения проблемы переводимости/непереводимости текста были разработаны многочисленные модели перевода, например, трансформационная, компонентная, коммуникативно-прагматическая и др. [см. подробнее 9]. Мы считаем, что в случае с деонимами стоит обратить внимание, прежде всего, на лингвокультурологическую модель перевода, предложенную С.В. Евтеевым [2, с. 331]. В соответствии с этой моделью при переводе текстов с одного языка на другой необходимо учитывать не только особенности разных языков, но и особенности различных культур. Разделяя точку зрения С.В. Евтеева, нам представляется, что в процессе передачи информации на другой язык целесообразно сначала установить лингвокультурную специфику текста оригинала, а затем предложить варианты её выражения и постараться максимально сохранить при этом особенности и функциональное предназначение исходного текста. В этом случае важная роль отводится именно приёму адаптации, что позволяет добиваться оптимальной прагматической, семантической и стилистической адекватности в переводе.

Список литературы

1. Волкова Т.А., Зубенина М.А. Особенности реализации социокультурной и прагматической адаптации при переводе общественно-политических текстов // Социо- и психолингвистические исследования. 2015. № 3. С. 54–66.
2. Евтеев С. В. Лингвокультурологическая модель перевода // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 2. С. 330–332.
3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
4. Кубрякова Е.С. О разных подходах к изучению СМИ // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: тез. докл. Междунар. науч. конф. 25–27 окт. 2001 г. М.: Филол. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова, 2001. С. 61–62.
5. Латышев Л. К. Технология перевода. Уч. пос. для студ. лингв. вузов и фак. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 320 с.
6. Латышев Л. К., Семенов А. Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания: Учеб. пособие для студ. перевод. фак. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 192 с.

7. Первухина С.В. Адаптированный художественный текст: способы повышения понятности // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. 2011. № 25 (240). С. 130-134.
8. Фененко Н.А. Лингвокультурная адаптация текста при переводе: пределы возможного и допустимого // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 1. С. 69-74.
9. Шелестюк Е.В. Лингвокультурный перенос как психолингвистическая основа переводческой адаптации // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. 2013. № 24 (135). С. 37-47.
10. Seipel H. Putin. Innenansichten der Macht. Hoffmann und Campe, Hamburg 2015. 365 S.
11. Wengeler M. Schaublewise, Schröderisierung und riestern. Formen und Funktionen von Ableitungen aus Personenamen im öffentlichen Sprachgebrauch // Komparatistik Online. Dusseldorf, Trier. 2010. S. 79-98.

Сведения об авторе:

Чигашева Марина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого языка МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: семантика современного немецкого языка в сопоставлении с русским, политический дискурс, лексикология, фразеология, переводоведение. E-mail: mchigasheva@mail.ru.

NECESSITY AND POSSIBILITY OF ADAPTATION OF SOCIO-POLITICAL TEXTS WHEN TRANSLATING FROM GERMAN INTO RUSSIAN

Marina A. Chigasheva

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

The Abstract: *Translation, as a kind of linguistic mediation, is the process of creating a text in the language of translation that shall be equivalent in terms of communication to the text in the original language. In this ideal case, the text of the translation should have the same emotional impact on the information recipients as the original one. However, in practice this is not always possible, due to various reasons of linguistic and extralinguistic nature. In order to achieve communicative equality, texts in different languages are subjected to adaptation. The significance and role of adaptation increase with respect to the texts containing national-specific elements. The texts on a political subject can be rightly referred to such ones. In German, they are distinguished by the presence of emotionally colored vocabulary and politically engaged units, for example, deonims, derived from the names of politicians (merkeln, Merkelianer, vor sich hin merkeln, Vermerkelung, etc.). The appearance of such words in the German language is connected with the actual events of social and political life, and from the linguistic point of view – due to the euphony of the producing basis. Native speakers hardly experience any difficulty in “deciphering” such names, because they are familiar with cultural markers-specific individuals and the situation associated with the emergence of a new word. Difficulties arise when translating such texts into Russian, since the deonim is a means of secondary nomination and does not have an equivalent in the language of translation. In this regard the question of the possible adaptation of the original text in the process of translation and its boundaries is of specific interest.*

Key Words: *German language, political media-discourse, translation, deonimization, adaptation of texts*

References

1. Volkova T.A., Zubenina M.A. Osobennosti realizatsii sociokul'turnoi i pragmaticheskoi adaptatsii pri perevode obshhestvenno-politicheskikh tekstov [Pragmatic and Sociocultural Adaptation in Political Texts Translation] // Socio- i psiholingvisticheskie issledovaniia [Socio Rsycho Linguistic Research], 2015, no. 3, pp. 54-66.

2. Evtsev S.V. Lingvokul'turologičeskaja model' perevoda [Linguistic and cultural model of translation]. Vestnik Brianskogo gosudarstvennogo universiteta [The Bryansk State University Herald], 2014, no 2, pp. 330–332.
3. Komissarov V.N. Teoriia perevoda (lingvističeskie aspekty) [Theory of translation (linguistic aspects)]. M.: Vysshaja škola, 1990, 253 p.
4. Kubriakova E.S. O raznykh podkhodakh k izučeniu SMI [On different approaches to studying the media]// Iazyk sredstv massovoi informatsii kak ob'ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniia [The language of the media as an object of interdisciplinary research]: tez. dokl. Mezhdunar. nauch.konf. 25–27 okt. 2001 g. M.: Filol. fak. MGU im. M.V. Lomonosova, 2001, pp. 61–62.
5. Latyšev L. K. Tekhnologija perevoda [Translation technology]. M., Akademiia, 2005, 320 p.
6. Latyšev L.K., Semenov, A.L. Perevod: teoriia, praktika i metodika prepodavaniia [Translation: theory, practice and teaching methods]. M., Akademiia, 2003, 192 p.
7. Pervuhina S.V. Adaptirovannyi hudozhestvennyi tekst: sposoby povyšeniia poniatnosti [Adapted artistic text: ways to improve intelligibility] // Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija. Iskuststvovedenie [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art History], 2011, no. 25 (240), pp. 130-134.
8. Fenenko N.A. Lingvokul'turnaia adaptatsiia teksta pri perevode: predely vozmožnogo i dopustimogo [Linguistic and cultural adaptation of the text in translation: the limits of the possible and permissible]// Vestnik VGU. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaia komunikatsiia [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication], 2001, no. 1, pp. 69-74.
9. Shelestiuk E.V. Lingvokul'turny perenos kak psiholingvističeskaja osnova perevodcheskoi adaptatsii [Linguocultural transfer as the basis of text adaptation in translation] // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija. Iskuststvovedenie [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art History], 2013, no. 24 (315), pp. 37-47.
10. Seipel H. Putin. Innenansichten der Macht. Hoffmann und Campe, Hamburg 2015. 365 S.
11. Wengeler M. Schaubleise, Schröderisierung und riestern. Formen und Funktionen von Ableitungen aus Personenamen im öffentlichen Sprachgebrauch // Komparatistik Online. Dusseldorf, Trier. 2010. S. 79-98.

About the author:

Marina A. Chigasheva – PhD, Head of German Language Department, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: semantics of modern German language in comparison with Russian, political discourse, lexicology, phraseology, translation studies. E-mail: mchigasheva@mail.ru.

* * *

ПРЕПОДАВАНИЕ ДИСЦИПЛИН ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ЦИКЛА: ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ И ЦЕННОСТНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ

М.М. Полехина, С.Ю. Камышева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИИД России
(Одинцово), 143007, Одинцово, Ново-Спортивная, 3.
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
117218, Москва, Кржижановского, д. 24/35, корп. 1.

Инновационные подходы к преподаванию дисциплин филологического цикла предполагают внесение в процесс обучения новизны, обусловленной как спецификой современного образования, так и потребностями сегодняшнего дня, потенциальными возможностями самих обучающихся. Критический взгляд в восприятии окружающего мира и стремление организовать вокруг себя наилучшим образом профессиональную и культурную среду подразумевают постоянную настроенность обучающегося на поиск нового знания, на полноценную реализацию собственных интеллектуальных способностей. Широкое использование интерактивных форм, методов и технологий обучения, предусматривающих совместную творческую деятельность преподавателя и студентов, предполагает внесение каждым своего собственного индивидуального вклада в процесс образования. Важным в обучении становится выработка навыков поиска и получения нужной информации, её структурирования и самостоятельного применения. Знания, добытые в процессе деятельностного обучения, переходят в собственность обучаемого и дают ему возможность эффективнее включаться в практику профессиональной деятельности. В качестве приоритетных задач в преподавании дисциплин филологического цикла рассматриваются задачи формирования лингвистической, коммуникативной и культурологической компетенций. Содержательным ядром такого обучения являются межличностная, межкультурная и международная коммуникации. И если исходить из того, что глобальный мир есть текст, то задача дисциплин филологического цикла – научить читать и интерпретировать разного рода тексты, чтобы в доступных и внятных формулировках донести до мирового сообщества свои представления о мире и человеке, о гуманистических ценностях и приоритетах.

Ключевые слова: дисциплины филологического цикла, ценностные приоритеты, интерпретация текста, инновационный подход

Сегодня филология, являясь методологической основой гуманитарных и общественных наук, становится одной из важнейших практических служб, без которых невозможно представить современного человека и общество. Профессиональные возможности филологии безграничны, она проникает во все

сферы общественной жизни, где востребовано слово, текст, потому что филология – это прежде всего интерпретация текстов. Владение навыками лингвистического анализа текстов, познание через тексты закономерностей развития культуры и цивилизации позволяют филологам объективно судить об их содержании и перспек-

тивах, помогают выпускникам филологических факультетов стать хорошими аналитиками и прогнозистами, советниками и консультантами представителей власти, востребованными специалистами в целом ряде отраслей современного общества. Предметы филологического цикла необходимы не только в профессиональном образовании филологов. Так, руководителям любого ранга, дипломатам, юристам, журналистам, психологам и т.д. также необходимы умения создавать собственный и интерпретировать чужой текст, продуктивно вступать в межличностную, публичную и межкультурную коммуникацию, уметь отстаивать собственную позицию, выстраивая соответствующую аргументацию.

Хорошо известно, что любая филологическая проблема решается в пространстве взаимодействия целого ряда научных сфер: философии, языкознания, текстологии, психолингвистики, культурологии и т.д. Долгие годы филологическая наука рассматривалась как монологическая сфера деятельности, сегодня же возрастает роль полилога в науке, в деятельности научных школ, лабораторий и научно-исследовательских центров. В Даремском университете Великобритании создан Центр обновления гуманитарных наук, возглавляемый русским филологом, профессором Михаилом Эпштейном. Задачи Центра – изменение парадигмы современной филологии, которая призвана раскрыть потенциальные возможности человека, ориентируясь на его будущее. Завтрашний день гуманитарных наук видится в развитии гуманитарных технологий, их взаимодействии с технологиями естественно-научными и информационными. Эта область представляется как «trans-humanities», трансформативная гуманистика, совокупность практик и технологий, которые преобразуют то, что гуманитарные науки изучают [15]. Американский учёный Шелдон Поллак предлагает посмотреть на филологию в исторической перспективе, чтобы оценить её глобальное настоящее и одновременно понять её сегодняшнее неудовлетворительное состояние; оценить прагматический выбор, с которым сталкиваются университеты во время нынешнего кризиса, и поразмышлять о том, что может значить филология как образ жизни. Поллак исходит из того, что жизнь есть текст, мир есть текст. Филологи умеют читать и интерпретировать тексты, но они овладевают умением читать и интерпретировать мир как текст [14]. Поднимая вопрос об актуальности филологического образования, мы вслед за Пол-

лаком должны ясно понимать, что мир нуждается сегодня во внятных формулировках и прояснении наших позиций и задач. Прежде всего нам необходимо расширять и корректировать представления мирового сообщества о нашей стране, о России, о её языке и культуре. Эти знания и представления уже не могут быть достоянием одной нации, и великое будущее за тем народом, который сумеет сохранить и приумножить золотой фонд страны – её гуманитарную составляющую.

Инновационный подход к преподаванию филологических дисциплин сегодня предполагает внесение в процесс обучения новизны, обусловленной как спецификой современного образования, так и потенциальными возможностями самой личности обучающегося. Широкое использование интерактивных форм, методов и технологий обучения предусматривает вовлечение в процесс познания самих субъектов образовательного процесса, когда студенты становятся соучастниками творческой деятельности и имеют возможность рефлексировать по поводу учебного материала. Совместная деятельность преподавателя и студентов предполагает внесение каждым своего собственного индивидуального вклада в процесс образования, что, безусловно, повышает эффективность усвоения, предполагает полное погружение в атмосферу делового сотрудничества, сотворчества в решении целого ряда проблем.

Все мы хорошо представляем, что объём имеющейся сегодня информации в каждой области знаний позволяет лишь частично овладеть этим огромным потенциалом. Поэтому особенно значимым оказывается процесс выработки навыков поиска нужной информации, её анализа, структурирования и самостоятельного использования для конкретных целей. Елена Костюкевич, много лет практикующая в университетах Италии, обратила внимание на большой процент любопытствующих студентов в высших учебных заведениях Милана. У истоков, в начале процесса обучения, миланские студенты значительно уступали московским студентам. Однако на выходе они обнаруживали очень высокие результаты компетенции. Студенты миланских вузов лучше были ориентированы на добычу знаний и успешнее справлялись с самыми сложными задачами [5]. Филологическое образование сегодня подразумевает постоянную настроенность молодого человека на поиск нового знания, на реализацию собственных интеллек-

туальных способностей. В мир вступают молодые люди с критическим взглядом в восприятии окружающего мира, способные наилучшим образом организовать вокруг себя профессиональную и общественную среду.

Безусловно, личность преподавателя остаётся ведущей, главенствующей в системе учебно-образовательного процесса, её невозможно переоценить с введением в вузовское образование инновационных технологий. О личности преподавателя как нравственно-этическом феномене размышляют философы, педагоги, психологи, лингвисты [См.: Богатырева М.А. [1]; Брызгалова Е.В., Прохода В.А. [2]; Камышева С.Ю. [4]; Молчановский В.В. [7] и др.]. Сегодня учебный материал всё чаще преподносится не в форме обычной лекции, где задействовано одно лицо, актуализирован монолог преподавателя, а как проблемное обсуждение творческих ситуаций: преподаватель задаёт проблему, студенты выступают в качестве оппонентов, становятся носителями определённых концепций – философских, эстетических, культурологических, при этом защищают, отстаивают те или иные точки зрения. Студентам предлагаются для обсуждения все возможные стороны проблемы, представляется всё многообразие возможных решений и позиций. Здесь развиваются навыки анализа и критического мышления, где каждый отстаивает свою точку зрения, приводя убедительные аргументы в пользу того или иного положения, тезиса. Эта работа предполагает специальную внеаудиторную подготовку: изучение научной литературы, предложенной преподавателем заранее, владение технологиями продуктивного чтения и обработки информации, представление слайд-презентаций [10, с. 359-360]. Важно уметь не только находить информацию, но и определять уровень её достоверности. Эффективность аудиторных занятий обусловлена продуктивностью предварительной самостоятельной работы студентов, в ходе которой активно используются консультации преподавателя, организованные в заданном режиме времени по скайпу. Количество таких консультаций регламентировано шестью часами учебного плана, однако реальное количество времени на консультации будет определяться заданным интересом к изучаемому материалу и, как правило, значительно превышает установленные нормы. Образовательный процесс осуществляется с учётом включённости в процесс обучения всех студентов без исключения, при этом обязательно

предполагается обратная связь, взаимные оценки, комментарии и обоснованность аргументов [9, с. 305-306]. В качестве иллюстративного материала могут использоваться возможности технических средств обучения, демонстрация фрагментов из художественных и документальных фильмов, архивные материалы и материалы рукописных фондов, выступления разного рода специалистов-филологов, писателей и т.д. Презентируются индивидуальные, заранее подготовленные сообщения и доклады, творческие проекты, репродукции картин изобразительного искусства, фрагменты музыкальных произведений и др. [См об этом: Иванова И.Л., Оганезова А.С. [3, с. 51-53]; Лешутина И.А. [6, с. 64 – 73]; Walker A., White G. [16]].

Со стороны преподавателя очень важно организовать взаимодействие между студентами, обсуждающими ту или иную проблему: дать им возможность рефлексировать по поводу того, что они услышали, поделиться впечатлениями о том, как осуществлялся ими самостоятельный поиск решения той или иной задачи. В случае возникновения непредвиденных трудностей преподаватель может вмешиваться в ход обсуждения проблемы, а также координировать прояснение отдельных вопросов. Индивидуальные задания предлагаются с учётом интеллектуальных и творческих способностей студентов. Это может быть аналитическая работа с исследованием коротких художественных и лингвистических текстов, обсуждение продуктов переводческой деятельности, краткий обзор отдельных видов и жанровых форм произведений того или иного автора, представление собственного художественного творчества и т.д.

Важнейшими формами обучения в развитии навыков убеждения и эффективной аргументации являются дебаты, которые проводятся как в рамках учебной дисциплины «Деловая риторика», так и в курсе изучения русского языка как иностранного от уровня В1 и выше. Преподаватель предлагает социально значимые темы, например: «Дороги в России (в Китае/Японии и т.д.) должны быть платные»; «Нужно повсеместно ввести школьную форму»; «Эвтаназию надо разрешить»; «Курилы надо отдать Японии»; «Надо запретить рекламу на телевидении» и т.п. После разделения студентов на команды, утверждающие противоположные позиции, точки зрения, начинается интеллектуальное состязание. Дебаты оттачивают способы убеждения оппонентов, умение выстраивать композицию

публичной речи, использовать определённые средства речевого воздействия, точно и корректно задавать вопросы и отвечать на них.

В рамках изучения дисциплины «Деловая риторика» студенты не только слушают лекции, но и принимают активное участие в деловых играх, риторических турнирах, раскрывающих творческий потенциал будущего специалиста. Применение инновационных технологий позволяет перевести обучение из субъект-объектного формата в рамки субъект-субъектных отношений и тем самым сделать обучение максимально эффективным. Ценно, что студенты в процессе деловой игры ищут решение конкретных социально значимых проблем, «проживают» конкретную ситуацию, учатся видеть её многопланово, находить аргументы и контраргументы, что повышает профессиональный уровень выпускаемых высшей школой специалистов. Деловыми играми целесообразно завершать изучение отдельных лексических тем, их проведение предполагает особую, тщательную подготовку, поэтому их не может быть очень много. Мы ориентируемся на 2-3 деловые игры в курсе учебной дисциплины. Подобные технологии описаны в работах С.Ю. Камышевой [4, с. 129-136], П.А. Панфиловой [8], И.А. Стернина [13] и др. В таких технологиях особая роль отводится преподавателю, который выступает в роли «играющего тренера», ведущего дебатов или дискуссию, эксперта, деликатно помогающего студенту оценить его собственное решение, разработать алгоритм поиска истины.

Важным интерактивным методом обучения становится дискуссия, эффективность использования которой как перспективного метода обучения определяется актуальностью обсуждаемой проблемы, интересом к её содержанию самих студентов. Важным моментом в образовательном процессе будет сопоставление различных позиций участников дискуссии. В данном случае успех её будет обуславливаться информированностью, компетентностью и научной корректностью участников диалога. От преподавателя требуется владение методикой осуществления дискуссионной процедуры. Завершением занятий может быть заседание Круглого стола, где все участники выступают в роли оппонентов, равноправных в выражении той или иной точки зрения.

Альтернативой заключительного Круглого стола может быть такая учебно-творческая форма занятий как коллоквиум, форма аудитор-

ного учебного занятия, являющаяся и формой контроля, которая позволит в течение одного аудиторного занятия выяснить уровень компетентности студентов: аргументируя и отстаивая своё мнение, обучающиеся демонстрируют насколько глубоко и осознанно они усвоили предлагаемый материал. По завершении занятий студенты пишут творческие работы, которые могут обсуждаться, комментироваться и оцениваться на сайте Интернета, критерии оценок предварительно оговариваются.

Таким образом, содержательным ядром образовательного процесса являются коммуникации – межличностная, публичная, межкультурная, важнейшая часть основных компетенций, в которых нуждается современное общество. Это аксиологический компонент современного филологического образования, нацеленного на обучение российских и иностранных студентов русскому языку в наших университетах, на продвижение в сознании нового поколения интернационального сообщества гуманистических принципов и общечеловеческих ценностей. И если мы слышим сегодня, как в странах западноевропейского мира закрываются отдельные факультеты и специальности лингвистического цикла, например, кафедра латыни и древнегреческого в британском университете, значительно сокращён набор на гуманитарные факультеты в целом ряде университетов США, Италии, Японии, Чешской республики, Польши и других университетов мира, в России правительство нацелено на сохранение гуманитарных факультетов, на открытие новых специальностей филологического цикла, отвечающих потребностям сегодняшнего дня [11]. Если рассмотреть основные направления модернизации высшего профессионального образования в соответствии с последними государственными образовательными стандартами, то станет ясным, что филологическое образование, чтобы удержать свои былые позиции и отвечать требованиям времени, в ближайшем будущем должно претерпеть существенные изменения [12]. В парадигме сегодняшнего дня особая роль должна принадлежать инновационным интерактивным образовательным технологиям в преподавании дисциплин филологического цикла: методу проблемного и проектного обучения, приёмам «перевёрнутого класса», мозгового штурма, деловым играм, тренингам, кейсам, дебатам и дискуссиям, вебинарам и компьютерным симуляциям и т.п.; определяющую же роль в формировании необходимых

для профессиональной деятельности будущего специалиста продуктивного творческого учебного процесса. мы оставляем за процессом личности преподавателя, координатора и ини-

Список литературы

1. Богатырева М.А. Профессиональная языковая подготовка в высшей школе в контексте социообразовательных реформ. М.: Флинта: Наука, 2015. 104 с.
2. Брызгалина Е.В., Прохода В.А. О критериях оценки педагогической деятельности преподавателя в контексте управления качеством образования // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. № 6. С. 45-60.
3. Иванова И.Л., Оганезова А.С. Использование мультимедийных презентаций в учебном процессе // Вестник Белгородского юридического института МВД России. Белгород, 2014. № 2. С. 51-53.
4. Камышева С.Ю. Профессиональные компетенции преподавателя РКИ XXI века // Русский язык в мировом контексте и международных организациях: Материалы международного форума. Рим, ФАО ООН. М.: Форум, 2016. С. 129 – 136.
5. Костюкович Елена «Русский филолог на rendez-vous». [Электронный ресурс]- Режим доступа: http://www.people.su/youtube_video-russkij-filolog-na-rendez-vous. (Дата доступа 17 января 2018 г.).
6. Лешутина И.А. Современные образовательные технологии в условиях профильного обучения РКИ // Русский язык за рубежом. М.: Гос. ин-т русского языка имени А.С. Пушкина, 2017. № 4. С. 64 – 73.
7. Молчановский В.В. Преподаватель русского языка как иностранного: Опыт системно-функционального анализа. М., 1998. 319 с.
8. Панфилова А.П. Мозговые штурмы в коллективном принятии решений. М.: Флинта, 2012. 320 с.
9. Полехина М.М. Опыт преподавания филологических дисциплин в аспекте новых образовательных технологий (Тезисы). II Международный форум по педагогическому образованию. Программа и тезисы II Международного форума по педагогическому образованию. Казань, Казанский федеральный университет, 19-21 мая. 2016. Казань: Куранты, 2016. С. 305 – 306.
10. Polekhina M.M. The Experience of Teaching Philology in the Context of New Educational Technologies: the Value Approaches to the Study of Literary Texts // The European Proceedings of Social. Behavioural Sciences EpSBS e-ISSN: 2357-1330. Volume XII, Pages 1- 451 (July 2016). Edited by: Prof. Dr. Roza Valeeva, Kazan Federal University, Russia Articles: 1-70. Conference: IFTE 2016 - 2nd International Forum on Teacher Education Dates: 19-21 May 2016. Location: Kazan Federal University, Russia. P. 357-363. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.futureacademy.org.uk/publication/EpSBS/IFTE2016VolumeXII> (Дата доступа 17 февраля 2018 г.).
11. Путин В.В. в Российском литературном собрании, в Российском университете дружбы народов. Полная запись Встречи 21.11.13 г. литературного сообщества с Путиным. [Электронный ресурс] - Режим доступа: : www.youtube.com. (Дата доступа 12 февраля 2018 г.).
12. Распоряжение Правительства РФ от 15 мая 2013 г. № 792-р Об утверждении государственной программы РФ «Развитие образования» на 2013-2020 гг. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://base.garant.ru/70379634> (Дата доступа 17 февраля 2018 г.).
13. Стернин И.А. Практическая риторика. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 272 с.
14. Шелдон Поллак. Филология будущего? Судьба мягкой науки в жестком мире // Новое литературное обозрение. 2011. №110. Pollock S. Future Philology? The Fate of a Soft Science in a Hard World. Оригинальная публикация в: Critical Inquiry 35. Summer 2009. P. 931-961.
15. Epstein Mikhail. The Transformative Humanities: A Manifesto. New York - London: Bloomsbury Academic, 2012. 318 p.
16. Walker A., White G. Technology enhanced language learning: Connecting theory and practice. Oxford, 2013. 249 p.

Сведения об авторах:

Полехина Майя Мударрисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и переводоведения МГИМО (Одинцовский филиал). Сфера научных и профессиональных интересов: история русской литературы, мифопоэтика, концептология, герменевтика, методология научного исследования, филологический анализ текста, риторика, культура речи, деловое общение, русский язык как иностранный и методика его преподавания. E-mail: illusio2008@yandex.ru.

Камышева Светлана Юрьевна – кандидат филологических наук, доц. кафедры русского языка Института русского языка МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: языковая политика в области образования, риторика, русский язык как иностранный и методика его преподавания. E-mail: skamysheva@yandex.ru.

TEACHING PHILOLOGICAL DISCIPLINES: INNOVATIVE APPROACHES AND VALUE PRIORITIES

M.M. Polekhina, S.Yu. Kamysheva

Moscow State Institute of International Relations (University),
3, Novo-Sportivnaya, Odintsovo, 143007, Russia.
Moscow State University M.V. Lomonosov,
24/35 -1, Krzhizhanovskogo, Moscow, 117218, Russia.

The Abstract: *Nowadays, an innovative approach to the philological disciplines teaching presupposes the introduction of novelty in the learning process, caused both by the modern education peculiarities, current needs, and potential opportunities of students. A critical view on perception of the surrounded environment and the desire to organize the appropriate professional and cultural environment around us implies the constant inclination of the philologist to seek new knowledge, to fully realize his own intellectual potential. The use of interactive teaching forms, methods and technologies, including collaborative creative activity of the teacher and students, presupposes the individual contribution of each member to the educational process. Development of such skills as searching for, structuring and application of the required information is of crucial importance. Knowledge, acquired in the process of activity learning, becomes the property of the student and enables him to be more effectively involved in the professional activity. The formation of linguistic, communicative and cultural competences is the priority task of modern philological education. The core issue is communication – interpersonal, intercultural and interethnic. And if we take into account the fact that the global world is a text, then the main purpose of philological disciplines studies is to teach students how to read and interpret a great variety of texts in order to convey the presented ideas about the world and mankind to the community in an available and intelligible way.*

Key Words: *philology, value priorities, interpretation of the text, an innovative approach*

References

1. Bogatyreva M.A. Professional'naya iazykovaia podgotovka v vysshei shkole v kontekste sotsioobrazovatel'nykh reform [Professional language training in a higher school in the context of socio-educational reforms]. M.: Flinta: Nauka, 2015. 104 s.
2. Bryzgalina E.V., Prokhoda V.A. O kriteriiakh otsenki pedagogicheskoi deiatel'nosti prepodavatel'ia v kontekste upravleniia kachestvom obrazovaniia [About criteria of a teacher's pedagogical activity assessment in the context of its quality control] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofii. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2014. № 6. S. 45-60.
3. Ivanova I.L., Oganezova A.S. Ispol'zovanie mul'timediiinykh prezentatsii v uchebnom protsesse [The use of multimedia presentations in educational process] // Vestnik Belgorodskogo iuridicheskogo instituta MVD Rossii. Belgorod, 2014. № 2. S. 51-53.
4. Kamysheva S.Yu. Professional'nye kompetentsii prepodavatel'ia RKI XXI veka [Professional competencies of a teacher of Russian as a foreign language in the XXI century] // Russkii iazyk v mirovom kontekste i mezhdunarodnykh organizatsiakh: [Russian in a world context and international organizations: materials of international forum] Materialy mezhdunarodnogo foruma. Rim, FAO OON. M.: Forum, 2016. S. 129 – 136.
5. Kostiukovich Elena «Russkii filolog na rendez-vous» [Russian philologist on a rendez-vous]. [Elektronnyi resurs]- Rezhim dostupa: http://www.people.su/youtube_video-russkij-filolog-na-rendez-vous. (Data dostupa 17 ianvaria 2018 g.).
6. Leshutina I.A. Sovremennye obrazovatel'nye tekhnologii v usloviakh profil'nogo obucheniia RKI [Modern educational technologies in profile teaching - Russian as a foreign language]// Russkii iazyk za rubezhom. M.: Gos. in-t russkogo iazyka imeni A.S. Pushkina, 2017. № 4. S. 64 – 73.
7. Molchanovskii V.V. Prepodavatel' russkogo iazyka kak inostrannogo: Opyt sistemno-funktsional'nogo analiza [Teacher of Russian as a foreign language: experience in systemic-functional analysis]. M., 1998. 319 s.
8. Panfilova A.P. Mozgovye shturmy v kollektivnom priniatii reshenii [Brain storming in collective problem solution]. M.: Flinta, 2012. 320 s.
9. Polekhina M.M. Opyt prepodavaniia filologicheskikh distsiplin v aspekte novykh obrazovatel'nykh tekhnologii [Experience in teaching philological disciplines applying new educational technologies] (Tezisy). II Mezhdunarodnyi forum po pedagogicheskomu obrazovaniuu. [11 International forum on pedagogical education] Programma i tezisy II Mezhdunarodnogo foruma po pedagogicheskomu obrazovaniuu. Kazan', Kazanskii federal'nyi universitet, 19-21 maia. 2016. Kazan': Kuranty, 2016. C. 305 – 306.

10. Polekhina M.M. The Experience of Teaching Philology in the Context of New Educational Technologies: the Value Approaches to the Study of Literary Texts // The European Proceedings of Social. Behavioural Sciences EpSBS e-ISSN: 2357-1330. Volume XII, Pages 1- 451 (July 2016). Edited by: Prof. Dr. Roza Valeeva, Kazan Federal University, Russia Articles: 1-70. Conference: IFTE 2016 - 2nd International Forum on Teacher Education Dates: 19-21 May 2016. Location: Kazan Federal University, Russia. P. 357-363. [Elektronnyi resurs]- Rezhim dostupa: <http://www.futureacademy.org.uk/publication/EpSBS/IFTE2016VolumeXII> (Data dostupa 17 fevralia 2018 g.).
11. Putin V.V. v Rossiiskom literaturnom sobranii, v Rossiiskom universitete druzhby narodov. Polnaia zapis' Vstrechi 21.11.13 g. literaturnogo soobshchestva s Putinyim [Putin in Russian literary assembly, in Russian University of Friendship of Peoples] [Elektronnyi resurs]- Rezhim dostupa: : www.youtube.com. (Data dostupa 12 fevralia 2018 g.).
12. Rasporiazhenie Pravitel'stva RF ot 15 maia 2013 g. № 792-r Ob utverzhdenii gosudarstvennoi programmy RF «Razvitie obrazovaniia» na 2013-2020 gg. [Government Order of the Russian Federation from May 15, 2013 On endorsement of the state program of the RF "Education development for the period 2013-2020"] [Elektronnyi resurs]- Rezhim dostupa: <http://base.garant.ru/70379634> (Data dostupa 17 fevralia 2018 g.).
13. Sternin I.A. Prakticheskaia ritorika [Practical rhetoric]. M.: Izdatel'skii tsentr «Akademiiia», 2008. 272 s.
14. Sheldon Pollak. Filologiiia budushchego? Sud'ba miagkoi nauki v zhestkom mire [Philology of the Future? The destiny of soft science in hard world] // Novoe literaturnoe obozrenie. 2011. №110. Pollock S. Future Philology? The Fate of a Soft Science in a Hard World. Original'naia publikatsiia v: Critical Inquiry 35. Summer 2009. P. 931-961.
15. Epstein Mikhail. The Transformative Humanities: A Manifesto. New York - London: Bloomsbury Academic, 2012. 318 p.
16. Walker A., White G. Technology enhanced language learning: Connecting theory and practice. Oxford. 2013. 249 p.

About the authors:

Polekhina Mayya Mudarrisovna – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Linguistics and Translation studies MGIMO (Odintsovo). Spheres of research and professional interest: history of Russian literature, mythopoetics, conceptology, hermeneutics, methodology of scientific research, philological analysis of the text, rhetoric, speech culture, business communication, Russian as a foreign language and methods of teaching. E-mail: illu-sio2008@yandex.ru.

Kamysheva Svetlana Yurievna – PhD, Assistant Professor of Department of Russian Language, Institute of Russian language and culture, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interests: language policy in the field of education, rhetoric, Russian as a foreign language and methods of teaching. E-mail: skamysheva@yandex.ru.

* * *

LAS PECULIARIDADES METODOLÓGICAS DEL USO DEL SPANGLISH COMO INSTRUMENTO LINGÜÍSTICO Y CULTURAL EN LA CLASE DE ELE

E. Savchuk, E. Syschikova

La Universidad de relaciones internacionales de Moscú (la Universidad de MGIMO),
119454, Rusia, Moscú, av. Vernadskogo, 76

Anotación. El objetivo del presente artículo es analizar la situación actual del spanglish como fenómeno lingüístico, social y cultural así como exponer los distintos argumentos a favor o en contra de enseñar dicho fenómeno a los estudiantes de ELE.

Hoy en día aún no existe opinión común respecto al grado de aceptación y reconocimiento de este fenómeno. Hay quienes consideran el spanglish dialecto o variante del español o del inglés, quienes lo clasifican como una jerga o hasta quienes creen que afrontamos el nacimiento de una nueva lengua.

La actual situación lingüística nos obliga a hacer un enfoque especial a la enseñanza de ELE en la universidad MGIMO que se especializa en los estudios de idiomas con fines específicos. Teniendo en cuenta la multipolaridad del español su estudio debe comprender los conocimientos en la esfera de la lingüística social, el estudio geográfico, económico y político de los países y la comunicación intercultural. Por eso nos parece muy actual e importante el estudio del fenómeno spanglish en las clases de ELE en la MGIMO.

En el artículo se presentan algunas ideas de cómo trabajar con el tema del spanglish en las clases de ELE. Se ofrecen algunos ejemplos de actividades para estudiar el tema de la interacción del inglés y el español, indicando los objetivos y las destrezas que se desarrollan.

Palabras clave: spanglish, globalización, emigración, hispanoamericano, jerga, dialecto, anglicismo, método comparativo

En el siglo 21 los lazos entre las culturas, los pueblos y los países van haciéndose más evidentes. La globalización embarca tales esferas como la literatura, la economía, la política, la religión, etc.

La repercusión de los procesos de la globalización se puede notarla si seguimos el ejemplo de la interacción del inglés y el español. Estos idiomas ya durante varios decenios influyen uno en el otro. Como resultado de esta confluencia surgió el así llamado *spanglish*.

La Real Academia Española (RAE) define el spanglish como “Modalidad del habla de algunos grupos hispanos de Estados Unidos, en la que se mezclan

elementos léxicos y gramaticales del español y del inglés” [6].

Son muchos los nombres despectivos con los que se ha denominado este fenómeno, por ejemplo, “español bastardo”, “casteyanqui”, “ingleñol”, “español mixtureado” y otros.

Se puede decir que la aparición del spanglish se debe fundamentalmente a la emigración ibero/hispanoamericana a EE.UU. durante el siglo XX, pero sus orígenes se remontan a 1848 – cuando México vendió parte de su territorio a EE.UU. Los hispanohablantes que habitaban dicho territorio se vieron en una situación complicada. Prácticamente se convirtieron en extranjeros en su propia tierra. Se

les impuso el inglés como lengua oficial y se les prohibió hablar el español. Los habitantes de estas comunidades querían formar parte del nuevo sistema, pero al mismo tiempo deseaban conservar su identidad. Como resultado, las siguientes generaciones de México-americanos (chicanos) comenzaron a usar palabras del inglés, pero con la pronunciación o fonética española. El contacto de estas dos lenguas dio paso al *espanGLISH* o *spanglish*.

En el siglo XX, como consecuencia de la emigración masiva de los hispanoamericanos a diferentes estados de Norteamérica aspirando a una vida mejor, aumentó la presencia del español y de la cultura hispanoamericana en EE.UU. Según los datos estadísticos hoy en día más de 45 millones (un 14,75%) de ciudadanos de EE.UU. consideran el español su lengua materna [11, c. 51].

Según los pronósticos en 2050 el 7,8% de la población mundial será hispanohablante. Y al pasar tres o cuatro generaciones este índice alcanzará el 10% residiendo la mayor parte de los hispanoparlantes en EE.UU. [8].

Cabe mencionar que los emigrantes de diferentes países del continente se establecieron en diferentes estados de EE.UU., así los mexicanos se arraigaron principalmente en Texas y Florida, los cubanos en Miami y los puertorriqueños en Nueva York, dando origen a las tres variantes geográficas principales del *spanglish*: el chicano, el mayamero y el niuyorican respectivamente [10].

El fenómeno del *spanglish* provoca curiosidad entre lingüistas y profesores del idioma, así ya existe una cátedra que lo estudia en la Universidad Amherst, de Massachusetts, y también hay un diccionario del nuevo idioma. Asimismo podemos encontrar revistas como *Latina*, el “magazine bilingüe” para jóvenes hispanas donde aparecen textos en inglés o en español y, a veces, en *spanglish*. Dentro de la literatura latinoamericana goza de prestigio la escritora Julia Álvarez, que en sus novelas (“How the García Girls Lost Their Accents”, “¡Yo!”, “A Cafecito Story”), al reflejar el habla de sus personajes, mezcla continuamente ambos idiomas.

Hoy en día aún no existe opinión común respecto al grado de aceptación y reconocimiento del *spanglish*. La mayoría de los puristas del idioma, entre los que se encuentra el periodista puertorriqueño Salvador Tió Montes de Oca, consideran que hay que rectificar el uso del español mezclado con el inglés. “Es contaminante, perjudicial y peligroso sustituir una palabra adecuada por algo tan inadecuado como ‘diméame’ la luz, en vez de ‘atenúala’. Es un ‘inglañol’”, escribió Montes de Oca [2]. Ilan Sta-

vans, escritor de Massachusetts que tradujo la novela “Don Quijote” al *spanglish*, al contrario, habla de la frescura y el encanto de esa mezcla lingüística: “El ‘spanglish’ es como el jazz, que también es aleatorio y arbitrario si quieren. Se improvisa, no se escribe y es inestable, pero esa también es su belleza. <...> El jazz tampoco tiene normas ni partitura, se toca y se graba. Y el ‘spanglish’, igual que hizo el jazz, está haciendo el viaje desde la periferia hasta el centro de la cultura, de ser una música de pobres y analfabetos a sonar en el Carnegie Hall” [3].

Hay quienes consideran el *spanglish* dialecto o variante del español o del inglés, quienes simplemente lo clasifican como una jerga o hasta quienes creen que afrontamos el nacimiento de una nueva lengua. De todos modos lo cierto es que el *spanglish* es muy usado en lugares con amplio contacto entre ambas lenguas.

La actual situación lingüística en que el español es uno de los líderes mundiales según su expansión entre los nativos y los extranjeros que lo estudian nos obliga a hacer un enfoque especial a la enseñanza de ELE en la universidad MGIMO que se especializa en los estudios de idiomas con fines específicos. A este tema están dedicados muchos estudios científicos y prácticos, por ejemplo, la tesis de la Dra. Savchuk Elena [9]. Teniendo en cuenta la multipolaridad del español su estudio debe comprender los conocimientos en la esfera de la lingüística social, el estudio geográfico, económico y político de los países y la comunicación intercultural. Por eso nos parece muy actual e importante el estudio del fenómeno *spanglish* en las clases de ELE en la MGIMO.

Los estudiantes de la MGIMO encuentran ejemplos del uso del *spanglish* en programas de radio y televisión, en periódicos y revistas, en discursos de los políticos, en obras literarias. Así, por ejemplo, en las clases multimedia de los niveles A1-B1 los estudiantes ven la película “Español Extra”, producida por la compañía de televisión inglesa *Channel 4* y adaptada con fines educativos por las profesoras del departamento de español de MGIMO Yakovleva V.V. y Syshchikova E.S. [4]. Es una comedia que contiene 14 episodios sobre la vida cotidiana de los jóvenes. Uno de sus protagonistas es Sam que llega a España de Estados Unidos para aprender el español. Sam sabe el español muy mal y en su habla a menudo se mezclan elementos del inglés y del español.

Los estudiantes de los niveles B2-C1 también a menudo dan con ejemplos del uso del *spanglish* leyendo artículos de los periódicos y revistas españolas y latinoamericanas, escuchando noticias en las

clases multimedia, pues las personalidades públicas, políticos, economistas, periodistas famosos utilizan con frecuencia vocablos en inglés en lugar de su equivalente en español.

Así, por ejemplo, durante la cumbre presupuestaria celebrada en Bruselas, Mariano Rajoy, presidente del gobierno español, se sirvió del spanglish para hablar con el presidente británico David Cameron y le dijo: "It's very difficult todo esto" [5].

En este estudio nosotras quisiéramos presentar algunas ideas de cómo trabajar con el tema del spanglish en las clases de ELE. Vamos a ofrecer algunos ejemplos de actividades para estudiar el tema de la interacción del inglés y el español. No figuraba entre nuestros objetivos elaborar planes de clase concretos, más bien queremos presentar una serie de ideas, indicando los objetivos y las destrezas que desarrollamos. En cada caso se puede adaptar la actividad a diferentes niveles de conocimiento de la lengua con algunas modificaciones, combinar varias actividades en una misma clase etc.

En cuanto a las variedades lingüísticas, se puede trabajar con grabaciones, vídeos, textos escritos, analizando el lenguaje oral o escrito, formal o coloquial. Las letras de canciones, entrevistas con personas famosas, secuencias de películas, anuncios publicitarios, muestras de correo electrónico, cartas, artículos de prensa, páginas web, redes sociales etc. pueden servir de apoyo para el profesor.

Actividad 1.

El tema del spanglish puede ser introducido con la ayuda de algunas fotos y expresiones.

Los estudiantes miran los anuncios y tratan de explicar de qué fenómeno se trata. Después el profesor les hace unas preguntas:

- ¿Habéis oído del fenómeno del spanglish?
- ¿Qué sabéis del fenómeno del spanglish?
- ¿Cuántas y qué tipo de personas lo hablan, según vuestra opinión?
- ¿En qué países y zonas podemos escucharlo?
- ¿Cuántos tipos del spanglish creéis que existen?
- ¿En qué áreas podemos encontrarnos con el spanglish?

A continuación el profesor puede ofrecer a los estudiantes algún texto o artículo dedicado a diferentes aspectos de este fenómeno – histórico, sociológico, cultural, lingüístico – para que puedan comprobar sus respuestas y completar sus conocimientos.

Al final, los estudiantes inician un debate en cuanto al fenómeno del spanglish, expresan su opinión al respecto. Pueden trabajar en grupos: un gru-

po estará a favor y el otro en contra del spanglish. Se recomienda usar las siguientes fórmulas para expresar la opinión: *En primer lugar, En segundo lugar, Por último, Para concluir, En resumen, Por un lado, Por otro lado, Por una parte, Por otra parte, Además, De todas maneras, Sin embargo, A pesar de todo, Con respecto a, En cuanto a, (No) Creo que, (No) Pienso que, A mi juicio, En mi opinión, Estoy a favor de, Estoy en contra de*, etc. Las preguntas de ayuda:

¿El spanglish empobrece o enriquece el español y

el inglés? ¿Es bueno o es malo? ¿Por qué? ¿Qué papel / influencia tiene desde el punto de vista comunicativo y sociocultural?

Los objetivos de esta actividad son: ampliar el léxico, transmitir conocimientos culturales, formular opinión, argumentar. Las destrezas que desarrollamos son: la comprensión lectora y la expresión oral.

Actividad 2.

Los estudiantes deben relacionar algunas palabras y expresiones usadas en spanglish con sus equivalentes en inglés y en español. Por ejemplo:

Tabla N1

Spanglish	Inglés	Español
Parquear el carro	To park the car	Aparcar el coche
Deliberar groserías	To deliver the groceries	Llevar la compra al domicilio
Te llamo para atrás	I call you back	Te vuelvo a llamar
Vamos a las movies	Let's go to the movies	Vamos al cine
El rufo del bildin	The roof of the building	El tejado del edificio
Vacunear	To vacuum	Pasar la aspiradora
Agrío	I agree	Estoy de acuerdo
Jugársela frío	To play it cool	Recibirlo tranquilamente
Viaje redondo	Round trip	Vuelta al mundo
Mopear el suelo	To mop the floor	Fregar el suelo
Tengo un appointment	I have an appointment	Tengo una cita
Quiero lonchar	I want to eat lunch	Quiero almorzar
Hay que frizar la comida	I need to freeze food	Hay que congelar la comida
Hagamos un deal	Let's make a deal	Hagamos un negocio
Voy a la marqueta	I go to the market	Voy al mercado
Ir de shopping al mall	To go shopping in the mall	Ir de compras al centro comercial
Voy a babysitear a mi hermana	Babysitter	Voy a cuidar a mi hermana
Hay que pagar los bills	You have to pay bills	Hay que pagar las cuentas
Dame cash	Give me the cash	Dame dinero efectivo
Estoy freekeado	I'm freak	Estoy enajenado
Pagar las taxas	To pay taxes	Pagar los impuestos
Me dieron un ticket	I've got a ticket	Me impusieron una multa
Hice overtime	I worked overtime	Hice un trabajo extra
Vamos a la party	Let's go to the party	Vamos a la velada
Pon los platos en el sink	Put the plates in the sink	Pon los platos en el fregadero
Estoy bien traineado	I'm well trained	Estoy bien entrenado
Me gusta taippear	I like to type	Me gusta mecanografiar
¡Dame un break!	Give me a break!	¡Dame una pausa!
Cambiar el look	To change the look	Cambiar la apariencia
Echar un looking	To take a look	Echar un vistazo
Atachar información	To attach information	Adjuntar información
Ver el making de una película	To look at the making of the film	Ver la producción de una película
Asistir a un workshop	To visit a workshop	Asistir a un taller

Como las esferas de intereses de los estudiantes hoy día están relacionadas con el ordenador y ya no se imaginan su vida sin este dispositivo, el léxico de la informática puede ser de especial interés. La

mezcla activa del español y el inglés tiene lugar especialmente en la informática. Así, podemos ofrecerles a los estudiantes la tarea de encontrar equivalentes rusos a los términos dados en inglés y en spanglish:

Tabla N2

Inglés	Spanglish
to chat	chatear
web	webear
to zip	zippear
digital	digitalizar
dump terminal	terminal tonta
webapps	aplicaciones en la red
to save	salvar
to print	printear
to scan	escanear
to click	cliquear
to reset	resetear
to format	formatear

Al analizar las unidades léxicas en spanglish se puede notar varias tendencias lingüísticas:

1. Se incorporan términos en inglés que se pronuncian de acuerdo con las reglas del español: *O.K., sandwich, bistec, performans, nailon.*

2. Se usan verbos en inglés que se conjugan con las reglas gramaticales del español añadiendo la terminación típica: *cliquear, formatear, escanear, enjoyar, taipear.*

3. Se emplean los anglicismos que son neologismos semánticos y que muestran la transferencia del significado de la unidad léxica inglesa a la española: *chopear (de to go shopping) en vez de ir de compras, plomero (de plumber) en vez de fontanero, lonchar (de lunch) en vez de almorzar.*

4. Se traducen a pie de la letra las frases. Es importante subrayar que en este caso el orden de las

palabras es típico del español clásico: *jugársela frío (de to play it cool) en vez de recibirlo tranquilamente, Te llamo para atrás (de I call you back) en vez de Te vuelvo a llamar.*

5. Se utilizan vocablos en inglés en lugar de su equivalente en español: *ir de shopping (en vez de ir de compras), cambiar el look (en vez de cambiar la apariencia), estar en el boom (en vez de estar en el auge).*

6. Hay casos de la mezcla de dos idiomas en la misma frase: *¿Estás ready?; a tree verde; Hablo spanglish because it comes out naturally, porque vivo entre dos mundos; It just feels normal, it feels right, it feels like me; ¡Tenemos suerte que podemos escoger! You should try it. It's fun.*

Los estudiantes pueden por su cuenta tratar de sacar estas conclusiones, por lo menos algunas, de los textos en spanglish. Los objetivos de esta actividad son: comparar el sistema gramatical y el sistema léxico español e inglés, ampliar el léxico, desarrollar los hábitos analíticos.

Actividad 3.

El profesor propone que los estudiantes lean uno de los fragmentos de la obra maestra de Cervantes "Don Quijote" redactado en spanglish [1], tratando de encontrar para los elementos en spanglish sus equivalentes en español. A continuación se les ofrece el texto en español para que comparen sus variantes con el original. En caso de que surjan dificultades relacionadas con la comprensión de algunos fragmentos los estudiantes los traducirán al ruso:

Tabla N3

<p>In un placete de La Mancha of which nombre no quiero remembrearme, vivía, not so long ago, uno de esos gentlemen who always tienen una lanza in the rack, una buckler antigua, a skinny caballo y un grayhound para el chase. A cazuela with más beef than mutón, carne choppeada para la dinner, un omelet pa' los Sábados, lentil pa' los Viernes, y algún pigeon como delicacy especial pa' los Domingos, consumían tres cuarers de su income. El resto lo empleyaba en una coat de broadcloth y en soketes de velvetín pa' los holidays, with sus slippers pa' combinar, while los otros días de la semana él cut a figura de los más finos cloths. Livin with él eran una housekeeper en sus forties, una sobrina not yet twenty y un ladino del field y la marketa que le saddleaba el caballo al gentleman y wieldeaba un hookete pa' podear. El gentleman andaba por allí por los fifty. Era de complexión robusta pero un poco fresco en los bones y una cara leaneada y gaunteada. La gente sabía that él era un early riser y que gustaba mucho huntear. La gente say que su apellido was Quijada or Quesada –hay diferencia de opinión entre aquellos que han escrito sobre el sujeto– but acordando with las muchas conjecturas se entiende que era really Quejada. But all this no tiene mucha importancia pa' nuestro cuento, providiendo que al contarlo no nos separemos pa' nada de las verdá.</p> <p>It is known, pues, que el aformencionado gentleman, cuando se la pasaba bien, which era casi todo el año, tenía el hábito de leer libros de chivaldría with tanta pleasura y devoción as to leadearlo casi por completo a forgetear su vida de hunter y la administración de su estate. Tan great era su curiosidad e infatuación en este re-</p>	<p>En un lugar de la Mancha, de cuyo nombre no quiero acordarme, no ha mucho tiempo que vivía un hidalgo de los de lanza en astillero, adarga antigua, rocín flaco y galgo corredor. Una olla de algo más vaca que carnero, salpicón las más noches, duelos y quebrantos los sábados, lantejas los viernes, algún palomino de añadidura los domingos, consumían las tres cuartas partes de su hacienda. El resto della concluían sayo de velarte, calzas de velludo para las fiestas, con sus pantuflos de lo mesmo, y los días de entresemana se honraba con su vellorí de lo más fino. Tenía en su casa una ama que pasaba de los cuarenta, y una sobrina que no llegaba a los veinte, y un mozo de campo y plaza, que así ensillaba el rocín como tomaba la podadera. Frisaba la edad de nuestro hidalgo con los cincuenta años; era de complexión recia, seco de carnes, enjuto de rostro, gran madrugador y amigo de la caza. Quieren decir que tenía el sobrenombre de Quijada, o Quesada, que en esto hay alguna diferencia en los autores que deste caso escriben; aunque, por conjeturas verosímiles, se deja entender que se llamaba Quejana. Pero esto importa poco a nuestro cuento; basta que en la narración dél no se salga un punto de la verdad.</p> <p>Es, pues, de saber que este sobredicho hidalgo, los ratos que estaba ocioso, que eran los más del año, se daba a leer libros de caballerías, con tanta afición y gusto, que olvidó casi de todo punto el ejercicio de la caza, y aun la administración de su hacienda. Y llegó a tanto su curiosidad y desatino en esto,</p>
--	---

<p>garde que él even vendió muchos acres de tierra sembrable pa' comprar y leer los libros que amaba y carreaba a su casa as many as él podía obtener. Of todos los que devoreó, ninguno le plaseó más que los compuestos por el famoso Feliciano de Silva, who tenía una estylo lúcido y plotes intrincados that were tan preciados para él as pearls; especialmente cuando readeaba esos cuentos de amor y challenges amorosos that se foundean por muchos placetes, por example un passage como this one: La rasón de mi unrasón que afficta mi rasón, en such a manera weakenea mi rasón que yo with rasón lamento tu beauty. Y se sintió similarmemente afflicteado cuando sus ojos cayeron en líneas como these ones: ... el high Heaven de tu divinidad te fortifiquea with las estrellas y te rendeas worthy de ese deserveo que tu greatness deserva.</p>	<p>que vendió muchas hanegas de tierra de sembradura para comprar libros de caballerías en que leer, y así, llevó a su casa todos cuantos pudo haber dellos; y de todos, ningunos le parecían tan bien como los que compuso el famoso Feliciano de Silva, porque la claridad de su prosa y aquellas enricadas razones suyas le parecían de perlas, y más cuando llegaba a leer aquellos requiebros y cartas de desafíos, donde en muchas partes hallaba escrito: La razón de la sinrazón que a mi razón se hace, de tal manera mi razón enflaquece, que con razón me quejo de la vuestra ferrosura. Y también cuando leía: ...los altos cielos que de vuestra divinidad divinamente con las estrellas os fortifican, y os hacen merecedora del merecimiento que merece la vuestra grandeza.</p>
--	---

La aplicación del enfoque comparativo (en lo que se refiere a las parejas de idiomas inglés – español, inglés – spanglish, español – spanglish) en la enseñanza del español como segundo idioma extranjero (ELE 2) en la universidad no lingüística ayuda a los estudiantes a profundizar los conocimientos del primer idioma extranjero que en el caso de la MGIMO suele ser el inglés, llenar los vacíos en la gramática inglesa comparando y repasando las construcciones gramaticales, aprender a establecer lazos lógicos entre los idiomas, trazar parangones en el cuerpo gramatical y léxico de los idiomas, detectar las palabras internacionales, desarrollar los mecanismos de suposición lingüística y las destrezas analíticas. La ventaja de tal método consiste en que muestra a los estudiantes los vínculos evidentes existentes entre diferentes idiomas europeos que pertenecen a diferentes grupos lingüísticos pero que poseen una serie de afinidades léxico-gramaticales.

Actividad 4.

En las clases multimedia los estudiantes pueden ver la película “Spanglish”, una comedia estadounidense escrita y dirigida por James L. Brooks, que se estrenó en Estados Unidos en 2004.

La película trata sobre una madre soltera mejicana, Flor (papel interpretado por la actriz española Paz Vega), que emigra a EE.UU. junto con su hija, Cristina, en busca de una vida mejor. Flor opta por refugiarse en la comunidad latina, lo que le impide aprender el idioma, mientras que su pequeña asiste a la escuela donde aprende a hablar inglés de forma fluida. Flor empieza a trabajar como empleada del hogar para un matrimonio estadounidense, John (Adam Sandler) y Deborah (Téa Leoni), con graves problemas de convivencia. En la casa además viven sus dos hijos, Georgie y Bernice, una niña con problemas de peso, y la madre de Deborah, ex actriz alcohólica.

El director, en clave cómica muestra la colisión entre la cultura latina y la anglosajona, un aparente conflicto bajo el cual se esconde una doble lectura: por un lado, que las diferencias entre personas de

distintas procedencia ocultan profundas similitudes, y, por otro, que la incapacidad para comunicarse, comprender o escuchar a la gente se da entre hablantes de una misma lengua, de una misma cultura e incluso de una misma familia [7].

El profesor puede introducir el tema de la película con una conversación general sobre la inmigración, discutir con los estudiantes las causas de la inmigración, los problemas a que se enfrentan los inmigrantes al llegar a otro país, hablar de alguna experiencia propia al respecto etc.

En cada clase los estudiantes ven uno o varios episodios de la película, después contestan a las preguntas del profesor sobre el contenido, dan comentarios, expresan su opinión acerca de lo visto, entablan una discusión. Al ver toda la película el profesor puede preguntar a los estudiantes si conocen a alguien que haya estado en una situación semejante, si pueden dar algún ejemplo de una situación similar que se produzca con otro idioma o en otra parte del mundo, pues es común que en situaciones de bilingüismo se den conflictos de identidad como el de la protagonista.

Los objetivos de esta actividad son: ampliar el vocabulario relacionado con el tema de la inmigración, trabajo, descripción de casas, ambiente y personas, transmitir conocimientos culturales, formular opinión, argumentar. Las destrezas que desarrollamos son: la comprensión auditiva y la expresión oral.

En conclusión quisiéramos notar que el estudio y el uso de algunos elementos de spanglish en las clases de ELE en la universidad humanitaria ayuda a los estudiantes a percibir más completamente la imagen lingüística del mundo. La comparación del español y el inglés permite revelar los rasgos comunes de los idiomas formando así la llamada zona del confort lingüístico a la hora de aprender la lengua extranjera. La experiencia práctica de aplicar el método comparativo a base de spanglish como una especie de entrenamiento en las clases de español muestra que el estudio paralelo de español e inglés crea ventajas para los estudiantes y permite desarrollar los

hábitos analíticos, la suposición lingüística, el hábito de comparar las construcciones gramaticales y léxicas y el de formar frases. De recurrir al método de comparación de una manera razonable, correcta y sistemática podemos contribuir a que los estudiantes dominen la destreza de pasar de un idioma a otro lo que es de suma importancia para su futura actividad profesional. Además el uso de ejemplos vivos de spanglish sacados de Internet, películas, artículos

de prensa, obras literarias, canciones, anuncios publicitarios nos permite hacer una pausa en la clase y distraer a los estudiantes de las tareas monótonas y complicadas. Los factores anteriormente mencionados son muy importantes para el estudio exitoso de los idiomas extranjeros y de su futura aplicación en la actividad profesional de los graduados de la MGIMO.

Literatura citada

1. Cuadernos Cervantes [recurso electrónico] – accesible en: http://www.cuadernos cervantes.com/art_40_quixote.html (fecha de acceso 11.03.2018)
2. El Nuevo Herald [recurso electrónico] – accesible en: <http://www.elnuevoherald.com/vivir-mejor/artes-letras/article79372227.html#storylink=cpy> (fecha de acceso 25.02.2018)
3. El Mundo [recurso electrónico] – accesible en: <http://www.elmundo.es/cultura/2015/03/31/55195e0022601dc1168b4571.html> (fecha de acceso 23.01.2018)
4. Ispanskiy s udovolstviem [Español con gusto] = Español extra: uchebnoe posobie po razvitiyu navykov govoreniya dlia zaniatiy v multimediynoy auditorii: kniga prepodavatelia: urovni A1-B1/ Yakovleva V.V., Syschikova E.S.; MGIMO (Universitet) MID Rossii, kafedra ispanskogo yazyka. - M.: MGIMO. Universitet, 2015. - 190 c.
5. Público [recurso electrónico] – accesible en: <http://www.publico.es/espana/rajoy-tira-spanglish-europa-it.html> (fecha de acceso 11.03.2018)
6. Real Academia Española [recurso electrónico] – accesible en: <http://dle.rae.es/?id=GTwoTLM> (fecha de acceso 11.03.2018)
7. RutaELE [recurso electrónico] – accesible en: http://www.rutaele.es/wp-content/uploads/2013/05/R4_CULTURA_Spanglish_ER_B2.pdf (fecha de acceso 11.03.2018)
8. Savchuk E. A., Syschikova E.S. K voprosu o meste modulia “obshestvenno-politicheskiy perevod” v sisteme polikulturnogo obrazovaniya [Sobre el tema del lugar del modulo “la traducción política” en el Sistema de la enseñanza policultural] / E.A. Savchuk, E.S. Syschikova // Inostrannie yazyki v shkole. — 2017. — №10. — p. 79-84.
9. Savchuk E.A. Metodika obucheniya ispanskomu yazyku kak vtoromu inostrannomuna baze frantsuskogo v gumanitarnom vuze neyazykovogo profilia [El método de enseñar el español con fines específicos como segundo idioma extranjero a base del francés en la universidad humanitaria]. Moscú, 2004. [recurso electrónico] – accesible en: <http://www.dissercat.com/content/obuchenie-ispanskomu-yazyku-kak-vtoromu-inostrannomu-na-baze-frantsuzskogo-v-gumanitarnom-vu> (fecha de acceso 22.01.2018)
10. Tarantino Parada Verónica. El spanglish. [recurso electrónico] – accesible en: http://revistahapax.es/IV/Hpx4_Art3.pdf (fecha de acceso 25.02.2018)
11. United States Census Bureau. Latest news releases. 28.08.2008. [recurso electrónico] – accesible en: <http://www.census.gov/main/popclock.html> (fecha de acceso 22.01.2018)

Sobre los autores:

Savchuk Elena – doctora en ciencias pedagógicas, docente del departamento de español de la universidad MGIMO (Moscú, Rusia). La esfera de los intereses profesionales: la gramática del español, los métodos de enseñar idiomas, la traducción política. E-mail: elena_savchuk@yahoo.es.

Syschikova Ekaterina – doctora en ciencias filológicas, docente del departamento de español de la universidad MGIMO (Moscú, Rusia). La esfera de los intereses profesionales: la gramática del español, los métodos de enseñar idiomas, la traducción política. E-mail: kateholms@rambler.ru.

METHODOLOGICAL PECULIARITIES OF USING SPANGLISH AS A LINGUISTIC AND CULTURAL INSTRUMENT IN THE FRAMEWORK OF TEACHING SPANISH AS A SECOND FOREIGN LANGUAGE

E. Savchuk, E. Syschikova

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

The Abstract: *The purpose of the present article is to analyze the current situation of Spanglish as a linguistic, social and cultural phenomenon, as well as to give various arguments in favor of or against teaching this phenomenon to the students of Spanish as a second foreign language.*

Nowadays there is still no common opinion with regard to the degree of acceptance and recognition of this phenomenon. There are those who consider Spanglish as a dialect or a version of either Spanish or English, those who classify it as slang or even those who believe that we are dealing with the formation of a new language.

The current linguistic situation compels us to put special emphasis on teaching Spanish as a second foreign language at MGIMO University, which specializes in teaching languages for specific purposes. Taking into consideration the multipolarity of Spanish, its study should encompass knowledge in the field of social linguistics, the study of geography, economy and politics of countries as well as intercultural communication. Therefore, the study of the Spanglish phenomenon seems to us very relevant and important in the framework of teaching Spanish as a second foreign language at MGIMO.

The article proposes some ideas of how to work with the subject of Spanglish while teaching Spanish as a second foreign language. It gives some examples of activities aimed at exploring the interaction of English and Spanish, with the indication of their objectives and the skills they are meant to develop.

Key Words: *Spanglish, globalization, migration, Spanish American, slang, dialect, Anglicism, comparative method*

References

1. Cuadernos Cervantes [recurso electrónico] – Available at: http://www.cuadernos cervantes.com/art_40_quixote.html (accessed 11.03.2018)
2. El Nuevo Herald [recurso electrónico] – Available at: <http://www.elnuevoherald.com/vivir-mejor/artes-letras/article79372227.html#storylink=cpy> (Accessed 25.02.2018)
3. El Mundo [recurso electrónico] – Available at: <http://www.elmundo.es/cultura/2015/03/31/55195e0022601dc1168b4571.html> (Accessed 23.01.2018)
4. Ispanskiy s udovolstviem [Español con gusto] = Español extra: uchebnoe posobie po razvitiyu navykov govoreniya dlia zaniatii v multimediynoy auditorii: kniga prepodavatelya: urovni A1-B1/ Yakovleva V.V., Syschikova E.S.; MGIMO (Universitet) MID Rossii, kafedra ispanskogo yazyka. - M.: MGIMO. Universitet, 2015. - 190 c.
5. Público [recurso electrónico] – accesible en: <http://www.publico.es/espana/rajoy-tira-spanglish-europa-it.html> (fecha de acceso 11.03.2018)
6. Real Academia Española [recurso electrónico] – Available at: <http://dle.rae.es/?id=GTwoTLM> (Accessed 11.03.2018)
7. RutaELE [recurso electrónico] – Available at: http://www.rutaele.es/wp-content/uploads/2013/05/R4_CULTURA_Spanglish_ER_B2.pdf (Accessed 11.03.2018)
8. Savchuk E. A., Syschikova E.S. K voprosu o meste modul'ia "obshchestvenno-politicheskiy perevod" v sisteme polikulturnogo obrazovaniya [Sobre el tema del lugar del modulo "la traducción política" en el Sistema de la enseñanza policultural] / E.A. Savchuk, E.S. Syschikova // Inostrannye yazyki v shkole. — 2017. — №10. — p. 79-84.
9. Savchuk E.A. Metodika obucheniya ispanskomu yazyku kak vtoromu inostrannomuna baze frantsuskogo v gumanitarnom vuzze neyazykovogo profil'ia [El método de enseñar el español con fines específicos como segundo idioma extranjero a base del francés en la universidad humanitaria]. Moscú, 2004. [recurso electrónico] – Available at: <http://www.dissercat.com/content/obuchenie-ispanskomu-yazyku-kak-vtoromu-inostrannomu-na-baze-frantsuzskogo-v-gumanitarnom-vu> (Accessed 22.01.2018)
10. Tarantino Parada Verónica. El spanglish. [recurso electrónico] – Available at: http://revistahapax.es/IV/Hpx4_Art3.pdf (Accessed 25.02.2018)
11. United States Census Bureau. Latest news releases. 28.08.2008. [recurso electrónico] – Available at: <http://www.census.gov/main/popclock.html> (Accessed 22.01.2018)

About the authors:

Savchuk Elena – Ph.D. in Pedagogy, associate professor of Spanish department of MGIMO-University.
E-mail: elena_savchuk@yahoo.es.

Syschikova Ekaterina – Ph.D. in Philology, associate professor of Spanish department of MGIMO-University.
E-mail: kateholms@rambler.ru.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФЕНОМЕНА SPANGLISH В КАЧЕСТВЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТА ПРИ ОБУЧЕНИИ ИСПАНСКОМУ КАК ВТОРОМУ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Е.А. Савчук, Е.С. Сыщикова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
Россия, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76

Целью настоящей статьи является проведение анализа современного положения Spanglish в качестве лингвистического, социального и культурного явления, а также изложение различных аргументов за и против обучения данному явлению в рамках преподавания испанского языка как второго иностранного.

На сегодняшний день не существует единого мнения относительно степени принятия и признания данного явления. Существует мнение, что Spanglish является диалектом или вариантом испанского или английского языков, некоторые полагают, что это жаргон, а также есть мнение, что мы присутствуем при зарождении нового языка.

Современная лингвистическая ситуация вынуждает делать особый акцент на обучении испанского как второго иностранного языка в Университете МГИМО, который специализируется на преподавании иностранных языков в профессиональных целях. Учитывая многополярность испанского языка, его изучение должно включать в себя знания в различных областях, а именно в социолингвистике, географии, экономике и политике стран и в межкультурной коммуникации. Именно поэтому изучение феномена Spanglish представляется весьма актуальным на занятиях по испанскому как второму иностранному языку.

В статье представлены некоторые предложения об использовании Spanglish на занятиях по второму иностранному языку, предложены некоторые виды деятельности, направленные на изучение взаимодействия испанского и английского языков, цели, преследуемые в процессе обучения и формируемые навыки и умения.

Ключевые слова: спанглиши, глобализация, эмиграция, испаноамериканцы, жаргон, диалект, англицизм, компаративный метод

Список литературы

1. Cuadernos Cervantes [электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.cuadernoscervantes.com/art_40_quixote.html (Дата доступа 11.03.2018)
2. El Nuevo Herald [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.elnuevoherald.com/vivir-mejor/artes-letras/article79372227.html#storylink=sru> (Дата доступа 25.02.2018)
3. El Mundo [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.elmundo.es/cultura/2015/03/31/55195e0022601dc1168b4571.html> (дата доступа 23.01.2018)
4. Испанский с удовольствием = Español extra: учебное пособие по развитию навыков говорения для занятий в мультимедийной аудитории: книга преподавателя: уровни А1-В1/ Яковлева В.В., Сыщикова Е.С.; МГИМО (Университет) МИД России, кафедра испанского языка. - М.: МГИМО-Университет, 2015. - 190 с.
5. Público [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.publico.es/espana/rajoy-tira-spanglish-europa-it.html> (дата доступа 11.03.2018)
6. Real Academia Española [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://dle.rae.es/?id=GTwoTLM> (Дата доступа 11.03.2018)

7. RutaELE [электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.rutaele.es/wp-content/uploads/2013/05/R4_CULTURA_Spanglish_ER_V2.pdf (Дата доступа 11.03.2018)
8. Савчук Е.А., Сыщикова Е.С. К вопросу о месте модуля «общественно-политический перевод» в системе поликультурного образования / Е.А. Савчук, Е.С. Сыщикова // Иностранные языки в школе. — 2017. — №10. — с. 79-84.
9. Савчук Е.А. Методика обучения испанскому языку как второму иностранному на базе французского в гуманитарном вузе неязыкового профиля. Москва, 2004. [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/obuchenie-ispanskomu-yazyku-kak-vtoromu-inostrannomu-na-baze-frantsuzskogo-v-gumanitarnom-vu> (Дата доступа 22.01.2018)
10. Tarantino Parada Verónica. El spanglish. [электронный ресурс] – Режим доступа: http://revistahapax.es/IV/Hpx4_Art3.pdf (Дата доступа 25.02.2018)
11. United States Census Bureau. Latest news releases. 28.08.2008. [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.census.gov/main/popclock.html> (Дата доступа 22.01.2018)

Сведения об авторах:

Савчук Елена Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры испанского языка, доцент ВАК. Сфера профессиональных интересов – грамматика испанского языка, методика обучения иностранным языкам, общественно-политический перевод. E-mail: elena_savchuk@yahoo.es.

Сыщикова Екатерина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры испанского языка. Сфера профессиональных интересов – грамматика испанского языка, методика обучения иностранным языкам, общественно-политический перевод. E-mail: kateholms@rambler.ru.

* * *

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕМЫ АНТАГОНИЗМА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ИСПАНСКОЙ ПАРТИИ ПОДЕМОС

А.В. Демкина

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИИД России, 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье впервые анализируется с позиций когнитивной лингвистики и дискурсологии эволюция темы антагонизма в политическом дискурсе испанской партии Подемос в период с 2014 по 2018 год. В качестве предмета исследования выступают публицистические материалы и выступления лидеров партии. Особое внимание уделяется истокам и эффективности темы антагонизма в контексте политической коммуникации партии Подемос. В частности, подчёркивается, что структура антагонизма выступила в качестве центральной в дискурсе партии, чтобы упростить электорату процесс самоопределения и причисления себя к той или иной группе в рамках заданных противопоставлений исторического, аксиологического, экономического и иного характера. Среди использованных в исследовании методов – дискурсивный и контент-анализ.

Дискурсивные методы прагмалингвистики позволяют установить, каким образом политическому объединению удаётся достичь трансформации социально-политической реальности и почему ошибки в составлении дискурсивной стратегии могут повлечь снижение электоральной поддержки. Рассмотренная в данной статье типическая метафорическая модель «АНТАГОНИЗМ» даёт достаточное представление о том, каким образом функционирует когнитивно-языковой механизм политического дискурса в отношении других прагмалингвистических средств.

Статья адресована лингвистам, политологам, испанистам, специалистам в области политического маркетинга и коммуникации.

Ключевые слова: *испанский язык, партия Подемос, антагонизм, метафора, метафорическая модель, Лаклау, Муфф, прагмалингвистика, когнитивная лингвистика, политическая коммуникация*

В связи с непрерывным и качественным усложнением информационно-коммуникационного пространства в последние десятилетия всё больше внимания уделяется исследованиям на стыке проблематики различных типов дискурса и когнитивной лингвистики. Набирает популярность использование языковых инструментов и средств для конструирования определённого типа дискурса, выстраивания через дискурс необходимого типа

отношений между различными политическими группами. Одним из примеров подобной трансформации социально-политической реальности дискурсивными методами прагмалингвистики является риторика испанской партии Подемос, стремительно ворвавшейся на политическую арену в 2014 году и за последние годы продемонстрировавшей не только очевидные успехи по привлечению значительного количества голосов избирателей, но и значительные потери электора-

та, обусловленные, в числе прочих факторов, сменной содержания своей агитационной риторикой.

За спиной идеологов Подемос стоят труды Э. Лаклау, Ш. Муфф, А. Грамши, А. Негри. В части дискурсивных практик особый интерес представляют трактовки языковых инструментов в работах Э. Лаклау и Ш. Муфф, которые понимали «синонимию, метонимию, метафору не в качестве формы для выражения мысли, добавляющей дополнительный смысл к первичному, конституирующему смыслу социальных отношений, а в качестве первичного самоценного поля, создающего социальные отношения» [18, с. 110]. Именно такого рода теоретические положения подтверждают, что когнитивно-дискурсивные практики, а также процесс смыслонаделения, могут считаться определяющими в вопросе успехов и неудач деятельности политической партии.

Центральной темой политического дискурса партии Подемос с момента её возникновения и до настоящего дня остаётся тема антагонизма, противопоставления. Речь идёт о наличии даже не просто темы, а функционировании целой метафорической модели: «ПОЛИТИКА – это АНТАГОНИЗМ», в высшей степени характерной для данного политического объединения и понятной только в рамках определённого социально-политического момента. Учитывая принятый в современной когнитивной лингвистике дискурсивный подход к исследованию материала, развиваемый такими российскими учёными, как Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова и др., подобные метафорические модели необходимо рассматривать в рамках определённого типа дискурса, принимая во внимание условия их возникновения и функционирования и выявляя авторские интенции и прагматические характеристики на широком социально-политическом фоне. Важно помнить, что система метафорических моделей – это важная часть национальной языковой картины мира, национальной ментальности, она тесно связана с историей соответствующего народа и современной социально-политической ситуацией [4, с. 69]. Поэтому важно подчеркнуть, что дискурс Подемос успешно функционирует именно в рамках актуального испанского политического, медийного и интернет-пространства, активно тиражируется СМИ и близок и понятен аудитории только в данном контексте.

Модель противопоставления, иными словами, антитеза является распространённым приёмом ораторского мастерства. Стилистическая фигура

контраста даёт возможность привлечь дополнительное внимание аудитории. Как писал древнегреческий мыслитель Аристотель, использование антитезы позволяет публике лучше понять мысль говорящего, так как сравнение и сопоставление двух идей облегчает для слушающего правильный выбор между ними. Структура антитезы по Аристотелю близка схеме силлогизма, поскольку она содержит два заключения в рамках одного утверждения. В своей работе «Риторика» желающим преуспеть у публики философ призывает чаще обращаться к «метафоре, противопоставлению и наглядности» [1]. Помимо риторики противоположностями занимается также и диалектика. Уместно вспомнить один из основных законов материалистической диалектики – закон единства и борьбы противоположностей. Согласно идеологам марксизма, именно борьба противоположных сторон является основой всякого развития. Поэтому обращение Подемос к теме антагонизма не только в полной мере отвечает эффективности риторических приёмов партии, но и органически вписывается в идеологическое содержание дискурса объединения, поставившего перед собой амбициозную задачу качественного возрождения левого движения в Испании, пребывающего, по мнению генерального секретаря партии Подемос, в упадке с 1978 года [16].

Лаклау и Муфф понимали антагонизм как «предел объективности», представляли его в качестве некоего болезненного, травмирующего ядра, вокруг которого выстраиваются и структурируются дальнейшие социальные отношения. Действительно, в дискурсивном поле Подемос тема антагонизма наиболее выражена и первоначально по отношению к другим.

Истоки «антагонизма» Подемос восходят к протестным лозунгам, звучавшим на улицах испанских городов в мае 2011 года в ходе выступлений так называемых «возмущённых» – «indignados», граждан, не согласных с политикой действующих властей и мерами, предпринятыми для борьбы с кризисом 2008 года. Именно народные слоганы, скандируемые на улицах во время майских протестов, были адаптированы идеологами партии в качестве первоначальных иллюстраций к метафорической модели: «ПОЛИТИКА – это АНТАГОНИЗМ».

Речь идёт, например, о лозунге «Мы не анти-система, это система против нас» – «No somos anti-sistema, el sistema es anti-nosotros», трансформировавшемся впоследствии в устах Пабло Иглесиаса в «Народники – это партия антисис-

стемы, а Podemos – это закон и порядок» – «El PP es un partido antisistema pero Podemos es la ley y el orden» [13]. В речи другого представителя партии, Пабло Эченике, «Подemos – это не антисистема, это партия, которая осознаёт свою ответственность» – «Podemos no es antisistema, es un partido responsable» [6].

Есть ещё ряд призывов, которые звучали в ходе майских демонстраций: «Это не вопрос противостояния левых и правых, это противостояние низов и верхов» – «Esto no es una cuestión de izquierda contra derechas, es de los de abajo contra los de arriba», а также «Когда приходят в движение низы, начинают качаться верхи» – «Cuando los de abajo se mueven, los de arriba se tambalean». Их вариации впоследствии часто использовались Иглесиасом в качестве метафоры «низы и верхи» – «los de arriba y los de abajo» [13] при описании конфронтации политических элит и простых граждан.

Непосредственно с момента возникновения партии лидеры Podemos эффективно эксплуатировали проблему антагонизма власти и общества. Для этого они использовали ряд концептов, отражающих «беспрецедентную ситуацию» – «momento de exserción» – в испанском обществе и иллюстрирующих его глубокий раскол, который они назвали «брешь, трещина» – «grieta».

До попадания представителей партии в Парламент для апелляции к власти придерживавшимся идеологии Podemos пользовались одним из самых ярких, семантически окрашенных концептов, заимствованным из риторики итальянских левых, а именно словом «каста» – «casta», которое подчёркивало особую избранность и неуязвимость политиков, находящихся у власти, характеризовало их как класс неприкасаемых [2].

Системные политики в дискурсе Podemos также называются привилегированными – «privilegiados», элитами – «élites», теми, кто наверху – «los de arriba», марионетками – «títeres», бухгалтерами зарубежных властей – «agentes contables de poderes exteriores», котами – «gatos», господами в галстуках – «señores encorbatados», режимом 78 года – «régimen del 78». Необходимо отметить, что последняя метафора выполняла ещё одну важную функцию: обращаясь к прошлому, интерпретируя довольно высокомерным образом период перехода к демократии в 1978 году – важнейший этап современной истории Испании, традиционно считавшийся достаточно прогрессивным, – Podemos тем самым открыто включалась в борьбу за прошлое, за изменение

смысла исторического события. Таким образом, период перехода Испании к демократии в дискурсе Podemos однозначно ассоциируется со всем «старым, с верхами и с олигархией», что противоречит его официальной трактовке.

Интерпретация переходного периода в Испании обретает новый смысл и содержание, поскольку, согласно Podemos, она отражает противостояние «демократии-общества против олигархии-касты». Этот пример наделения исторического события новым смыслом показывает, как искусно можно привести под общий знаменатель антагонизма «верхи-низы» период, который в исторической памяти народа такой трактовки не имел и в целом ассоциировался с успешными демократическими реформами, переменами к лучшему и позитивным консенсусом. Исследователь Х. Арансе приходит к выводу, что переходный период к демократии в Испании – «transición» 1978 года – в дискурсе партии Иглесиаса лежит скорее в семантическом поле Гражданской войны (1936-1939), которая имеет множество негативных коннотаций в исторической памяти испанцев. Тогда в результате военного конфликта Испания раскололась на республиканцев и франкистов, и в конечном счете война привела к «поражению народа» и «похищению» демократических ценностей [5]. Теперь же и переходный период к демократии в дискурсе Podemos получил похожую оценку. Иными словами, историческое событие, которое ранее воспринималось как достижение испанского общества, вместо этого интерпретировалось партией как начало ещё большего раскола, символ нарастания отчуждения власти от народа, потеря гражданами ряда политических и социально-экономических прав в пользу партий, решившихся на «сговор» с франкизмом.

Явление коррупции также находит нетрадиционную трактовку в дискурсе Podemos. Идеологи партии считают, что посткризисное расслоение богатых и бедных – это и есть коррупция. Лидер движения Иглесиас описывает этот социальный порок следующим образом: «В стране действует модель, при которой государство работает против общества, при которой у меньшинства банковские счета постоянно растут, а у большинства сокращаются, и это и есть коррупция» – «es un modelo de país que ha puesto a trabajar al Estado contra la sociedad, una minoría que engordaba sus cuentas mientras que la mayoría veía cómo las suyas adelgazaban, eso es la corrupción» [13]. Расслоение общества на бо-

гатых и бедных в свете казнокрадства получает новое звучание в дискурсе партии. В коррупции, согласно трактовке Подемос, виноваты не только те немногие политики, которых ловят «за руку» и в отношении которых ведутся резонансные дела, но и все те, кто богатеет, пока у остального населения доходы сокращаются. Таким образом, специалисты по коммуникации Подемос играют на преднамеренном доведении коррупции до гиперболизированных масштабов, выставляя её как национальную угрозу.

Политическим элитам в дискурсивной теме антагонизма противостоят простые граждане, которых политики Подемос, сохраняя контрастное противопоставление, именуют следующим образом: «те, кто внизу» – «los de abajo», «мыши» – «ratones», «простые» – «los humildes», «те, кому стало хуже, чем было» – «los que están peor que antes», «те, кто противостоял бесстыдству и трусости правителей, которые заботились лишь о своих привилегиях и ни о чём больше» – «los que se enfrentaron a la vergüenza y la cobardía de unos gobernantes que sólo defendían sus privilegios sin importarles nada más». Вместе с тем, идеологи партии наделяют народ выраженными положительными качествами, например, «храбрый народ» – «gente valiente».

Подемос с самого своего возникновения делала особый акцент на «инновационности», «современности», «модности» своих коммуникативных инструментов, что прослеживалось в дизайне агитационных материалов и в беспрецедентном задействовании социальных сетей и собственного интернет-сайта в ходе предвыборной кампании, а также в тиражировании качественных фото и видеоклипов и т.д. Тем не менее, при более тщательном анализе непосредственно содержания дискурса партии напрашивается вывод о его глубоких корнях, уходящих далеко за пределы майских манифестаций 2011 года.

Так, испанский политолог А. Элорза пишет о том, что дискурс Подемос напоминает ему старые коммуникативные приёмы «социал-фашизма», когда социал-демократия выступает в качестве инструмента реакции на действия «буржуазии», которую в настоящее время олицетворяет «олигархия» [7, p.53]. Иными словами, метафорическая модель антагонизма Подемос напоминает традиционную риторику «классовой борьбы» Третьего Интернационала, которая отталкивается от антиимпериализма и даже берёт за образец государственный популизм бывшего президента Венесуэлы У. Чавеса [7, p. 55].

С проведением так называемого «Марша перемен» – «Marcha del cambio», который лидеры Подемос организовали в январе 2015 года на площади Пуэрта дель Соль в центре Мадрида, связывают постепенные, но коренные изменения в дискурсе партии. На той многотысячной демонстрации основной посыл в выступлении П. Иглесиаса состоял в следующем: «Это год перемен, и мы выиграем выборы у Народной партии» – «Este año es el año del cambio y vamos a ganar las elecciones al PP» [14]. Впервые Подемос так открыто заявила о своих претензиях на власть и места в правительстве.

Именно 31 января 2015 года стало отправной точкой, после которой лидеры Подемос стали отходить от общей критики власти, «касты» и государственных институтов и вступили на путь позиционной войны, дискредитируя в деталях своих политических соперников – Народную партию, ИСРП, впоследствии партию Сьюдаданос. По мнению исследователя политического дискурса Подемос Х. Арансе, именно речь, произнесённая лидером партии на «Марше перемен», стала переломным моментом, обозначившим переход дискурса от «антагонистической» формы, обозначенной Лаклау, к «агонистической», развитой Муфф. Начиная с этого момента меняются отношения Подемос с властью, происходит отход от восприятия находящихся у власти политиков в качестве врагов и признание их соперниками, то есть, партия готовится к потенциальной возможности стать частью системы [5].

И. Эррехон, являвшийся на тот момент вторым лицом в Подемос, следующим образом очертил ближайшие планы партии на «Марше перемен»: «вернуть страну, отвоевав у власти государственные институты, выгнать из них мафию и заставить их служить интересам общества» – «recuperar el país, conquistando las instituciones, sacar de ellas a la mafia y ponerlas al servicio de la gente decente» [9]. Впоследствии всё более широкое распространение получала вышеупомянутая метафора «мафии», для обращения прежде всего к политикам Народной партии, занимающим места в правительственных учреждениях, которые вместо того, чтобы служить народу, пекутся о своём финансовом благополучии и надеются «закончить свою политическую карьеру в Советах директоров крупных испанских фирм».

Вместе с тем, непосредственно государственные институты, против которых Подемос выступала первоначально, противопоставляя

им людей с улицы, в дискурсе партии стали нейтральными, первостепенное значение уделяется тому, как ведут себя в них конкретные политики, которые могут как похитить у граждан демократические свободы, так и вернуть их. Отсюда появление метафоры «mafia» – «мафия», а также «trama corrupta» – «коррупционная интрига», «secuestro de democracia por parte de unos pocos» – «похищение демократии узким кругом лиц», «secuestro de instituciones» – «захват государственных институтов». В свете этого миссия Podemos стала позиционироваться как необходимость «спасти государственные институты» – «rescatar las instituciones», освободить их от некомпетентных политиков, создать «правительство, которое с новой энергией деколонизирует государственные институты» – «Gobierno que descolonicé con savia nueva las instituciones». Конкретным предложением стал «план гражданского спасения» – «plan de rescate ciudadano», а именно, набор мер, включённых в программу партии к муниципальным выборам мая 2015 года, которые были призваны улучшить положение граждан в различных сферах от экономики до образования.

На этом этапе изменилась трактовка событий переходного периода к демократии в Испании и значения принятия Конституции 1978 года. Представители Podemos перестали огульно критиковать эти исторические события, отказались в своей риторике от стремления полностью ликвидировать существующую политическую систему, а также от требований по пересмотру Конституции, и начали заявлять, что основная проблема кроется не в самих государственных институтах, действующих после 1978 года, а в том, как ведут себя в них политики, находящиеся у власти [10]. Параллельно, основным историческим проигрышем Испании стал считаться финансовый кризис 2008-2014 гг. и реакция на него испанских политиков, а не Конституция 1978 года и не пакт Монклоа, которые, по утверждениям представителей Podemos, в этот период перестали нести в себе негативную коннотацию: достижения 1978 года нужно просто «спасти» из рук не оправдавших себя политиков. И. Эррехон в интервью Eurora Press таким образом очертил важную задачу объединения: «спасти наследие поколений, которым мы больше всего могли бы гордиться, а именно социальными гарантиями и возможностью рассчитывать на социальную мобильность» – «rescatar algunos de los legados de las generaciones de los que más orgullosos podíamos

estar, como el blindaje de los servicios públicos o asegurar la posibilidad de la movilidad social» [11].

Вместе с этим продолжали постоянно плодотворяться новые вариации на тему антагонизма, подчас лишённые последовательности. Если ранее партия противопоставляла себя всей коррумпированной, исчерпавшей себя «системе», то теперь Podemos открыто противопоставляет себя не правящей элите, а лишь Народной партии, первой политической силе в стране. Идеологи Podemos говорят о существовании двух альтернативных и несопоставимых политических секторов, представленных Народной партией (как доминирующей силой полюса реставрации старых порядков), с одной стороны, и Унидос-Подемос, а также присоединившимися к ним политическими группами (как доминирующей силой полюса перемен), с другой: «dos campos políticos alternativos e incompatibles representados por el Partido Popular (como fuerza hegemónica del polo de la restauración) y por Unidos Podemos y las confluencias (como fuerzas hegemónicas del polo del cambio)» [17].

Таким образом, сталкиваются две противоречащие друг другу модели управления – «dos modelos antagónicos de gobierno», и в этой борьбе Podemos позиционирует себя в качестве альтернативы деструктивной модели Народной партии – «una alternativa al modelo destructivo del Partido Popular». Такая постановка вопроса вызывает по меньшей мере удивление, учитывая, что Podemos не берёт в расчёт конкуренцию со второй по значимости в испанской политике партией – ИСПП.

Этому есть два объяснения. Во-первых, ставя перед собой такую амбициозную задачу, как бросить вызов сразу самому крупному игроку политической карты, значит автоматически повысить и собственный вес, сражаясь с действительно сильным соперником. Во-вторых, подобная позиция Иглесиаса, не вступающего в открытый поход по всем фронтам против действий социалистов, развязывает ему руки в случае появления возможности дальнейшего сотрудничества с ними. И хотя двум амбициозным лидерам этих партий – Пабло Иглесиасу и Педро Санчесу – не удалось найти компромисса в прошлом, Podemos дальновидно не исключает возникновения подобной возможности в будущем. Однако не нужно думать, что подобного рода флуктуации в поведении лидеров партии Podemos гарантируют расширение электоральной базы. Отнюдь, непоследовательность в выборе соперника в политической борьбе провоцирует потерю доверия к дискурсу Podemos.

На всём протяжении политической истории партии Подемос можно наблюдать, что её взлёты и падения неразрывно связаны с коммуникативной политикой и дискурсом движения. Успех «восхождения» Иглесиаса и его последователей на испанский политический Олимп в 2014 году объясняется в том числе тем, что идеологам Подемос удалось установить и популяризировать среди масс выгодный для «политических новичков» диагноз происходящих в стране событий и суметь донести свои идеи до электората с помощью яркого и точного дискурса. Во многом благодаря продуманной политической коммуникации новое движение предстало в образе освободителя-искупителя в противостоянии «системе» – существующим партиям, узурпировавшим власть в стране и наживающимся на лишениях и бедах населения, пострадавшего от кризиса. Подемос было по сути антисистемным движением, для которого сотрудничество и альянсы с находящимися у власти и дискредитировавшими себя политиками были невозможны. Новое объединение должно было доказать состоятельность своих идей и победить в одиночку именно вследствие своей декларируемой уникальности и новаторства.

В целом 2015 год являлся чрезвычайно важным для деятельности Подемос. Именно он должен был показать, насколько жизнеспособно новое политическое образование и сможет ли оно развить свой успех на предстоящих автономных, муниципальных и всеобщих выборах.

Несмотря на относительные успехи – выбор мэров от Подемос в Мадриде и Барселоне, третье место на муниципальных выборах – ряд исследователей отмечает, что именно в 2015-2016 гг. в своей разъяснительно-пропагандистской работе Подемос допустила череду ошибок, которые едва не стоили ей политической карьеры. Заведующий кафедрой философии Университета Комплутенсе Х. Вильяканьяс полагает, что идеологи партии упустили из виду важные особенности испанского общества. Оно, по его мнению, разительно отличается от обществ, легко поддающихся популистским идеям, которые рассматривали А. Грамши и Э. Лаклау, чьи труды служат основой для теоретического обоснования лидерами партии деятельности Подемос. Испания, отмечает Х. Вильяканьяс, далека от аргентинского перонизма и кубинско-венесуэльского кастризма [20, р. 51–52]. Избиратели Подемос действительно ждали от политиков нового поколения перемен и договороспособности.

На протяжении 2015-2016 гг. Подемос страдала от «двойственности» своего дискурса. Стремясь угодить всем и каждому, выступая за «перемены» в самом широком смысле слова, доходящем до абсурда, партия в конечном счёте оттолкнула избирателей. «Подемос сделала ставку на «контролируемо двойственный» дискурс для того, чтобы не потерять своей универсальности. Но в результате её представители оказались связаны по рукам и ногам этой неопределённостью, и с каждым разом они всё больше ограничивались лишь тем, чтобы, как попугаи, повторять заранее определённые аргументы в страхе совершить ошибку», – так охарактеризовал дискурсивные промахи объединения близкий к Подемос испанский философ К. Ф. Лирия [19].

Чтобы избежать этой опасной двойственности, в период подготовки к муниципальным, автономным, а затем и всеобщим выборам членам Подемос стоило продемонстрировать, в первую очередь, с помощью дискурсивных методов и средств – поскольку реальных институциональных рычагов у них для этого не было – готовность брать на себя ответственность, выработать детализированные планы реформ в области экономики, обороны, образования, сельского хозяйства, а самое главное, артикулировать народные ожидания по этим вопросам [20, р. 52]. Однако вместо этого Иглесиас и его окружение отошли от противостояния всей системе и сделали ставку на прагматический популизм в своей риторике, так называемый «левый популизм», чтобы привлечь избирателей ИСПП. Так, например, в отношении решения каталонского вопроса лидеры Подемос продолжали воздерживаться от резких оценок и радикальных рецептов и говорили о том, что «свободное согласие и свободная договорённость являются лучшей скрепой» – «el mejor pegamento es el libre consentimiento y el libre acuerdo» [11]. В качестве необходимой меры предлагалось найти «новые формулы решения территориального кризиса» – «nuevas fórmulas de encaje a la crisis territorial» [15] – красивая фраза, за которой не стоит конкретных законодательных или политических предложений.

Поэтому если во время избирательных кампаний к выборам в Европарламент или автономных и муниципальных выборов у электората не возникало вопросов по поводу таких обтекаемых формулировок, у новоиспечённой партии был достаточно большой кредит доверия, то в преддверии всеобщих выборов они стали вызывать всё больше недоверия.

Подemos, несмотря на изначальное позиционирование себя как радикально левой партии, к референдуму за отделение Каталонии подошла с националистических позиций, что также оттолкнуло от неё часть потенциального электората и вызвало споры и разногласия в каталонских отделениях партии [12]. Кроме того, публичное обсуждение возможности заключения союзов и альянсов с другими политическими движениями и партиями на протяжении 2015 и 2016 гг. также не добавило очков в копилку популярности Подemos. Испанцы ждали от Иглесиаса готовности к соглашениям «на равных», а его партия шла на такой шаг только в случае, если позиции политического объединения на местах сильнее («Компромис», «Эн Мареча»), чем позиции самой Подemos. Такое поведение было трактовано как политическое лицемерие, беспринципная жажда власти, характерная, в первую очередь, для «старейшин касты».

К осени 2017 года стало понятно, что Подemos не может предложить адекватной политической инициативы, которая могла бы стать общенациональным решением для урегулирования каталонского территориального кризиса. Одна из основателей партии и депутат от Подemos в Парламенте К. Бесканса выступила с критикой руководства партии, отмечая, что объединение в своей риторике слепо пошло в фарватере линии сторонников независимости, в частности, мэра Барселоны А. Колау, вместо того, чтобы предложить собственный оригинальный проект по решению территориального вопроса для всей Испании, которого так ждали от Подemos.

Фактически, пытаясь с помощью нового дискурса «подготовить почву» для того, чтобы было проще пройти путь от внесистемной оппозиции и без проблем интегрироваться в политическую систему, Подemos лишилась народной легитимности, перестала отражать чаяния избирателей, поставила всё на кон борьбы за власть. Это и оттолкнуло от партии большое число избирателей – после максимума в почти 18-20% голосов, набранных в мае 2015 года в ходе муниципальных и автономных выборов, поддержка Подemos скатилась до чуть менее 13% на всеобщих выборах в декабре 2015 года. При этом даже альянс с партией Искьерда Унида в мае 2016 года не исправил ситуацию – Подemos получила лишь на процент больше, хотя в ходе предыдущих выборов Искьерда Унида, выступавшая

самостоятельно, набрала 3,67%. По последним оценкам рейтинг Подemos упал ещё ниже, и она стала уступать даже партии Сьюдаданос, тем самым скатываясь на четвёртое место и теряя своё звание «третьей силы в стране» [8].

Очевидно, что непростительной ошибкой Подemos стала неспособность её членов преодолеть «двойственность» дискурса и предложить чёткий и привлекательный план по решению каталонской проблемы. Но ещё не поздно это сделать. Главное – вновь услышать реальные требования электората, его настроения, «поймать волну», как это удалось партии в начале карьеры с запросом участников майских протестов 2011 года. В противном случае именно неспособность предложить адекватный выход из каталонского тупика грозит стать началом конца политической карьеры Подemos.

В заключение хотелось бы отметить, что политический дискурс Подemos представляет собой обширное поле для изучения, он многослоен и многообразен. Помимо темы антагонизма для него характерно присутствие и других метафорических моделей, фреймов, концептов: «ВОЙНА», «МАФИЯ», «ЛЮБОВЬ», «МЕЧТЫ», «ИНТРИГА», «СОЮЗ», «РОДИНА» и др. В рамках данной статьи была рассмотрена лишь типическая метафорическая модель «АНТАГОНИЗМ», которая, тем не менее, даёт достаточно полное представление о том, каким образом когнитивно-языковой механизм политического дискурса – и в этом заключена одна из основных характеристик – не просто отражает происходящее, но и во многом создаёт собственную реальность, моделируя способы её интерпретации [3, с. 83].

Многочисленное использование разнообразных антитез позволяет ораторам Подemos облегчить донесение своих ключевых сообщений до целевой аудитории. Структура антагонизма, противопоставления упрощает электорату процесс самоопределения и причисления себя к той или иной группе. В то же время данное исследование подтвердило гипотезу о том, что по мере изменения политической ситуации в стране, идеологам партии не всегда удаётся «попасть в струю», то есть подобрать отвечающие социальному запросу аргументы и донести их до избирателей благодаря чёткой дискурсивной стратегии, что мгновенно отражается на уровне электоральной поддержки в негативном ключе.

Список литературы

1. Аристотель, Риторика. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.e-reading.club/chapter.php/71986/2/Aristotel%27_-_Ritorika.html (Дата обращения 22.02.2018).
2. Астахова Е.В. «Штурм небес» или особенности политического дискурса «Подemos» // Е.В. Астахова // Ибероамериканские тетради. 2016. №1(11). С. 21–28.
3. Ларионова М. В. Испанский газетно-публицистический дискурс: искусство информации или мастерство манипуляции? : монография / Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. испанского языка. — М. : МГИМО–Университет, 2015. 327 с.
4. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2003. 248 с.
5. Aranzé, J. La trayectoria del discurso de podemos: del antagonismo al agonismo// [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://recyt.fecyt.es/index.php/recp/article/view/53420/html_44 (Дата обращения 20.02.2018).
6. Echenique, P.: «Podemos no es antisistema, es un partido responsable» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.eldiario.es/politica/Pablo-Echenique-Podemos-antisistema-responsable_0_346115929.html (Дата обращения 22.02.2018).
7. Elorza A. Podemos: la conquista del Estado // Claves de Razón Práctica №236, p. 50-59.
8. El País, Elecciones generales 2015, [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://resultados.elpais.com/resultats/elecciones/2015/generals/congreso/index.html> (Дата обращения 25.02.2018).
9. Errejón, Í. Discurso en la Marcha del Cambio, Puerta del Sol, 31-1-2015. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=RP9DE2VGS84> (Дата обращения 22.02.2018).
10. Errejón, Í. Интервью каналу Jota pov, 30.03.2015 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=dtzqKFqUGyE> (Дата обращения 22.02.2018).
11. Errejón, Í. Интервью каналу Europa Press, 26.04.2015 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.europapress.es/nacional/noticia-errejon-dice-podemos-no-quiere-revertir-regimen-78-20150426114938.html> (Дата обращения 12.02.2018).
12. García-Abadillo C. ¿Por qué se desinfla Podemos? // El Mundo, 24.08.2016, [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.elmundo.es/espana/2015/08/24/55da10ac268e3edb408b4587.html> (Дата обращения 22.02.2018).
13. Iglesias, P.: Podemos. «Los de abajo – los de arriba» y Mouseland (Ratonlandia) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=n4a6nHabJms> (Дата обращения 22.02.2018).
14. Iglesias, P.: Discurso íntegro de Pablo Iglesias en la Puerta del Sol [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.lamarea.com/2015/02/04/discurso-integro-de-pablo-iglesias-en-la-puerta-del-sol/> (Дата обращения 13.02.2018).
15. Iglesias, P. El gobierno del cambio, [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://podemos.info/pablo-iglesias-el-gobierno-del-cambio/> (Дата обращения 22.02.2018).
16. Iglesias, P. Understanding Podemos // New Left Review 93, May-June 2015 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://newleftreview.org/II/93/pablo-iglesias-understanding-podemos> (Дата обращения 22.02.2018).
17. Iglesias, P., Errejón Í.: De Madrid al cielo. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.20minutos.es/opinion/pablo-iglesias-inigo-errejon-madrid-cielo-3098575/> (Дата обращения 25.02.2018).
18. Laclau, E., Mouffe, Ch., Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. Verso, London, New York, 1985, 208 p.
19. Liria C., La carta que nos queda: republicanizar el populismo [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.eldiario.es/zonacritica/carta-queda-republicanizar-populismo_6_378022216.html (Дата обращения 25.02.2018).
20. Villacañas J.L. El lento aprendizaje de Podemos, Catarrata, 2017, 294 p.

Сведения об авторе:

Дёмкина Анастасия Владимировна – аспирант программы «Романские языки» МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: политический дискурс, политическая коммуникация, испанская публицистика. E-mail: demkina.a.v@my.mgimo.ru.

TRANSFORMATION OF THE THEME “ANTAGONISM” IN THE POLITICAL DISCOURSE OF THE SPANISH PARTY “PODEMOS”

A.V. Demkina

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow,
119454, Russia.

The Abstract: *The article analyzes for the first time the evolution of the theme “antagonism” in the political discourse of the Spanish party “Podemos” between 2014 and 2018. Publicist materials and the party*

leaders' speeches given in the mentioned period constitute the subject matter of the research. Particular attention is paid to the origins and effectiveness of the theme "antagonism" in the context of political communication of the Podemos party. Among the methods used are discursive method and content analysis. The work demonstrates how the political institution using the discursive methods of pragmalinguistics is able to achieve the transformation of socio-political reality and why errors in drawing up a discursive strategy may entail a reduction of electoral support. The typical metaphorical model «ANTAGONISM», examined in this article, gives an idea of how the cognitive-linguistic mechanism of political discourse works in relation to other pragmalinguistic means.

The article may be of interest to linguists, political scientists, Hispanics, specialists in the field of political marketing and communication.

Key Words: *the Spanish language, Podemos, antagonism, metaphor, metaphorical model, Laklau, Mouffe, pragmalinguistics, cognitive linguistics, political communication*

References

1. Aristotel', Ritorika (Rhetoric). [Online] – Available at: https://www.e-reading.club/chapter.php/71986/2/Aristotel%27_-_Ritorika.html (Accessed 22.02.2018).
2. Astakhova E.V. «SHturm nebes» ili osobennosti politicheskogo diskursa «Podemos» ("The Attack of the skies" or peculiarities of political discourse of Podemos) // E.V. Astakhova // Moscow, Iberoamerikanskije tetradji (Iberoamerican papers). 2016. №1(11). pp.21–28.
3. Larionova M. V. Ispanskii gazetno-publitsisticheskij diskurs: iskusstvo informatsii ili masterstvo manipulyatsii? : monografiia (Spanish newspaper and publicist discourse: art of information or domination of manipulation?). Moscow, MGIMO–Universitet, 2015. 327 s.
4. CHudinov A.P. Metaforicheskaia mozaika v sovremennoi politicheskoi kommunikatsii. (Metaphorical mosaic of modern political communication). Ural. gos. ped. un-t., Ekaterinburg, 2003. 248 p.
5. Aranzé, J. La trayectoria del discurso de podemos: del antagonismo al agonismo// [Online] -- Available at: https://recyt.fecyt.es/index.php/recp/article/view/53420/html_44 (Accessed 20.02.2018).
6. Echenique, P.: «Podemos no es antisistema, es un partido responsable» [Online] – Available at: http://www.eldiario.es/politica/Pablo-Echenique-Podemos-antisistema-responsable_0_346115929.html (Accessed 22.02.2018).
7. Elorza A. Podemos: la conquista del Estado // Claves de Razón Práctica №236, pp. 50-59.
8. El País, Elecciones generales 2015, [Online] – Available at: <https://resultados.elpais.com/resultats/eleccions/2015/generals/congreso/index.html> (Accessed 25.02.2018).
9. Errejón, Í. «Discurso en la Marcha del Cambio, Puerta del Sol», 31-1-2015. [Online] – Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=RP9DE2VGS84> (Accessed 22.02.2018).
10. Errejón, Í. Interview to Jota pov, 30.03.2015 r. [Online] – Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=dtzqKFqUGyE> (Accessed 12.02.2018).
11. Errejón, Í. Interview for Europa Press, 26.04.2015 r. [Online] – Available at: <http://www.europapress.es/nacional/noticia-erregon-dice-podemos-no-quiere-revertir-regimen-78-20150426114938.html> (Accessed 22.02.2018).
12. García-Abadillo C. ¿Por qué se desinfla Podemos? // El Mundo, 24.08.2016, [Online] – Available at: <http://www.elmundo.es/espana/2015/08/24/55da10ac268e3edb408b4587.html> (Accessed 22.02.2018).
13. Iglesias, P.: Podemos. «Los de abajo - los de arriba» y Mouseland (Ratonlandia) [Online]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=n4a6nHabJms> (Accessed 22.02.2018).
14. Iglesias, P.: Discurso íntegro de Pablo Iglesias en la Puerta del Sol [Online] – Available at: <https://www.lamarea.com/2015/02/04/discurso-integro-de-pablo-iglesias-en-la-puerta-del-sol/> (Accessed 13.02.2018).
15. Iglesias, P. El gobierno del cambio, [Online] – Available at: <https://podemos.info/pablo-iglesias-el-gobierno-del-cambio/> (Accessed 22.02.2018).
16. Iglesias, P. Understanding Podemos // New Left Review 93, May-June 2015 [Online] – Available at: <https://newleftreview.org/II/93/pablo-iglesias-understanding-podemos> (Accessed 22.02.2018).
17. Iglesias, P., Errejón Í.: De Madrid al cielo, [Online] – Available at: <https://www.20minutos.es/opiniones/pablo-iglesias-inigo-erregon-madrid-cielo-3098575/> (Accessed 25.02.2018).
18. Laclau, E., Mouffe, Ch., Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. Verso, London, New York, 1985, 208 p.
19. Liria C., La carta que nos queda: republicanizar el populismo [Online] – Available at: http://www.eldiario.es/zonacritica/carta-queda-republicanizar-populismo_6_378022216.html (Accessed 25.02.2018).
20. Villacañas J.L. El lento aprendizaje de Podemos, Catarrata, 2017, 294 p.

About the author:

Demkina Anastasia Vladimirovna – postgraduate student of “Romance Languages” program, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: political discourse, political communication, Spanish sociopolitical journalism. E-mail: demkina.a.v@my.mgimo.ru.

* * *

АРХЕТИПИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Ф.Р. ШРАЙБЕР «СИВИЛЛА»)

В.Э. Елистратов, Л.Ф. Хабибуллина

Казанский (Приволжский) Федеральный Университет,
420008, Казань, ул. Кремлёвская, 18

В данной статье рассматриваются структурные особенности сюжета романа «Сивилла» Флоры Риты Шрайбер (Sybil, 1973). Этот роман стал одной из первых интерпретаций истории жизни человека, страдающего диссоциативным расстройством личности (расстройством множественной личности). В структуре сюжета можно выделить стадии развития персонажа, повторяющие архетипичные модели мифов и сказок. История Сивиллы из романа Ф.Р. Шрайбер повторяет этапы традиционных сюжетов, но уже с обновлённым содержанием. В статье прослеживаются параллели между функциями эпизодов. Фазы жизненного цикла персонажа (такие как фаза обособления, партнёрства, пороговая фаза и фаза преображения) остаются неизменными, из этого делается вывод, что фундамент, заложенный в народной литературе, оказывается продуктивным для написания произведений и на современном этапе. Мы рассматриваем анахронию, то есть нарушение хода событий в повествовании, которая в данном романе становится одним из основных компонентов нарратива. Понимание того, каким образом ход событий в литературном произведении может отклоняться от заданного объективной хронологией (если такую получается выявить), является предметом интереса нарратологии. Причина широкого использования анахронии, которую мы находим в «Сивилле», связана, на наш взгляд, с темой произведения и с психоаналитической основой сюжета. Практика психоанализа нацелена на ретроспективу, поиск причин в прошлом, в результате роман, как и действующий психоаналитик, сначала демонстрирует симптомы, а потом предлагает найти причину их возникновения.

Ключевые слова: американская литература, Ф.Р. Шрайбер, нарратология, архетипический сюжет, структура, мономиф, художественно-документальный роман

Роман «Сивилла» (Sybil, 1973) американской писательницы Флоры Риты Шрайбер написан при жизни главных действующих лиц и во многом основывается на интервью с ними. Кроме «Сивиллы» Ф.Р. Шрайбер написала роман «Сапожник: анатомия психоза» (*The shoemaker: The anatomy of a psychotic*, 1983) о больном шизофренией убийце, остальное время она посвятила журналистике и преподаванию английского языка в Колледже уголовного правосудия им. Джона Джея.

Основой сюжета становится история Ширли Арделл Мэйсон (1923 – 1998), которая в романе получила имя Сивилла Изабел Дорсетт. Случай Мэйсон был уникален тем, что впервые в теле одного человека можно было выделить большое количество самостоятельных и непохожих друг на друга личностей. Доктор, который работал с этим пациентом, Корнелия Уилбур, выведенная в романе под собственным именем, выявила за время сеансов 16 различных состояний. Каждое из них было отдельной личностью со своим име-

нем, чертами характера и даже внешностью. Роман «Сивилла» стал первым произведением, раскрывшим историю применения психоанализа для лечения множественного расстройства личности, он был очень популярен, дважды экранизирован (1976, 2007). Произведение стало одним из ряда документальных романов, посвящённых описаниям случаев диссоциативного расстройства личности, таких как «Три лица Евы» (К. Тигпен, Х. Клекли, 1957) «Множественные умы Билли Миллигана» (Д. Киз, 1981) и др.

Изучая структуру произведения в рамках нарративного исследования, мы рассматриваем её как деятельность автора, направленную на оформление определённого коммуникативного сообщения. В данной работе рассматривается преимущественно организация сюжета, которая понимается в данном случае как перестановка исходных событий во времени (как относительно друг друга, так и внутри себя, с влиянием на рецептивный темп произведения).

Понимание сюжета как художественной последовательности событий (в отличие от хронологической) сохраняет актуальность в течение долгого времени. Первоначально в рамках русского формализма появился подход, в котором термины «фабула» и «сюжет» показывают разницу между событиями и художественным содержанием. Для В.Б. Шкловского фабула была материалом для сюжетного оформления, а сюжет оказывался художественным средством, схожим с рифмой или метафорой. Он не придавал фабуле какой-либо художественной или поэтической значимости, это утверждение справедливо для русского формализма в целом. Разделение фабулы и сюжета было лишь составным компонентом формальной мысли, акцентирующей поэтичность литературного произведения, его эстетический эффект. Такое разделение не задумывалось как отдельное направление в литературоведении, призванное анализировать логику построения сюжета, скорее взгляд был направлен на девиации, обнаруживающиеся при сравнении исходного «фабульного» материала и результирующего «сюжетного» с целью объяснить поэтический эффект, которые данные изменения могут иметь [7].

Иной подход к рассмотрению структуры сюжета ведёт свои истоки от работы А.Н. Веселовского «Поэтика сюжетов» (1906), вошедшей в его «Историческую поэтику», где он выделяет такие «простейшие повествовательные единицы», из которых строятся сюжеты, – они называются

мотивами. Процесс творения здесь основан на использовании таких компонентов, каждый из которых содержит определённое значение. Само значение мотивов известно автору, так как он является продуктом своей культурной среды. Мотивы по Веселовскому могли создаваться самостоятельно, но и в таком случае они могли быть схожими у разных народов (например, различные легенды о происхождении: «представление солнца – оком; солнца и луны – братом и сестрой, мужем и женой; мифы о восходе и заходе солнца, о пятнах на луне, затмениях и т.д.» [2, с. 305]. Другими примерами таких мотивов могут выступать борьба братьев за наследство, битва с драконом, похищение солнца. Таким образом, мотив как единая функционально-содержательная единица, может выступать как элемент для построения сюжетов.

В трактовке В.Я. Проппа («Морфология сказки», 1928) мотив утрачивает свою нерушимую связь с непосредственным содержанием. Исследователь уже выделяет функции, которые должны выполняться мотивом, а содержание самого сюжета уже может быть заменено на другое. Говоря о творческой свободе при создании сказки, он отмечает, что «...народ и здесь не слишком широко пользуется этой свободой. Подобно тому, как повторяются функции, повторяются и персонажи. Здесь, как уже указано, выработался известный канон (змея – типичный вредитель, яга – типичный даритель, Иван – типичный искатель и пр.)» [4, с. 87].

Одна из моделей, которая нацелена на выявление функций эпизодов произведений, была предложена Д. Кэмпбеллом в работе «Тысячеликий герой» (*The Hero with a Thousand Faces*, 1949) с учётом достижений психоанализа на основе идей К. Юнга и Дж. Фрезера. Сводя содержание всех мифов к двум структурам, космогонической и биографической, относительно второй автор утверждает, вслед за Дж. Фрезером, что во всех мифологиях герой проходит единый путь становления. Это подтверждается на примерах мифов Древней Греции, Скандинавии, Индии. Единая структура построения сюжета, названная здесь мономифом, берёт своё начало в коллективном подсознательном. В доказательство приводятся примеры психотерапевтических сеансов, содержание которых объясняется мифологическим восприятием человека, привыкшим подсознательно воспринимать определённые сюжетные мотивы в едином ключе (как, например, встречу с единорогом как влечение или нанесение слу-

чайного увечья как затаённую злобу). Каждый из этапов (как, например, зов к странствиям, сверхъестественное покровительство и т.д.) может наделяться собственным содержанием. Функция же компонента внутри модели остаётся неизменной, например, зов к приключениям всегда будет начальным компонентом, он может быть оформлен по-разному (стрела упала не туда, внутренний голос подсказал герою собираться в путь), но его роль в рамках произведения не изменится. В этой модели три основных этапа: исход (всё, что происходит до того, как герой покидает родину), инициация (события, происходящие во время путешествия) и возвращение (момент возвращения на родину) [3].

Опираясь на идеи Дж. Фрезера относительно мотива перехода власти как результата пройденного героем испытания, В. Тюпа обращает внимание на мотив инициации, значимость которого отмечали многие исследователи (Н. Фрай, например). В работе «Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А.П. Чехова)» [6] он предлагает четырёхступенчатую модель жизни героя, которую называет протосюжетом. Первой является фаза обособления, то есть отстранение от общества. Внешне это может быть представлено как начало путешествия (уход из деревни), так и как уход «в себя». Персонаж таким образом остаётся в стороне от остальных людей, что делает его особенным. Второй он выделяет фазу партнёрства, в которой герою встречается наставник, помощник или, наоборот, противник. Во второй фазе герой сталкивается с испытаниями, которые укрепляют его сознание и дух. Третью фазу В.И. Тюпа обозначает как лиминальную фазу, в которой герой сталкивается со смертью. Это фаза преобразования, она зачастую связана с путешествием в страну мёртвых или зрелищем смерти (гибель близкого человека). Последней фазой становится фаза преобразования или перерождения, в который герой обретает новую жизнь. В современной литературе это следует понимать метафорично. Герой обновляется, испытания, с которыми ему пришлось столкнуться, позволили ему обрести новую жизнь.

Следует отметить, что в волшебной сказке более привычной является именно модель с инверсией последних двух этапов. Герой сначала проходит стадию «умудрения», а уже после вступает в финальную схватку. Для мирового сюжета более продуктивной стала модель, где эти этапы расположены в обратном порядке, а

именно такая, где последнее испытание выступает как повод, ведущий к обновлению или перерождению. Основу такого сюжета Дж. Фрээр описывал в «Золотой ветви», где традиция престолонаследия по женской линии чужеземцами стала продуктивной базой для сюжетов. Претендент вступал в испытание (иногда смертельное) с действующим правителем, чтобы доказать своё право на престол. В таком случае испытание выступает лишь как один из вариантов, ведущих к заключительной части [5].

В отличие от модели, которую можно найти у Д. Кэмпбелла, эта структура состоит из четырёх ступеней. Последняя часть – из трёхступенчатой модели, а именно возвращение делится на две фазы: пороговую (лиминальную) и фазу преобразования.

Роман, который находится в центре нашего внимания, написан в жанре нон-фикшн, но мы предположим, что предложенная исследователями модель анализа применима и к такому типу произведений. Роман «Сивилла» (Sybil, 1973) имеет фактическую основу, а именно реальную (к сожалению, не задокументированную, что позволило бы более убедительно заявить о различных анахрониях, которые мы можем найти в тексте) историю девушки, которую звали Ширли Ардел Мэйсон. Можно предположить, что автора, выбравшего для своей героини имя Сивилла, привлекла идея бедствия или рока, которая связывает античных сивилл и судьбу героини романа. В античной культуре сивиллы были пророчицами, зачастую предсказывающими бедствия (так Герофила из Эрифр предсказала гибель Трои и написание Гомером по этому поводу поэмы).

Сюжет романа составляют по сути две истории, первая – история Сивиллы, в центре которой сама героиня, вторая – история её лечения, центром которой является доктор Уилбур.

В романе повествуется о девушке, которая в детстве столкнулась с жестокостью родителей и насилием в семье, из-за которых у неё появились проблемы с психическим состоянием. В частности, для того, чтобы отстраниться от тяжёлых воспоминаний, она создала внутри сознания отдельные личности, которые перенимали часть воспоминаний, что стало для неё одним из инструментов психологической защиты. Подобное «делегирование» воспоминаний связано с диссоциативным расстройством личности. Дополнительные личности могут периодически самостоятельно играть руководящую роль в сознании, вытесняя первоначальную личность. Обычно

смена личности с одной на другую происходит, когда человек сталкивается с раздражителями, которые изначально привели к созданию данных личностей.

Сивилла не могла устроить свою жизнь (профессиональную, личную, семейную), с этой проблемой она начинает посещать сеансы психоанализа доктора Уилбур, которая со временем углубляется в историю проблемы пациентки и помогает ей разобраться в себе. Сивилла проходит через большое количество испытаний, разочаровывается, пытается покончить с собой, но в итоге с помощью доктора Уилбур ей удаётся справиться с расстройством и стать полноценным человеком. История доктора Уилбур повествует об экспериментальном поиске метода лечения пациентки, здесь также есть свои победы и поражения, сюжетные перипетии и их разрешения. Играя формальную роль обрамления, эта история выходит за пределы функции обрамления и вырастает в самостоятельный сюжет, едва ли не более значимый, чем «внутренний» по отношению к нему сюжет Сивиллы. Мы сосредоточим основное внимание именно на последнем.

Сюжет повествования (а именно события и история, о которых пишет В. Шмид [8]) имеет, как уже отмечалось, реальную основу, он не является плодом авторского вымысла, как это происходит в собственно художественной литературе. Таким образом, его связь с архетипическим сюжетом представляется неочевидной.

Несмотря на высказанное нами сомнение, мы находим, что сюжет Сивиллы вполне поддаётся делению на четыре фазы архетипического сюжета, о которых мы говорили ранее. Фаза обособления, назовем её частью (1), открывает роман. В ней девушка покидает университетское занятие, оставив своих одноклассников, что можно интерпретировать как уход от своего общества, своей родины; после она оказывается одна на тёмной улице городских доков. Необходимо обозначить и необычную причину ухода (Сивилла не может перенести звук разбившегося стекла и запах лекарств), что уже выделяет её из общей картины. Дальнейшие события этого эпизода только поддерживают основание первой фазы (Сивилла часто уходит «в себя», она сталкивается с экстраординарным и необъяснимым – потерянные пять дней, незнакомая девушка за стойкой регистрации, которая знает её), отдаляя Сивиллу от обычного мира, выделяя протагониста на фоне других персонажей.

Фаза партнёрства включает в себя эпизоды из жизни Сивиллы вплоть до попытки самоубийства, это большая часть романа. Назовём это частью (2). События части (1) находятся в проlepsисе по отношению ко второй части, то есть после фазы обособления героиня вспоминает прошлое, и история продолжается с момента её жизни в родительском доме перед началом самостоятельной жизни. Главный помощник Сивиллы – доктор Уилбур. Вся деятельность доктора направлена на помощь пациентке. Вместе они подвергаются испытанию – попыткам вспомнить прошлое девушки и разобраться в нём. Альтернативные личности Сивиллы также вступают с ней в отношения партнёрства / вражды – очередным испытанием становится налаживание отношений с другими личностями, которые не только не разделяют общих взглядов, но и намеренно ведут себя эгоистично. Характер отношений с родителями также подвержен ретроспективе. Отец и мать представляются также в качестве вредителей, силы с отрицательным зарядом. Эти испытания постепенно очерчивают характер Сивиллы. Психологизм проявляется в различиях и сходствах между ней и другими личностями, которые являются частью неё, что можно интерпретировать как борьбу с самим собой.

Лиминальная фаза растягивается на несколько эпизодов, её проявления разнородны. Назовём все события, которые относятся к этой фазе, частью (3). С одной стороны, это событие встречи со смертью: изначально это сон о кошке с оторванной головой, которую Сивилла пытается выкинуть в реку, который предвосхищает эпизод с попыткой самоубийства. Сам эпизод становится поворотным в истории романа, однако события, следующие за ним, также содержат семантику убийства/ самоубийства. Речь идёт о лечении диссоциативного расстройства идентичности, при котором необходимо интегрировать все личности в одну, что в эгоистическом понимании для них означает остановку существования, то есть смерть. Другими словами, Сивилла и другие личности понимают, что ей придётся лишиться их жизни, чтобы девушка могла вылечиться. Также при более вольной интерпретации лиминальной стадии, мы можем отнести сюда метафоричную смерть матери Сивиллы, которая умерла давно во временной линии жизни Сивиллы, однако главная героиня вербально материализует акт убийства «...I want to kill my mother. Even if she is my mother. I want her dead! I hate her, do you hear? I HATE HER!» [1, с. 339].

Стадия преобразования включает в себя события, разрешающие поставленные ранее психологические проблемы: диссоциативное расстройство идентичности, отрицание своей сексуальности, неуверенность, боязнь звука разбитого стекла, влечение к отцу, отношение к Богу. Все эти события мы обозначим как часть (4). Сама постановка этих проблем относит нас к сущности человека, к его правам. Права в контексте «Сивиллы» не стоит воспринимать как социальные законы, здесь это скорее личное право существовать с другими людьми в одном обществе. В ситуации диссоциативного расстройства человек становится за пределами обычных психологических барьеров. Ситуация раздвоения личности с её запутанной психологической стороной и слабым проявлением в реальности позволяет поставить вопросы о границах человеческих возможностей, также вопросы о том, можно ли считать человека с множественной личностью полноценным и являются ли другие личности, созданные в материнском сознании, людьми. Новые личности преодолевают как физиологические (внешний вид в сознании), возрастные (обычно личности – это дети, поскольку они создаются в таком возрасте и не вырастают, пока их носитель подчиняется течению времени), так и гендерные барьеры (создаются личности противоположного пола).

На передний план в стадии преобразования как наиболее значимые выступают две проблемы: диссоциативное расстройство и отрицание своей сексуальности. Они указывают на две важные стороны личности: человек не может быть полноценным, если его сознание фрагментарно; в то же время женщина не может быть полноценной, если она не в состоянии завести детей. По сюжету романа болезнь завершается появлением семнадцатой личности – Новой Сивиллы, объединяющий в себе всё более ранние состояния «я»; несмотря на то, что Сивилла упускает шанс остаться с любимым человеком, в ней звучит определённая уверенность в себе и своей возможности быть женой.

Отметим, что построение сюжета, при котором событие в начале повествования предвосхищает остальное действие, не является чем-то новым для европейской прозы. Такое начало *in medias res* стало обычным приёмом для европейского эпоса, а корни его можно найти уже в «Илиаде», когда ссора Агамемнона и Ахиллеса предвосхищает описанные далее события.

Фазы в сюжете, все с первой по четвёртую, выстроены в соответствии с архисюжетом. В них прослеживаются как схожие функции, так и параллели содержания. Возвращаясь к вопросу об уместности рассмотрения структуры романа, если мы имеем дело с жанром нон-фикшн, нельзя не отметить, что части (1) и (2) были инверсированы. Хронологически события части (1) – эпизод с лекцией – занимают место где-то в середине части (2). Добавим ещё тот факт, что героиня регулярно восстанавливает события своей жизни на сеансах психоанализа, что описано в части (2). Если бы мы восстановили хронологический порядок, то столкнулись бы с историей детства героини, что описано как части психоанализа фазы (2), потом с историей самостоятельной жизни и историей лечения, что описано в части (2), а часть (1) не стояла бы в самом начале. Все события, наталкивающие на причину болезни, были смещены во (2) часть романа. Мы можем предложить объяснение такой реконструкции, основываясь на взаимодействии с общекультурным архисюжетом, который во второй своей фазе предполагает наличие испытаний, а в первой – указание отправной точки. В случае с событийной организацией сообразно фабуле, фазы (3) и (4) остались бы на своих местах, однако фазу отстранения составили бы события детства Сивиллы (Сивилла отлична от другого мира, поскольку она пережила насилие в семье), а фазу партнерства – события психоанализа (испытание – посещение психоаналитика и борьба с другими «я»). В перевёрнутом начале отправной точкой становится ненормальность Сивиллы, её заболевание, потеря времени, а фаза (2) – поиск причин заболевания, борьба с ними и взаимодействие с наставником. Рассуждая таким образом, можно подтвердить нарративный творческий акт, направленный на актуализацию борьбы с травмирующими воспоминаниями. Фокус в таком случае нацелен на психологическое состояние человека. В начале романа ставится проблема – ненормальность Сивиллы, а испытания полностью сосредоточены на борьбу с этой ненормальностью. Если бы мы предположили обратное построение сюжета (подобное фабуле), оно бы акцентировало социальную сторону проблемы (насилие над ребёнком в семье; причина возникновения заболевания здесь была бы дана изначально, она не являлась бы загадкой, которую необходимо разгадать).

Сюжет доктора Уилбур не связан с анахронией, он разворачивается последовательно. Герои-

ня этого сюжета также проходит своё испытание, связанное с возможной неудачей метода лечения, однако её случай – это история зрелой личности, которая выполняет в некотором смысле функцию творца в отношении жизни Сивиллы, поэтому стадии архаичного сюжета здесь практически не прослеживаются.

Подытоживая вышесказанное, мы можем предположить, что творческий процесс автора не был нацелен на осознанное использование архетипической формы построения сюжета. Учитывая её распространённость, скорее всего конструкция сама выдвинула себя как наиболее подходящая для организации этого сюжета. Параллели с архисюжетом в отношении сюжета Сивиллы представляются очевидными. Конструкция «обособление-партнерство-пограничность-преображение» доказывает свою эффективность в эпическом жанре тем, что она может принять современное содержание и сохранить нужный посыл, где конструкция подсказывает читателю, как правильно расшифровать сообщение. Анахронии позволяют выстроить последовательность, в которой читатель дви-

жется от проблемы заболевания к его причине, а далее переходит к решению проблемы – это выстраивает сюжет таким образом, что концентрация внимания приходится на психическое состояние главной героини, а не на социальную сторону вопроса. Во многом понимание взаимодействия отдельного произведения и архисюжета помогает увидеть отдельные компоненты в качественно новом свете, например, главных героев не как больного и врача, а как героя и наставника, что позволяет говорить о подчинённости художественно-документального романа, каким является «Сивилла», характерным для художественной литературы законам сюжетосложения.

В то же время, архетипический сюжет актуален только в отношении пациентки и не сохраняет своей значимости в отношении истории доктора, которая связана в определённом смысле с её демиургической функцией. Особенности построения романа обусловлены его новаторской идеей соединения сюжета психоанализа с биографическим сюжетом.

Список литературы

1. Schreiber F.R. Sybil. NY: Warner Books, Inc., a Time Warner Company, 1973, 392 p.
2. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М., 1989. С. 300–307.
3. Кэмпбелл Д. Тысячеликий герой. М.: АСТ, 1997. 384 с.
4. Пропп В.Я. Морфология сказки. Ленинград: Academia, 1928, 152 с.
5. Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии: В 2 т. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2001. С. 208–217.
6. Тюпа В.И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А.П. Чехова). Тверь: Тверской гос. университет, 2001. 58 с.
7. Шкловский В.Б. Искусство как приём // О Теории прозы. М.: Круж, 1925, С. 7–20.
8. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

Сведения об авторах:

Елистратов Владислав Эдуардович – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Казанского (Приволжского) Федерального Университета. Сфера научных и профессиональных интересов: нарратология, теория литературы, литература США. E-mail: yelistratovvlad@gmail.com.

Хабибуллина Лилия Фуатовна – профессор кафедры русской и зарубежной литературы Казанского (Приволжского) Федерального Университета. Сфера научных и профессиональных интересов: английская литература, национальный миф в литературе, проблема травматического опыта в литературе. E-mail: fuatovna@list.ru.

PROTOPLOT IN MODERN LITERATURE (CASE STUDY OF SYBIL BY F.R. SCHREIBER)

Vladislav E. Elistratov, Liliya F. Khabibullina

Kazan Federal University,
420008, Kazan, ul. Kremlevskaya, 18

The Abstract: *The article focuses on the structural peculiarities of Sybil by Flora Rheta Schreiber (1973), the plot structure in particular. The novel has become one of the first non-fiction interpretations of a life of a character suffering from a dissociative identity disorder (multiple identity disorder). It is possible to highlight the phases of a character development by analogy with phases of archetype models in myths and fairy tales. The story of Sybil reminds of many other stories, but it has a renewed content. The phases of a character's life cycle (such as Departure, Partnership, Liminal phase and Transformation) remain unchanged, which proves that the basis of folk culture is relevant for modern literature. Interruption of the flow of events can be seen as one of the main building blocks of narration. Narratology deals with interpretation of deviations in chronological descriptions of events. The break in chronology in the novel is connected with psychoanalytical underpinning of the novel. Psychoanalysis is aimed at finding the reasons of the distress in the past. That explains why the symptoms come before the reasons in the novel.*

Key Words: *American literature, F.R. Schreiber, narratology, plot, structure, archiplot, monomyth, non-fiction*

References

1. Schreiber F.R. Sybil. NY: Warner Books, Inc., a Time Warner Company, 1973. 392 p.
2. Veselovskiy A.N. Istoricheskaya Poetika [Historical poetics] M., 1989. pp. 300-307.
3. Campbell Dj. Dj. Tysyachelikiy geroy [The hero with thousand faces] M.: AST, 1997. 384 p.
4. Propp V.Ya. Morfologiya Skazki [Morphology of fairy-tale]. Leningrad: Academia, 1928. 152 p.
5. Frazer J. G. Zolotaia vetv: issledovanie magii i religii v 2 t. [The Golden Bough: A Study in Magic and Religion in 2 volumes] M.: TERRA – Knizhnyy Klub, 2001. pp. 208-217.
6. Tjupa V.I. Naratologiya kak analytika povestvovatel'nogo discursa [Narratology as analytics of narrative discourse]. Tver: State University of Tver, 2001. 58 p.
7. Schklovskiy V.B. Iskusstvo kak priem // O teorii prozy [Art as an artistic mean // Theory of prose]. M.: Krug, 1925. pp. 7-20.
8. Schmid W. Narratologiya [Narratology]. M.: Yazyki Slavyanskoy Culture [Languages of Slavic Culture]. 2003. 312 p.

About the authors:

Vladislav E. Elistratov – post-graduate student at the Department of Russian and World Literature, the Kazan Federal University. Spheres of research and professional interest: narratology, theory of literature.
E-mail: yelistratovvlad@gmail.com.

Khabibullina Liliya Fuatovna – Professor at the Department of Russian and World Literature of the Kazan Federal University. Spheres of research and professional interest: English literature, national myth in literature, the problem of traumatic experience in literature. E-mail: fuatovna@list.ru.

* * *

РОЛЬ ФЕНОМЕНА СЕСТРИНСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЭМИ ТАН И ЧЕН РАН

Е.М. Караваева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье рассматривается художественный опыт освоения проблемы сестринства в произведениях современной китайской писательницы Чен Ран и американки китайского происхождения Эми Тан, а также анализируются социальные и исторические реалии двух стран – Китая и Америки. Сравнительный анализ позволяет выявить различия в восприятии феномена сестринства в произведениях писательниц. Автор статьи приходит к выводу, что авторы рассматривают сестринство как продолжение материнской любви, источник поддержки и зеркальное отражение общности женщин, однако расставляют различные приоритеты в отношении роли сестринства в становлении идентичности героинь. Тан ассоциирует сестринство с материнским наследием женщин и реализацией их истинных личностных ценностей. В произведениях Ран сестринство выступает катализатором, пробуждающим чувственную энергию героинь. Попытка изучения творчества Чен Ран и Эми Тан с применением сравнительного анализа может служить отправной точкой для дальнейших исследований литературных произведений в контексте межкультурной коммуникации для более глубокого понимания взаимодействия культур в современном глобальном пространстве.

Ключевые слова: сестринство, феминистская литература, поиск идентичности, Чен Ран, Эми Тан

Среди тенденций современной прозы можно отметить появление большого количества женщин-писателей. В конце XX – начале XXI века они претендуют на лидирующие роли в литературе и подвергают новой трактовке проблемы материнства, взаимоотношений матерей и дочерей, женской дружбы и феномена сестринства. Сестринство, понимаемое как взаимосвязь женщин, основанная на дружбе и солидарности, выступает основным мотивом в прозе современной китайской писательницы Чен Ран и американской писательницы китайского происхождения Эми Тан. Для их героинь именно сестринство становится источником утешения и спасения, помогает найти самовыражение в качестве творческих личностей, обрести собственное пространство, не ограничиваемое навязанными параметрами и критериями.

В данной статье мы рассмотрим художественный опыт освоения проблемы сестринства в творчестве Чен Ран и Эми Тан. С этой целью представляется важным проанализировать социальные и исторические реалии двух стран – Китая и Америки. Сравнительный анализ позволит выявить различия в восприятии феномена сестринства в произведениях писательниц.

В условиях глобализации, включающей культурное разнообразие и межкультурную коммуникацию, сравнительное литературоведение играет всё более заметную роль в попытках расширить наше представление об общности и различиях между культурами. Анализируя произведения Чен Ран и Эми Тан, можно смело говорить об общих мотивах: болезненная самоидентификация героинь, определение собственного «я», вызов патриархальной культуре. Обе писа-

тельницы – влиятельные фигуры в современной литературе. Обе обрели славу в 90-е годы прошлого века и по-прежнему активно занимаются творчеством. Чен Ран – яркая представительница авангарда китайской женской литературы, чьи работы вызвали бурную реакцию, – как со стороны критиков, так и простых читателей. К сожалению, российскому читателю имя Чен Ран малоизвестно, поскольку все её произведения написаны на китайском языке, и лишь некоторые переведены на английский язык, включая рассказы «Солнце на губах» (“Sunshine between the lips”), «Наружу» (“Breaking Open”) и роман «Частная жизнь» (“A Private Life”). Эми Тан – известная американская писательница китайского происхождения, завоевавшая популярность в Америке и других странах мира. Хотя Эми Тан на десять лет старше Ран, она начала литературную деятельность лишь в 33 года, потому принадлежит фактически к тому же поколению писателей, что и Чен Ран. С момента публикации своего первого романа «Клуб радости и удачи» (“The Joy Luck Club”) в 1989 году, – она выпустила не менее успешные произведения «Жена бога кухни» (“The Kitchen God’s Wife”), «Сто тайных чувств» (“The Hundred Secret Senses”), «Дочь костоправа» (“The Bonesetter’s Daughter”) и «Спасение утопающих» (“Saving Fish from Drowning”). Её романы переведены на 36 языков, а «Клуб радости и удачи» лёг в основу фильма, который принёс Тан мировую известность. Кроме того, обе писательницы занимают активную позицию в вопросах межкультурных связей, выступают за повышение статуса женщин азиатского происхождения и усиление их позиций на мировой арене. Именно истории женщин становятся основой их произведений.

В своих исследованиях автор статьи уже обращался к теме феминистской литературы и подробно рассматривал вопросы женского движения, которое «возможно, является ключевым историческим событием, вызвавшим пересмотр современной концепции семьи» [1, с. 42]. Призыв феминисток к всеобщему сестринству в 70-х годах XX века должен был объединить женщин всего мира, чтобы противостоять традиционалистскому обществу. В литературе идея сестринства воплощает желание женщин обрести духовную независимость, признание и поддержку. В работе “The Bonds of Womanhood” Нэнси Ф. Котт рассматривает сестринство как социальную модель женского сообщества в Новой Англии в 1780–1835 годах. Доступные

для исследования дневники и письма молодых женщин того времени свидетельствуют о существовании «модели дружеских отношений, в которой женщины находили эмоциональную поддержку и безопасность» [4, с. 173]. К началу XIX века женская дружба приобрела новое значение, формируя отношения равных партнёров. Дружба помогала женщинам обрести равенство и выразить собственную индивидуальность. Котт признаёт, что взаимная привязанность женщин символизирует становление гендерной идентичности. Обнаруживая личные таланты, определяя собственные потребности и взгляды, женщины осознают, что для того, чтобы избежать навязанного мужчинами чувства второстепенности, им необходимо набраться мужества и обозначить собственные гендерные характеристики. С одной стороны, сообщество сестёр обеспечивало женщин необходимой поддержкой, с другой – наделяло практической силой в области социальных отношений. Феминистки предложили новую модель семьи, основанную на психологической, биологической и культурной идентичности.

Теоретическое определение сестринства как взаимосвязи женщин, основанной на любви, солидарности и осознании собственного угнетения, и как средства обретения голоса, позволяет нам рассмотреть художественное воплощение этого феномена в литературе. Героини произведений Ран и Тан, сталкиваясь с тиранией мужского мира, испытывают боль и разочарование. Они обращаются за помощью к подругам, испытывая унижение и угнетение, и обретают собственную идентичность.

Рассматривая феномен сестринства в произведениях Эми Тан и Чен Ран, необходимо подвергнуть анализу не только схожие черты и различия художественного воплощения сестринства в их творчестве, но и найти им обоснование с точки зрения западной и китайской культурной традиции. В женской дружбе героини обеих писательниц находят гармонию, спокойствие и материнскую любовь. Если у Ран сестринство способно излечить душевные раны, нанесённые мужчинами, в романах Тан связь между героинями, страдающими от ужасов войны, обещает им надежду на светлое будущее и осуществление желаний.

В романе Чен Ран «Частная жизнь» главная героиня – девочка-подросток Ни Ну – в стремлении дать выход чувству сопротивления патриархальному доминированию совершает

«ужасное преступление» – портит брюки отца. Девочка убегает из дома и бесцельно бродит по улицам, испытывая одиночество во враждебном мире, населённом людьми, похожими на «волков в человеческом обличье», в мире, частью которого она стать не может, поскольку для этого ей самой надо стать «женщиной-волком» [6, с.37]. Нуну неожиданно вспоминает о вдове Хо, соседке «с прекрасным чарующим голосом», которая всегда сидит во дворе и ждёт, когда девочка вернётся из школы. Как только Нуну входит в дом Хо, её «напряжение уходит, уступая место чувству целостности» [6, с. 38]. Молодая вдова, на десять лет старше Нуну, даёт девочке ощущение безопасности и надежду на будущее: «Она была словно луч света в моей унылой пресной жизни. В ней я обрела сердечную подругу, которая смогла занять место матери. Когда она была рядом, мне было спокойно и радостно, даже если мы молчали. Это чувство словно озаряло меня изнутри» [6, с. 78]. Именно вдова Хо дарит Нуну любовь и понимание, которые девочка стремилась получить от матери, в свою очередь страдающей от тирании мужа. Когда девочка болеет, вдова Хо заботится о ней, как любящая мать, отдавая свою любовь и нежность: «Она [Хо] была готова броситься ко мне на помощь в ту же секунду, ухаживать за мной, защищать меня от боли и несчастий, которые могут мне угрожать» [6, с. 83]. Когда у матери Нуну возникают проблемы со здоровьем, – и девочка страдает от растерянности и бессилия, она сразу же бежит к вдове Хо, чтобы поплакать на её плече: «Я очень хорошо знала это плечо. С тех пор как была маленькой. Казалось, что эти мягкие, но сильные плечи всегда поддерживали меня, по мере того как я становилась взрослой»

[6, с. 142]. Н. Чодороу объясняет женскую потребность в любви и чувстве единения следующим образом: «Для женщин, особенно воспитанных в семьях, где доминирует мужчина, характерно стремление найти любовь и эмоциональное вознаграждение со стороны других людей из-за неспособности отцов выражать свои чувства, а также из-за отношений девочек с матерями» [3, с. 233]. По мнению Чодороу, «одним из способов решить эту проблему и воссоздать связь «мать – дочь», тем самым способствуя самоопределению женщины, может стать создание и поддержание дружеских отношений с другими женщинами» [3, с. 234]. Испытывая постоянную угрозу со стороны отца и подвергаясь унижению со стороны учителя – господина Ти, Нуну стре-

мится к материнской любви как к священному началу. Её бунтарская натура не находит надежды на спасение в смирении, подобно матери. Нуну направляет свою любовь в сторону вдовы Хо, которая окружает девочку теплом и нежностью и становится символом материнской любви.

В романе Эми Тан «Клуб радости и удачи» сестринство также восполняет утрату материнской любви. Именно смерть матери Джун – главной героини романа – даёт импульс к её встрече с сёстрами, когда они не только узнают друг в друге сестёр, но и открывают образ матери: «Мы стоим обнявшись, смеёмся и вытираем друг другу слёзы. Нас ослепляет вспышка поляроида, и папа вручает мне снимок. Притихнув, мы с сёстрами, не отрываясь, смотрим за тем, что на нём происходит. На серо-зелёной поверхности проступают яркие пятна наших лиц, одновременно прорисовывающихся и обретающих глубину. И хотя никто ничего не говорит, я знаю, что мы всё это видим: из трёх наших лиц составляет одно – мамино. Её губы, её глаза, увидевшие наконец-то, как сбывается её заветное желание» [2, с. 414]. Тема поиска материнской любви получает продолжение во втором романе Тан «Жена бога кухни». Главная героиня Винни, спасаясь от бомбёжки, теряет в толпе свою подругу Хелен. В отчаянии девушка кричит «мама». Слово само срывается с губ, хотя мать Винни бросила её много лет назад: «Я пробиралась сквозь толпу, звала мать, искала Хелен» [7, с. 216]. Когда Винни почти теряет надежду, считая, что подруга погибла, та неожиданно приходит ей на помощь. Хелен подъезжает к Винни на телеге и протягивает ей палку, чтобы Винни могла ударить любого, кто попытается отобрать у них средство передвижения. Много лет спустя, когда Хелен снова помогает подруге, обещая избавить её от ненавистного брака, та испытывает к ней почти дочернюю любовь и обнимает подругу, «как ребёнок свою мать» [8, с. 310]. Похожая сцена описана у Тан в романе «Дочь костоправа». Прочитав письмо сводной сестры Гао Линь, первой уехавшей в Америку и приложившей много усилий для того, чтобы сестра смогла иммигрировать, Лу Линь ощущает себя «ребёнком, которого взволнованная мать ведёт за руку» [8, с. 296]. В зрелом возрасте, когда Лу Линь ставят диагноз, болезнь Альцгеймера, сестра снова приходит на помощь и заботится о ней. Ещё одним примером воплощения материнской любви в сестринстве может служить образ мисс Грутоф, воспитательницы из приюта для сирот, в котором росли

сёстры: «Мы любим мисс Грутоф. Она нам как мать и сестра» [8, с. 274].

В произведениях Чен Ран и Эми Тан сестринство, воплощённое в форме женского доверия и дружбы, даёт героиням ощущение материнской любви и способность противостоять агрессивному миру. Яркой схожей чертой произведений писательниц в изображении феномена сестринства является самоидентификация героинь, реализованная в общих мечтах и секретах, которыми они делятся с подругами. Сестринство, словно зеркало, отражает желания и переживания каждой из героинь и позволяет им обрести идентичность. В романе Ран «Частная жизнь» дружба между Нуну и вдовой Хо – женщинами разных поколений – характеризуется общими интересами. С раннего детства Нуну знает о любви соседки к книгам и со временем тоже увлекается чтением: «Мы часами говорили о литературе и жизни». Обе увлекались зарубежными писателями, Борхес, Джойс, Кафка, По и Фолкнер были в их числе, но особенно близким была И Ли, они разделяли её «женский взгляд на жизнь» [6, с. 119-120]. Для вдовы Хо, страдающей от одиночества и болезней, Нуну является «спасением и будущим» [6, с. 35], воплощая её мечту о бунтарской натуре и даря надежду на будущее. В свою очередь, для девочки вдова Хо открывает самые потаённые уголки её души и становится «зеркалом, в котором Нуну может видеть саму себя» [6, с. 122]. Подобно героиням романа Ран, матерей «клуба радости и удачи» также объединяют трагедия войны и общая мечта начать новую жизнь. Вместо того, чтобы «сидеть и покорно ждать собственной смерти с подобающими случаю мрачными лицами», они решают «выбирать свою судьбу». Каждую неделю они отмечают «нечто вроде Нового года», чтобы «можно было оставить в прошлом все невзгоды» [2, с. 23]. По очереди каждая героиня устраивает ужин: «Чтобы задобрить судьбу, хозяйке полагалось подавать особую еду дьяньсюнь: пирожки в форме серебряных слитков, длинную рисовую лапшу, удлиняющую жизнь, варёный арахис, помогающий зачинать сыновей, и, конечно, апельсины, от которых жизнь становится изобильной и сладкой» [2, с. 21].

Героини оставляют у себя за спиной, в Китае, трагедии, о которых они не в силах говорить. Но в клубе радости и удачи женщины противопоставят злой судьбе, играя в маджонг и рассказывая друг другу истории «про хорошие времена, которые уже прошли, и хорошие времена, которые

ещё придут» [2, с. 22]. Такая же мечта о будущей счастливой жизни и общая судьба, полная страданий и несчастий, связывает подруг Винни и Хелен на протяжении всей жизни. Девушки «связаны судьбой» до такой степени, что считают себя больше, чем сёстрами. Винни признаётся, что они с Хелен хранили секреты друг друга. «Мы так преданы друг другу, что в этой стране [Америке] даже нет слова, чтобы выразить это», – говорит она [7, с. 73]. Воплощением их мечты, «которая сотрёт все несчастья», становится цветочный магазин, который подруги открывают после того, как Хелен теряет работу, а у Винни погибает муж [7, с. 14]. Именно сестринство позволяет подругам осознать своё униженное положение в мире мужчин и даёт им силу искать духовной независимости, бросая вызов патриархальной системе. Героини Тан и Ран находят в сестринстве убежище от суровой реальности, оказывают друг другу поддержку в сложные периоды жизни и делятся тайными мечтами и желаниями. Хотя отношения героинь полны самых противоречивых чувств, а их дружба часто подвергается критике со стороны общества, обе писательницы, хотя и с разными акцентами, наделяют сестринство способностью помочь женщине обрести собственную идентичность. Чен Ран занимает более радикальную позицию, подчёркивая силу сестринства как средства выражения женской сексуальности, способного нарушить традиционную гендерную модель взаимоотношения полов. В романе «Частная жизнь» превращение главной героини Нуну из наивной и незнающей девочки-подростка в уверенную женщину происходит благодаря влиянию её подруги И Ксу – единственной в классе, кто с ней разговаривает. Будучи на три года старше, И Ксу – привлекательная и уверенная в себе девушка. Несмотря на инвалидность, полученную в результате перенесённого полиомиелита, И Ксу «наслаждается собственной чувственностью, не стремится прятать округлившиеся формы и призывно покачивает бёдрами» [6, с. 57]. Нуну твёрдо убеждена, что именно подруга «указывает ей путь в жизнь взрослой женщины» и помогает развить в себе женскую привлекательность и сексуальность [6, с. 68].

В романах Эми Тан сестринство выступает катализатором для пробуждения духа независимости и становления женщины на путь самоопределения. Например, в романе «Жена бога кухни» самосознание Винни развивается именно благодаря подругам, особенно Хелен. Несмотря

на то, что Хелен – лучшая подруга Винни, она – человек совсем иного склада. В отличие от безропотной Винни, Хелен «всё подстраивает под себя» и открыто высказывает своё мнение [7, с. 192]. Под влиянием подруги Винни становится сильнее и постепенно учится противостоять духовному рабству, навязанному её мужем Вен Фу. Например, она не боится сказать, что его любимое блюдо из сладкой капусты на самом деле горчит, даже под угрозой того, что ей придётся есть только его в течение двух недель. Противостояние неожиданно оканчивается полной победой Винни, чей «желудок оказывается прочнее его характера» [7, с. 282]. Этот случай может казаться незначительным эпизодом, однако для Винни он имеет особое значение: «Если бы я не боролась, не означало бы это, что жизнь окончена?» [7, с. 282]. Постепенно пессимизм и подавленность Винни уступают место уверенности и надежде.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что Эми Тан и Чен Ран рассматривают сестринство как продолжение материнской любви, источник поддержки и зеркальное отражение общности женщин. Однако, когда речь заходит о роли сестринства в становлении идентичности героинь, писательницы расставляют различные приоритеты. Тан ассоциирует сестринство с материнским наследием женщин и реализацией их истинных личностных ценностей. В произведениях Ран сестринство выступает катализатором, пробуждающим чувственную энергию героинь. Для того, чтобы объяснить эти различия, необходимо рассмотреть социальные особенности двух стран и восприятие понятия сестринства в китайской и американской культуре.

Китайская культура традиционно демонстрировала достаточно терпимое отношение к понятию сестринства. Практика полигамии, широко распространённая вплоть до окончания правления династии Цин, не только допускала, но и поощряла дружеские отношения между женщинами, наложницами и служанками, – для поддержания стабильности в семье и обществе [5, с. 215]. Однако необходимо отметить, что существование сестринства в китайской культуре – лишь очередное свидетельство принижённого положения женщины в феодальном обществе. Все упомянутые героини оказываются в ловушке навязанного замужества или же просто становятся жертвами патриархального устройства общества. Лишь в 20-е годы XX века женщины получают доступ к образованию и некоторой

экономической независимости, и, как следствие, наблюдается рост сознания женщины как самостоятельной личности. Спустя несколько десятилетий сексуальная жизнь женщины становится предметом открытого общественного разговора, на китайский язык переводятся многие западные работы по сексологии [5, с. 216]. Сестринство, как оно представлено в творчестве Чен Ран, вполне вписывается в контекст подобных работ, выводящих это понятие за рамки чистой духовной общности, базирующейся на общей несчастной судьбе женщин. Признавая влияние западного феминизма, Чен Ран решительно выступает против гетеросексуальной гегемонии и считает эротические желания женщин неотъемлемым компонентом в процессе создания женской идентичности. По сравнению с Китаем, американское общество достигло большего прогресса в вопросах признания прав сексуальных меньшинств, начиная ещё с конца 1940-х годов. В 1960-х наблюдается ещё большее ослабление цензуры и появляется значительное число литературных произведений, открыто поднимающих эти темы. Успех романов Элис Уолкер и Ли Линч в 1980-х укрепляет данную маргинальную традицию в американской литературе.

Анализ социокультурных особенностей двух стран позволяет объяснить разницу в подходах к понятию сестринства. Чен Ран отводит сестринству главную роль как средству, с помощью которого героини могут обнаружить собственные сексуальные желания и разрушить традиционные гендерные роли. В свою очередь, Эми Тан, выросшая в культуре, гораздо более открытой к секс-меньшинствам, отводит сестринству более важную роль в объединении женщин, особенно пожилых героинь, приехавших из Китая в Америку, с тем, чтобы те могли обрести силу бороться против феодальной патриархальности. Будучи американкой китайского происхождения, Тан намеренно обращается к своим этническим корням. Для неё сестринство способно восстановить не только родственную связь между дочерьми, рождёнными в Америке, и их матерями из Китая, но и связь между культурами двух стран.

Попытка изучения творчества Чен Ран и Эми Тан с применением сравнительного анализа может служить отправной точкой для дальнейших исследований литературных произведений в контексте межкультурной коммуникации для того, чтобы обрести более глубокое понимание взаимодействия культур в современном глобальном пространстве.

Список литературы

1. Караваева Е.М. Конфликт поколений в романах Максин Хонг Кингстон и Эми Тэн: к проблеме поиска идентичности в азиатско-американской литературе США последней трети XX века: дисс. канд. филол. наук. М.: МГОУ, 2009. 157с.
2. Тан Эми. Клуб радости и удачи. Клуб радости и удачи: Роман / Пер. с англ. О. Савоскул. СПб.: Амфора, ТИД Амфора, 2007. 414с.
3. Чодороу Н. Воспроизводство материнства: Психоанализ и социология гендера / Пер. с англ. Гиль Сон И. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. 496с.
4. Cott, Nancy F. The Bonds of Womanhood: "Woman's Sphere" in New England, 1780-1835. New Haven and London: Yale University Press, 1977. 221p.
5. Jing, H. Sisterhood across Cultures – with Reference to Chen Ran's and Amy Tan's Fiction// Intercultural Communication Studies. Volume XXI: 2, 2012. p. 201-218.
6. Ran, Ch. A Private Life. Howard-Gibbon, Trans. New York: Columbia University Press, 2004.
7. Tan, A. The Kitchen God's Wife. New York: Ivy Books, 1991. 532p.
8. Tan, A. The Bonesetter's Daughter. New York: G. P. Putnam's Sons, 2001. 353p.

Сведения об авторе:

Караваева Екатерина Михайловна – кандидат филологических наук (специальность 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (литература народов Европы и Америки), доцент кафедры английского языка №2, МГИМО МИД России (Россия, Москва). E-mail: gazoprovod-24@yandex.ru.

THE PHENOMENON OF SISTERHOOD IN AMY TAN'S AND CHEN RAN'S WRITING

E.M. Karavaeva

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

The Abstract: *Sisterhood, which is defined as a close bond among women that accommodates female friendship and affection, is a major motif in the fiction of contemporary Chinese woman writer Chen Ran and Chinese American writer Amy Tan. In their story telling from female perspectives, both writers touch upon, although with different emphasis, sisterhood as a source of women's consolation and salvation. The article conducts a thematic comparison of the two writers' portrait of sisterhood, the affirmation of which is a powerful means to revolt against male hegemony. The analysis of Chinese and American socio-historical realities is also carried out to account for the variations of the role that sisterhood plays in Chen Ran's and Amy Tan's writing. It is hoped that more textual-based studies of intercultural communication could be conducted to gain a deeper understanding of the interactions among different cultures in today's global society.*

Key Words: *sisterhood, feminist literature, self-identity search, Chen Ran, Amy Tan*

References

1. Karavaeva E.M. Konflikt pokolenii v romanakh Maxin Hong Kingston i Amy Tan: k problemu poiska identichnosti v aziatsko-amerikanskoi literature poslednei treti XX veka [Generational conflict in the writing of Maxin Hong Kingston and Amy Tan: searching for identity]: diss. kand. philol. nauk. M.: MGOU, 2009. 157s.
2. Tan A. Klub radosti i udachi [The Joy Luck Club]: Roman / Per. s angl. O. Savoskul. SPb.: Amfora, TID Amfora, 2007. 441s.
3. Chodorow N. Vosproizvodstvo materinstva: Psichoanaliz i sotsiologia genдера [The reproduction of Mothering] / Per. s angl. Gil Son I. M.: «Rossiiskaia politicheskaia entsiklopedia» (ROSSPEN), 2006. 496s.
4. Cott, Nancy F. The Bonds of Womanhood: "Woman's Sphere" in New England, 1780-1835. New Haven and London: Yale University Press, 1977. 221p.
5. Jing, H. Sisterhood across Cultures – with Reference to Chen Ran's and Amy Tan's Fiction// Intercultural Communication Studies. Volume XXI: 2, 2012. p. 201-218.

6. Ran, Ch. A Private Life. – Howard-Gibbon, Trans. New York: Columbia University Press, 2004. 232s.
7. Tan, A. The Kitchen God's Wife. New York: Ivy Books, 1991. 532p.
8. Tan, A. The Bonesetter's Daughter. New York: G. P. Putnam's Sons, 2001. 353p.

About the author:

Karavaeva Ekaterina Mikhailovna – Ph.D. (Foreign Literature), Assistant Professor, MGIMO-University.
Email: gazoprovod-24@yandex.ru.

* * *

ДИРЕКТИВНЫЙ РЕЧЕВОЙ АКТ ПРИКАЗ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ФРИЦА ХОХВЕЛЬДЕРА «ПРИКАЗ»)

Т.С. Ларина

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

*В статье рассматривается директивный речевой акт **приказ** с целью выявления характеризующих его черт. Дается определение директивного речевого акта, проводится сравнение разных его типов. Совершая директивный (побудительный) речевой акт, один из коммуникантов стремится оказать воздействие на своего партнёра по коммуникации. Для воздействия на адресата с помощью речевой деятельности используются определённые языковые средства. В случае адекватного подбора языковых средств, а также соблюдения условий реализации речевого акта, коммуникация пройдёт успешно, что найдёт отражение в реакции адресата. В рамках исследуемого материала выделяются наиболее употребительные языковые средства для реализации директивного речевого акта **приказ**. Большой интерес представляет не прямой, а косвенный приказ, для успешной реализации которого необходимо учитывать определённые факторы. При помощи контент-анализа, семантического анализа, анализа прагматического контекста и моделирования мы попытались выделить факторы, которые влияют на коммуникацию при реализации директивного речевого акта **приказ**. Разработанная модель может быть полезна при дальнейшем исследовании разных видов речевых актов. Работа с моделью предполагает сравнительный анализ прямых и косвенных директивных речевых актов. Предлагаемая модель представляет собой ряд характеристик, являющихся релевантными для идентификации иллюкутивной силы высказывания, что, в свою очередь, помогает определить коммуникативную направленность высказывания, не ограничиваясь лишь пониманием общего смысла предложения. Модель даёт возможность чётко разграничить категории, описывающие социальные контексты. Предлагаемая модель может помочь выработать алгоритм действий, характерный для конкретных видов речевых актов.*

Ключевые слова: немецкий язык, директивный речевой акт, прямой речевой акт, косвенный речевой акт, приказ, контент-анализ, анализ прагматического контекста

В ситуациях межкультурного общения директивный (побудительный) речевой акт *приказ* представляет наибольшую «опасность» для адресата в случае его неправильной интерпретации. Причём неправильная интерпретация может быть вызвана не столько употреблением адресантом косвенного речевого акта, сколько наличием имплицитных (скрытых)

перформативов в составе совершаемого им речевого акта. Побуждение является основным типом речевого воздействия в процессе общения, поскольку непосредственно регулирует поведение собеседника, вызывая ответную речевую деятельность или определённое состояние [6, с.186]. Такие высказывания как, например, «Geh!» (*иди*) и «Ich befehle dir zu gehen!» (*я приказываю тебе*

идти), казалось бы, имеют одну и ту же практическую цель, которую можно было бы выразить в предложении «*Er befahl mir zu gehen*» (*он приказал мне идти*). Однако иллокутивная сила высказывания может быть установлена только тогда, когда коммуникативный контекст даёт информацию о том, имеет ли говорящий определённые обязательства, слушающий – определённые желания, производится ли действие в интересах слушающего и т. д. [3, с.15].

Целью нашего исследования является выявление набора черт, характеризующих директивный речевой акт *приказ*.

Для реализации поставленной цели исследования был сформулирован ряд задач:

- охарактеризовать значимость директивного речевого акта *приказ* для реализации успешной коммуникации;
- сравнить директивный речевой акт *приказ* с другими типами директивных речевых актов;
- выделить наиболее употребительные языковые средства для реализации речевого акта *приказ* (в рамках исследуемого материала);
- выработать модель анализа директивного речевого акта для выявления набора черт, его характеризующих.

Теоретическую основу исследования составили работы зарубежных и отечественных исследователей, занимавшихся вопросами речевых актов. Среди наиболее значимых следует упомянуть работы Дж. Остина, Дж. Серля, Т.А. Ван Дейка, Е.И. Беляевой, М.Д. Городниковой и Д.О. Добровольского.

Идеи Дж. Остина составляют ядро теории речевых актов. Дж. Остин представил речевой акт в виде трёхуровневого образования и разделил речевые акты на локутивные, иллокутивные и перлокутивные.

Идеи Дж. Остина были развиты его последователем Дж. Серлем, который представил иллокутивный акт как конвенциональное действие, подчиняющееся правилам. Дж. Серль предложил классификацию иллокутивных речевых актов и выделил пять базисных видов иллокутивных актов: репрезентативы (ассертивы), директивы, комиссивы, экспрессивы и декларации. Особое внимание Дж. Серль уделил исследованию косвенных речевых актов, а именно вопросу о том, каким образом понимание слушающим косвенного речевого акта становится возможным, если слышимое и понимаемое им предложение означает ещё нечто большее [7, с.195].

Согласно Т.А. ван Дейку, который является одним из основоположников теории текста, теории речевых актов и анализа дискурса, в качестве одного из основных компонентов общей теории коммуникативно-языкового взаимодействия выступает когнитивная теория употребления языка, которая объясняет, как происходит планирование, производство и понимание речевых актов. Когнитивная теория прагматики даёт объяснение нашей способности совершать и понимать речевые акты, а также «влиять» на это понимание [3, с.19].

Беляева Е.И. занимается изучением грамматики и прагматики побуждения в английском языке и даёт комплексное описание директивного акта, трактуя его как функционально-прагматическое поле, имеющее план содержания – коммуникативную интенцию говорящего, и план выражения – разнообразные языковые и речевые средства передачи директивной иллокутивной цели [2, с.3].

В качестве материала исследования была выбрана пьеса австрийского драматурга Фрица Хохвельдера «Приказ» (*Fritz Hochwälder „Der Befehl“*). Пьеса состоит из трёх действий. Старший инспектор полиции в Вене, шестидесятилетний Франц Миттермайер (*Franz Mittermayer*) получает приглашение от старшего советника полиции (*Oberpolizeirat*), к которому обратился директор одного из банков в Амстердаме, Ян де Годэ (*Jan de Gode*), чтобы отыскать человека, убившего его дочь 15 лет назад. Старший советник полиции поручает расследование Миттермайеру. Лишь жене Франца Миттермайера, Анне, известно, что 15 лет назад её муж проходил лечение от нервного расстройства, вызванного его службой в Амстердаме. В ходе расследования выясняется, что убийца и есть сам Миттермайер.

Данное произведение было выбрано для анализа реализации директивного речевого акта *приказ*, так как, во-первых, исследуемый феномен отражён в самом названии произведения, во-вторых, данное произведение является пьесой, а значит, мы можем проследить как языковые, так и внеязыковые установки, необходимые для реализации приказа в немецком языке.

Для достижения поставленной цели и решения поставленных задач были использованы следующие методы исследования:

- метод контент-анализа;
- метод семантического анализа и анализа прагматического контекста;
- метод моделирования.

С помощью контент-анализа текста мы выявили в содержании произведения Фрица Хохвельдера интересующие нас языковые факты. Семантический анализ позволил определить функцию исследуемого феномена *приказ*. Анализ прагматического контекста позволил определить характер речевого акта и его приемлемость в данной ситуации с точки зрения слушающего [3, с.19], а с помощью метода моделирования мы выделили факторы, которые влияют на коммуникацию при реализации директивного речевого акта *приказ* и выработать определённую модель исследования данных факторов.

В самом общем виде директивный речевой акт определяется как выражение волеизъявления говорящего, направленное на каузацию деятельности адресата, что означает, что в логической структуре директивного речевого акта есть компонент воли – Да будет так! [2, с.9]. В немецко-русском словаре речевого общения М.Д. Городниковой и Д.О. Добровольского выделяются следующие типы директивных (побудительных) речевых действий: просьба, указание, приказ, предложение, совет, угроза, запрет, упрёк [5, с.51-74].

Чтобы определить значимость директивного речевого акта *приказ* для реализации успешной коммуникации, необходимо более подробно разобраться в значении лексемы *приказ*. Немецкий толковый словарь DUDEN даёт следующее определение лексемы *приказ* (*Befehl*): *mündlich oder schriftlich gegebener Auftrag, der genau befolgt werden muss; Anordnung eines Vorgesetzten, einer höheren Instanz* [8] (*приказ*: обязательное к исполнению устное или письменное поручение; распоряжение начальника или высшей инстанции).

Из этого определения следует, что речевой акт *приказ* обычно совершается по отношению к лицам с более низким социальным статусом. Исполнение категоричного требования обязательно. Неисполнение может повлечь за собой санкции со стороны говорящего [5, с.61].

Прагматическая теория приписывает каждому высказыванию статус определённого речевого акта. Для верной идентификации директивных речевых актов и восприятия слушающим *приказа* именно в качестве *приказа*, а не *угрозы*, *просьбы*, *предложения*, *совета*, *запрета* или, например, *упрёка*, слушающему необходимо владеть информацией о том, что угрожающий всегда обладает властью, его требования отличаются категоричностью. Но, в отличие от *при-*

каза, *угроза* всегда реализуется в неформальной обстановке. *Просьба* является некатегоричным побуждением к действию, обязательность исполнения которого не подразумевается. *Предложение* чаще побуждает к совместному действию и выступает в качестве рекомендации партнёру определённого поведения, нежели в качестве категоричного требования. *Совет* – это побуждение, подразумевающее выбор из нескольких вариантов, где говорящий убеждён в преимуществе того или иного решения для партнёра. *Запрет* является побуждением НЕ выполнять какое-либо действие и влечёт за собой санкции. *Упрёк* употребляется к лицам с более низким социальным статусом и является выражением недовольства поведением собеседника [5, с.51-110].

Из произведения Фрица Хохвельдера методом контент-анализа нами был выделен 61 пример директивного речевого акта *приказ*. Проанализируем один из них.

Контекст: Некому господину Н. необходимо поговорить с неким Йозефом Гайнцлем (Josef Hainzl). Господин Н. приходит в винный ресторан, где находит Гайнцля спящим пьяным на столе. Господин Н. просит жену Гайнцля, Тони, разбудить его. Та опасается это делать, так как Гайнцль может её ударить, ведь он часто это делает, как она рассказывает господину Н. В итоге жена будит мужа, тот сердится, но, когда видит пришедшего, говорит: *Und jetzt verschwind. – Toni ab.*

При анализе данного речевого акта по Серлю [10] можно отметить, что соблюдены условия нормального «входа» и «выхода», т.е. говорящий и слушающий владеют немецким языком; оба действуют сознательно; у них нет физических препятствий к общению; говорящий действует не по принуждению и не под угрозой; он не говорит в шутку. При произнесении “*Und jetzt verschwind*“, Гайнцль выражает мысль, что Тони должна уйти. Выражая мысль, что Тони должна уйти, Гайнцль предсказывает будущий акт жене. Важно отметить, что при приказе предсказуемый акт не может относиться к прошлому. Гайнцль предпочёл бы, чтобы жена ушла, а жена убеждена в том, что Гайнцль предпочёл бы её уход. В противном случае приказ выглядел бы некорректным. Как для Гайнцля, так и для его жены не очевидно, что Гайнцль прикажет ей уйти при нормальном ходе событий. То есть, приказ должен быть мотивирован. Если он не мотивирован, значит, он некорректен. Если бы

жена уже исчезала из вида Гайнцля, он вряд ли приказал бы ей исчезнуть. Все вышеперечисленные условия являются по Серлю подготовительными условиями успешного общения.

Гайнцль намерен совершить акт приказа. То есть, его приказ является искренним, ведь если бы он не желал, чтобы Тони ушла, зачем бы он приказывал ей исчезнуть? Намерение Гайнцля заключается в его желании заставить жену уйти. Согласно Серлю, намерение является существенным условием успешного общения [10].

Говорящий Гайнцль произносит своё предложение «всерьёз», то есть, приказывая Тони исчезнуть, он действительно хочет, чтобы она исчезла, причём Тони также должна понимать, что с ней не шутят. Произнесённое Гайнцлем предложение является одним из тех, которые по семантическим правилам немецкого языка отражают приказ. Выражая приказ, Гайнцль пытается сделать так, чтобы жена повиновалась его желанию. Гайнцль выражает своё намерение с высокой степенью категоричности, так как вместо простого «*geh weg*» (уйди прочь), он использует «*verschwinde*» (исчезни).

У говорящего и слушающего разный социальный статус. С одной стороны, они являются мужем и женой, но, с другой стороны, Гайнцль является управляющим винным рестораном, а его жена лишь помогает ему в этом бизнесе. Как известно, хоть в 70-е годы XX века равенство женщин в Австрии было закреплено законом, они по-прежнему воспринимались как матери и домохозяйки. Поэтому Тони лишь помогала мужу в ресторане.

Иллокутивная сила данного высказывания состоит в том, что Гайнцль пытается оказать воздействие на свою жену и имеет на это право в связи с более высоким социальным статусом по сравнению со своей женой. В своём высказывании Гайнцль побуждает жену к тому, чтобы та опознала его намерение совершить воздействие на неё и выполнила его требование. Для этого она должна владеть рядом правил, на основе которых строится высказывание Гайнцля.

Побуждение в рассматриваемом примере строится с помощью императивной конструкции. Императив является основной формой обращения в вербальной агрессии. Гайнцлю не интересно мнение слушающего, ему важен сам факт исполнения слушающим приказа к действию. Подобное поведение коммуникантов В.М. Глушак описывает как переход коммуниканции в сферу агрессивности [4].

Важно отметить, что большинство прямых приказов (28 из 51), используемых в исследуемом произведении, выражено с помощью императивной конструкции. Безусловно, императив является доминантой всего функционально-семантического поля «побуждение». Помимо императивной конструкции, стандартного способа выражения побуждения к действию, в произведении также используются нестандартные способы выражения приказа:

- инфинитив с модальным глаголом (*Es ist der Originaltext. – Dann sollen Sie ihn übersetzen*);
- индикатив (*Sie sind frei.*);
- перформативы (*Mir war befohlen, das Mädchen lebend abzuliefern*);
- побудительные номинативные предложения (*Schluss!*);
- вопросительные предложения (*Sie erledigen das, nicht wahr?*).

Различные аспекты побуждения к действию также могут быть выражены посредством междометий или междометных единиц, которые способны выступать в качестве функциональных эквивалентов перформативных высказываний (*Hey! Hör mal! – Эй! Послушай!*). Употребление в речи готовых единиц, каковыми являются междометные единицы, является универсальным средством общения. Подобные ритуализированные языковые формы экономичны, социально обусловлены и представляют собой устоявшиеся, конвенциональные образцы речевого поведения в рамках одной национально-культурной или социальной общности [1, с.201].

Повелительность как волеизъявление говорящего есть форма его воздействия на адресата, которое может быть непосредственным (прямое побуждение) и опосредованным (косвенное побуждение).

Наибольший интерес представляют высказывания, в которых говорящий выражает нечто большее, чем то, что означает само высказывание. Такие высказывания Серль называет косвенными речевыми актами [9, с.60]. Основным вопросом в косвенных речевых актах является вопрос о том, как же слушающему понять то большее, что выражает говорящий, помимо того, что означает его высказывание.

Изучение именно побудительных косвенных речевых актов представляет для нас особый интерес, так как в силу существующих требований вежливости в коммуникации зачастую неуместно употребление прямых повелительных

(например, такого, которое было рассмотрено нами выше) или эксплицитных перформативных предложений (*Schneidend unmittelbar nach dem missglückten Einsatz hab ich Ihnen befohlen, alles, was mit der Tat zusammenhängt, radikal zu vergessen*). Следовательно, для осуществления первичной (не буквальной) иллокутивной цели подыскиваются косвенные средства, например, вопросительное предложение:

Oberpolizeirat: Sie erledigen das, nicht wahr?

Dwornik erhebt sich: Ich?

Oberpolizeirat dezidiert: Sie sind damit beauftragt.

В рассматриваемом примере фраза «*Sie erledigen das, nicht wahr?*» является по своей структуре вопросом, тем не менее, это побуждение начать действие, обращённое к лицу с более низким социальным статусом.

Основным мотивом осуществления побудительного косвенного речевого акта является вежливость, следовательно, свой приказ говорящий строит не в форме повелительного предложения, а в форме вежливого вопроса. Говорящий, передавая слушающему нечто большее, чем он на самом деле произносит, опирается на фоновые знания слушающего, к которым относятся как языковые знания, так и знания о мире, а также на способность слушающего делать умозаключения из услышанного. В рассматриваемой ситуации Dwornik воспринимает данный вопрос как приказ, так как является по отношению к говорящему лицом с более низким социальным статусом.

В «Немецко-русском словаре речевого общения» М.Д. Городниковой и Д.О. Добровольского [5], служащим ориентиром в выборе наиболее уместных ситуативных высказываний в качестве готовых реплик повседневного общения, выделяются 19 разновидностей *приказа* в немецком языке. В рассматриваемом нами произведении встречаются следующие разновидности:

– категоричные требования, регламентирующие поведение в быту, в семье (*Weg von mir!*);

– требование тщательно исполнить порученное дело (*Tun Sie Ihre Pflicht!*);

– побуждение к началу действия, обращённое к лицу с более низким социальным статусом или к ребёнку (*Sagen Sie die Wahrheit!*);

– побуждение к окончанию действия, обращённое к лицу с более низким социальным статусом или к ребёнку (*Schluß!*);

– требования, регламентирующие речевое поведение партнёра, обычно обращённые к лицу с более низким социальным статусом (*Schweigen Sie!*).

Для выявления сущностных характеристик директивного речевого акта *приказ* на данном этапе исследования необходимо было выработать определённую модель, в основу которой лёг анализ высказывания и прагматического контекста, включающий в себя анализ социального контекста, анализ категорий, описывающих социальные контексты, анализ предшествующих речевых актов, а также анализ знаний, мнений, потребностей, желаний, предпочтений [3, с. 23].

	прямой приказ	косвенный приказ
общее количество:	51	10
тип предложения:		
повествовательное	23/51	9/10
вопросительное	0/51	1/10
побудительное	28/51	0/10
временная форма:		
	– Präsens; – Perfekt; – Präteritum	Präsens
эксплицитное употребление перформативов		
	12/51	0/10
интонация		
	–	– im Befehlstone (<i>приказным тоном</i>); – scharf (<i>резко</i>); – dezidiert (<i>решительно</i>)
анализ прагматического контекста:		
анализ социального контекста:		
личное (неформальное)	16/51	3/10
институциональное (формальное)	35/51	7/10

категории, описывающие социальные контексты:	
позиции	офицер полиции → подчинённый
свойства	пол: мужчина → мужчина\женщина; возраст: старший → младший
отношения	превосходство, авторитет
функции	начальник → подчинённый муж → жена
предшествующие речевые акты:	
	не важны
	важны
знания, мнения:	
адресат знает, что должен подчиняться адресанту ввиду своего более низкого социального статуса	
потребности, желания, предпочтения:	
адресант требует обязательного выполнения действия от адресата	

Опираясь на полученные данные, можно сделать вывод о том, что прямой речевой акт *приказ* является эффективнее косвенного речевого акта, так как для понимания косвенного речевого акта необходимо соблюдение большего количества условий, нежели для прямого. Прямой речевой акт *приказ* чаще выражен повествовательным предложением в настоящем либо прошедшем времени или побудительным предложением. Часто в составе прямого речевого акта *приказ* можно встретить эксплицитные перформативы, которые отсутствуют в косвенном речевом акте, который, как правило, является повествовательным либо вопросительным по типу предложения. Иногда не представляется возможным осуществить речевой акт при помощи одних лишь перформативов. Необходимо, чтобы учитывались следующие факторы:

- условия совершения речевого акта;
- социальные контексты ситуации (позиции, свойства, отношения и функции участников речевого акта);
- мнения, потребности, желания, предпочтения, отношения, пожелания, чувства, эмоции;
- знания общего характера, прежде всего о правилах поведения;
- способность к умозаключениям.

Предлагаемая модель анализа директивного речевого акта может быть полезна в будущих исследованиях при анализе других видов речевых актов и их сравнении. Во-первых, предлагаемая модель представляет собой ряд характеристик, являющихся релевантными для идентификации иллокутивной силы высказывания, что, в свою очередь, помогает определить коммуникативную направленность высказывания, не ограничиваясь лишь пониманием общего смысла предложения, во-вторых, модель позволяет проводить

сравнение прямых и косвенных директивных речевых актов. С помощью предложенной модели могут быть чётко разграничены категории, описывающие социальные контексты. В нашем случае, очевидно, что люди, обладающие одинаковыми социальными свойствами и функциями, имеют право на выражение речевого акта *приказ* в силу того, что находятся друг с другом в разных социальных отношениях. Если бы их социальные отношения были одинаковыми, нам представилось бы возможным охарактеризовать их вербальные действия как, например, *совет* или *предложение*. Анализ социального контекста играет важную роль при разграничении таких речевых актов, как *приказ* и *угроза*. Предлагаемая модель может помочь выработать алгоритм действий, характерный для конкретных видов речевых актов.

Проанализировав примеры из произведения Фритца Хохвельдера, мы пришли к выводу о том, что директивный речевой акт *приказ* не может быть совершён, если не будет учтён хотя бы один из вышеперечисленных факторов, а существенными характеристиками данного речевого акта является то, что *приказ*:

- представляет собой категоричное требование;
- обязателен к исполнению;
- должен быть мотивирован;
- не предполагает сопротивление адресата;
- чаще реализуется в официальной обстановке;
- употребляется по отношению к лицам с более низким социальным статусом;
- неисполнение *приказа* ведёт за собой санкции со стороны адресанта.

Приведённые в статье данные открывают возможность для проведения новых исследова-

ний в области межкультурной коммуникации, директивным речевым актом *запрет*, который, в частности, представляет интерес дальнейший по своей сути, является *приказом* не выполнять анализ речевого акта *приказ* и его сравнение с какое-либо действие.

Список литературы

1. Анищенко А.В. Функциональный аспект междометных единиц: На материале современной австрийской художественной литературы: диссертация кандидата филологических наук: 10.02.04. Москва, 2006. 240 с.
2. Беляева Е.И. Грамматика и прагматика побуждения: Английский язык. Воронеж. Изд-во ВГУ, 1992. 168 с.
3. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
4. Глушак В.М. Роль эмоций в структуре речеповеденческих модусов / Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2006, №2. С.50-57.
5. Городникова М.Д., Добровольский Д.О. Немецко-русский словарь речевого общения. М.: Рус. яз., 1998. 332 с.
6. Кашенкова И.С. К проблеме отбора содержания обучения языковым средствам выражения побудительности студентов-международников / И.С. Кашенкова // Вестник Бурятского государственного университета. Серия «Теория и методика обучения гуманитарным наукам». №15. Изд. БГУ, 2010. С.185-190.
7. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. Под редакцией: Городецкий Б. Ю. М.: Прогресс, 1986. 423 с.
8. DUDEN Wörterbuch [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.duden.de> Дата обращения 14 января 2018г.
9. Searle John R. Indirect speech acts. – In: «Syntax and Semantics», vol. 3; Speech Acts, Cole P., Morgan J.L. (eds.). New York – San Francisco – London, Academic Press, 1975, pp.59-82.
10. Searle John R. What is a speech act? – In: “Philosophy in America”, ed. Max Black, London, Allen and Unwin, 1965, pp. 221-239.

Сведения об авторе:

Ларина Татьяна Сергеевна – преподаватель кафедры немецкого языка МГИМО МИД России. Научная специализация: теория речевых актов, лингвокультурология. E-mail: Tanusik9209@gmail.com.

DIRECTIVE SPEECH ACT ORDER IN GERMAN LINGUOCULTURE (BASED ON THE WORK OF FRITZ HOCHWÄLDER «DER BEFEHL»)

T.S. Larina

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

The Abstract: *The article focuses on the study of the directive speech act “order” to identify attributes that characterize it. There are given the definitions of directive speech acts and the directive speech act “order”. There are compared different kinds of directive speech acts. The used material serves to highlight the most widespread means of performing order. While performing a directive speech act the speaker tries to have an impact on his interlocutor. To influence the interlocutor using speech acts, one has to use a number of language means. Communication is successful if language means are selected correctly and the conditions of the speech act implementation are observed. The interlocutor’s reaction will testify to this success. Of great interest for us is indirect directive speech act “order” because in order to make communication smooth, certain conditions should be observed. Using the methods of content-analysis, semantic analysis, the analysis of the pragmatic context and the method of modeling in this article, we have tried to identify conditions that influence communication in the process of the directive speech act “order”. Our model of the analysis of this speech act may be of use in a further speech acts study. The usage of the model presup-*

poses the comparison of the direct and indirect speech acts. The model can help to reveal the dependence of direct and indirect speech acts on the type of the sentence, on the time form, the explicit use of performatives and on the intonation. The model gives an opportunity to differentiate between the categories describing social contexts. With the help of this model there can be worked out an algorithm of actions, typical for certain kinds of speech acts.

Key Words: *German, directive speech act, direct speech act, indirect speech act, order, content-analysis, the analysis of pragmatic context*

References

1. Anishchenko A.V. Funktsional'nyi aspekt mezhdometnykh edinits: Na materiale sovremennoi avstriiskoi khudozhestvennoi literatury [Functional aspect of interjective units: on the material of modern Austrian fiction]: Diss. kand. filol. nauk: 10.02.04. Moskva, 2006. 240 p.
2. Beliaeva E.I. Grammatika i pragmatika pobuzhdeniia: Angliiskii iazyk [Grammar and pragmatics of compelling: the English language]. Voronezh. Izd-vo VGU, 1992. 168 p.
3. Van Deik T.A. Iazyk. Poznanie. Kommunikatsiia. [Language. Cognition. Communication]. Blagoveshchensk: BGK im. I. A. Boduena de Kurtene, 2000. 308 p.
4. Glushak V.M. Rol' emotsii v strukture rechevedencheskikh modusov [Importance of Emotions in the Structure of Speech Behavioral Modi] / Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia, 2006, №2. pp.50-57.
5. Gorodnikova M.D., Dobrovolskii D.O. Nemetsko-russkii slovar' rechevogo obshcheniia [German-Russian dictionary of speech acts]. M.: Rus. iaz., 1998. 332 p.
6. Kashenkova I.S. K probleme otbora sodержaniia obucheniia iazykovym sredstvam vyrazheniia pobuditel'nosti studentov-mezhdunarodnikov [To the problem of the content of teaching directive speech acts in German to college students] / I.S. Kashenkova // Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Teoriia i metodika obucheniia gumanitarnym naukam». №15. Izd. BGU, 2010. pp.185-190.
7. Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 17: Teoriia rechevykh aktov [New in foreign linguistics. Issue 17: Theory of speech acts] Pod redaktsiei: Gorodetskii B. Iu. M.: Progress, 1986. 423 p.
8. [Электронный ресурс]: <https://www.duden.de> (accessed 14 January 2018)
9. Searle John R. Indirect speech acts. – In: «Syntax and Semantics», vol. 3; Speech Acts, Cole P., Morgan J.L. (eds.). New York – San Francisco – London, Academic Press, 1975, pp.59-82.
10. Searle John R. What is a speech act? – In: “Philosophy in America”, ed. Max Black, London, Allen and Unwin, 1965, pp. 221-239.

About the author:

Tatiana S. Larina – Lecturer of the German Language Department, MGIMO University. Spheres of research and professional interest: the theory of speech acts, cultural linguistics. E-mail: Tanusik9209@gmail.com.

* * *

ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ДИСКУРС КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ ЯПОНЦЕВ

О.Р. Лихолетова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Статья посвящена рассмотрению японских этикетных норм при написании писем. Письма, являясь средством ритуально-этикетного межличностного общения, играют существенную роль в процессе установления и поддержания отношений как внутри японского социума, так и при контактах с представителями других культур. Этикет письма подразумевает учёт личности адресата и соблюдение национальных эпистолярных традиций. В Японии – стране с ярко выраженной высококонтекстной культурой – особое внимание уделяется проявлению невербальных средств коммуникации. Это накладывает особые ограничения на стиль написания писем, определяет не только их содержание, но и форму. В статье анализируются национально-специфические правила оформления письменных сообщений с акцентом на невербальные сигналы выражения уважения к адресату. Также описываются ограничения на использование определённой лексики и иероглифических идиом при составлении писем.

Обосновывается необходимость учёта социально-культурного контекста при соблюдении традиций эпистолярного стиля исходя из того, что нарушение установленных правил может привести к недопониманию коммуникативных установок и, как следствие, созданию дискомфорта среды общения. Лингвокультурологический анализ эпистолярного стиля помогает выявить специфические черты мировоззрения японцев, особенности коммуникативного поведения, а также проследить их отражение в межличностном и социальном взаимодействии.

Ключевые слова: эпистолярный дискурс, этикетные нормы, написание писем, невербальные сигналы, табуированная лексика, иероглифические идиомы, эвфемизмы

В ходе глобализации и стремительного изменения способов получения и распространения информации многие национально-специфические элементы культуры постепенно утрачивают свою актуальность или, наоборот, приобретают кросс-культурный характер. Тем не менее, существует ряд сфер общения, где эти процессы наименее выражены, а национальные стереотипы сохраняют свою традиционную форму и практически не подвержены влиянию иноязычных культур.

Одной из таких сфер в японской культуре является эпистолярный дискурс. Несмотря на

то, что в современном мире сфера функционирования эпистолярного дискурса сужается, в Японии он до сих пор является существенной частью языковой реальности и, будучи средством ритуально-этикетного межличностного общения, играет большую роль в поддержании контактов как между японцами, так и при общении японцев с представителями других культур.

Особое внимание к вопросу сохранения эпистолярных традиций во многом объясняется их тесной связью со многими культурными ценностями, уходящими корнями в далёкое прошлое. Согласно древним поверьям японцев, в

словах заключена магическая сила «言霊 *котадама*»: добрые слова приносят счастье, а плохие слова – несчастье. По мнению Кожевникова В.В. [6, с.36], «言霊 *котадама*» есть основная концепция антологии японской поэзии «Манъёсю», составленной в эпоху Нара (710-794гг). В «Манъёсю» Япония называлась страной, в которой божественная сила слов приносит удачу:

“Вот Ямато! То страна,
Что заметили с небес
Боги в ясной высоте
И могуществом её
Наделили с давних пор.
То страна, где сила слов
Счастье людям принесла” [7, с.364].

Древнее поверье о том, что судьба контролируется словами, до настоящего времени оказывает влияние на мироощущение японцев. В частности, в эпистолярном стиле это выражается в табуировании определённых лексических единиц при написании письменных сообщений. Эпистолярный стиль хранит в себе и древние традиции каллиграфии, которые являются неотъемлемой составляющей японской культуры в целом.

Написание писем подчиняется чётким стилистическим нормам, отличным от норм устной коммуникации, поэтому представляет особый интерес для исследователей. Стилистике эпистолярного дискурса японского языка посвящён ряд научных работ Бессоновой Е. Ю. [1; 2], Фроловой Е. Л. [7], Гуревич Т. М. [4]. В них подробно рассматривается история возникновения и развития эпистолярного стиля в разные эпохи, даётся анализ синтаксических и морфологических особенностей, досконально исследуются клише эпистолярного стиля [3], анализируются стилеобразующие элементы современного эпистолярного стиля, рассматриваются основные правила оформления и отправки писем.

Однако знание клише, используемых в переписке, формально-грамматических особенностей эпистолярного стиля, как морфологических, так и синтаксических, не дают нам полной картины национальной специфики этикета письменной коммуникации.

Япония – страна с ярко выраженной высококонтекстной культурой, поэтому невербальные сигналы, указывающие на контекст высказывания, нюансы, коннотативные значения и ассоциации, крайне важны для адекватного понимания высказывания и заложены у японцев на подсознательном уровне.

Так называемая «思わせぶり *омовасэбури* – многозначительность высказывания, намёк, коннотативное значение высказывания» является характерной особенностью речевого этикета, который нуждается в многоплановом освещении с учётом культурных, социальных, исторических и других экстралингвистических контекстов.

Практическая значимость учёта вышеуказанных особенностей заключается в том, что нарушение установленных правил и норм может привести к недопониманию коммуникативных установок и, как следствие, созданию дискомфорта среды общения.

В Японии помимо традиционных для любой культуры поздравлений по случаю календарных праздников принято писать письма в связи со многими значимыми событиями в жизни человека: рождением детей, заключением брака, поступлением в учебные заведения, началом трудовой деятельности, смертью близких и другими событиями. Существует также традиция написания писем с пожеланием здоровья заболевшим людям, писем по случаю переезда на новое место жительства, писем в связи с наступлением того или иного времени года. Чуткое отношение к природным явлениям – одна из особенностей японской культуры, поэтому так называемые сезонные приветствия и письма являются неотъемлемой частью эпистолярного дискурса и имеют свои особенности.

При написании писем важен учёт эпистолярных традиций [9]. Существуют строгие правила оформления поздравительных писем. В частности, они заключаются в табуировании использования знаков пунктуации в виде точек, запятых и кавычек. Это объясняется тем, что вплоть до конца XIX века в японском языке не существовало знаков пунктуации. В японской традиционной поэзии они отсутствуют до сих пор. В дальнейшем для облегчения визуального восприятия письменного текста, который к тому же традиционно не имеет пробелов между словами, начали использоваться точки, запятые, кавычки. Введение в обиход знаков пунктуации особенно помогло учиться читать и писать детям. В связи с этим японцы начали воспринимать знаки пунктуации как помощь в прочтении текста письма, т.е. намёк на недостаточный уровень образованности адресата. Существует и другая версия этой традиции: знаки пунктуации искусственно прерывают текст, поэтому нарушают гармонию в изложении мысли. В настоящее время письмо, написанное без использования знаков пунктуации, является

способом выражения уважения к адресату и пожеланием благополучного без каких-либо помех и препятствий празднования торжественного события. До сих пор использование знаков пунктуации в письмах по случаю радостных событий считается существенным нарушением этикетных правил. При необходимости ответить на приглашение в письменной форме знаки пунктуации также употреблять не принято.

Письма, написанные от руки, имеют особую ценность, поскольку содержат в себе не только информацию, но и косвенно являются презентацией чувств и эмоций, которые отправитель хочет донести до адресата.

Традиция писать письма от руки связана с неотъемлемой частью японской культуры – каллиграфией. Каллиграфически правильно и красиво написанные иероглифы придают письму эмоционально-образную выразительность и отражают как индивидуальные, так и национальные эстетические вкусы. В идеале письмо должно быть написано кистью и тушью.

Размер иероглифов, их форма, соотношение длинных и коротких черт, составляющих иероглифы, интенсивность нажима оцениваются японцами с эстетической точки зрения. Красиво написанное письмо свидетельствует как о культурном уровне автора письма, его социальном положении, так и о его отношении к адресату. Поэтому приглашения на торжественные события, конверты с деньгами, которые принято дарить на свадьбу молодожёнам, различного рода поздравления следует писать от руки, а не прибегать к помощи компьютера. При этом иероглифы должны быть написаны насыщенным чёрным цветом и толстыми линиями. Бледный цвет ассоциируется у японцев со словом «薄墨 усудзуй – бледная тушь», которая употребляется только в посланиях, связанных со смертью человека. Согласно представлениям японцев, бледная тушь – это густая чёрная тушь, разбавленная слезами. Поэтому письма соболезнования пишутся серым цветом. Толстые, насыщенные цветом линии при написании иероглифов символизируют пожелание богатства и обилия счастливых событий в жизни. Написанное от руки письмо, по мнению японцев, приносит удачу, поэтому, в крайнем случае, если нет возможности полностью написать письмо от руки, необходимо добавить несколько рукописных строчек к компьютерному тексту.

В японской культуре красный цвет символизирует праздничное настроение, и перевязыва-

ние подарочного конверта с деньгами на свадьбу красной и белой лентой является выражением пожелания благополучия и богатства. При этом писать красным цветом фамилию и имя адресата не принято, у него может возникнуть ассоциация с цветом крови и, как следствие, душевный дискомфорт.

Согласно японской традиции, в приглашение на торжественную церемонию вкладывается стандартная открытка для ответа на приглашение. На этой открытке бывают уже напечатаны слова «изволит присутствовать» и «изволит отсутствовать». Адресат, получив приглашение, должен ответить на него и сообщить, сможет ли он присутствовать на церемонии или нет. При этом следует зачеркнуть двумя линиями один из вариантов, оставив второй. Но поскольку адресат о себе не может употребить слово «изволит», его тоже надо убрать, оставив только одно слово «присутствовать» или «отсутствовать». Простое зачёркивание иероглифа «изволит» является отрицательным этикетным знаком и может рассматриваться как неуважение. Существует поверье, что нарушение этой этикетной нормы может привести к прерыванию отношений между людьми. Вместо зачёркивания слова «изволит» следует поверх него написать хороший с точки зрения значения иероглиф «寿 дзю – пожелание благополучия».

Формат писем также строго регламентирован. Письма могут быть написаны в традиционном японском формате вертикально или в современном стиле горизонтально. Вертикальный текст больше соответствует историческим традициям иероглифического письма, поэтому воспринимается как дополнительный знак уважения.

При написании письма в связи с каким-либо торжественным событием, кроме листа бумаги, на котором оно написано, в конверт в соответствии с правилами этикета полагается вложить чистый лист бумаги. Это объясняется тем, что в древности при намерении со стороны мужа расторгнуть брак жене посылались лаконичное короткое письмо «三行半 *рикюдари хан* – три с половиной строчки». Отличались лаконичностью и письма «果し状 *хатаси дзё*», вызывающие соперника на поединок. Таким образом, короткие письма могут вызвать негативные эмоции у адресата и считаются нарушением этических норм. Вложение в конверт чистого листа бумаги означает то, что человек хотел написать более длинное письмо, но что-то ему помешало. Это

своеобразная вежливая форма извинения за короткое письмо.

При написании же писем соболезнования в связи со смертью человека или писем больному человеку с пожеланием скорейшего выздоровления правильно будет ограничиться одним листом бумаги. Два и более листа вызывают ассоциацию со словом «*重なる касанару* – наслаиваться, накопиться, следовать один за другим», то есть ассоциации, указывающие адресату на возможное повторение несчастий или болезни.

Выразить эмоции в письме можно и не прибегая к лексическим средствам, а при помощи изменения общего стиля оформления письма. Например, этикетное выражение «*有り難うございます* *аригато:годзаимас* – большое спасибо» можно написать как иероглифами, так и буквами азбуки хирагана. Этикетное выражение, написанное от руки азбукой, добавляет письму мягкость и эмоциональность.

Специфика написания писем с лексической точки зрения заключается в том, что существует внушительный список табуированной лексики, которая зависит от тематики письма. Например, в свадебных поздравлениях табуируются лексические единицы, которые ассоциативно могут указывать на разрыв отношений: «*切る киру* – разрезать, прерывать», «*離れる ханарэру* – расстаться, покинуть кого-либо», «*終わる овару* – закончиться»; на повторный брак в будущем: «*二回 никай* – два раза», «*戻す модосу* – возвратить»; на неудачи или страдания: «*病む наямү* – страдать», «*悲しむ канасиму* – грустить, печалиться».

В письмах соболезнования не употребляются слова, которые могут вызвать ассоциацию с повторением или продолжением печальных событий: «*引き続く хикицуудзуку* – продолжаться, длиться», «*繰り返す курикаэсу* повторять». Следует также избегать слов, образованных путём редупликации: «*次々 цугицуги* – один за другим», «*重ね重ね касанэгасанэ* – неоднократно, снова и снова» и т.д. Табуируется также употребление цифр «4» и «9», так как они омонимичны словам «смерть» и «страдания».

Поздравления с переездом на новое место жительства не должны содержать слов, ассоциативно связанных со стихийными бедствиями или другими несчастьями.

Для того, чтобы не вызывать отрицательные эмоции у адресата, некоторые созвучные с табуированной лексикой слова необходимо заменить на эвфемизмы. Например, слово «*梨 наси* –

груша» созвучно отрицанию «*なし* – нет», поэтому его принято заменять на словосочетание «*有りの実 ари-но ми* – плод, который есть», при этом получается каламбур, в котором вместо созвучного с отрицанием «нет» слова употребляется его антоним – «есть». Вместо слова «*猿 сарү* – обезьяна» можно употребить его просторечный вариант «*えて этэ*», так как «сарү» является омонимом глагола «*去る сарү* – уходить, покидать». Слово «*塩 сио* – соль» напоминает по звучанию слово «*死 си* – смерть», поэтому лучше его заменить на «*波の花 нами-но хана* – цветы волн».

Табуированию также подлежат некоторые устойчивые иероглифические идиомы: «*秋風 акикадзэ/сю:фу:* – осенний ветер» (означает охлаждение чувств и отношений между мужчиной и женщиной), «*秋風落莫 сю:фу:ракубаку* – осенний ветер и тоска» (ассоциируется с увяданием природы); «*静寂 сэйдзяку* – тишина» (навевает мысль о заброшенности, одиночестве) и др.

Существуют иероглифические идиомы, употребление которых, наоборот, приветствуется: «*充足感 дзюдзокукан* – чувство удовлетворения». Иероглиф «*充 дзю* – наполнять» созвучен иероглифу «*十 дзю:* – десять», т.е. эта идиома означает пожелание исполнения желаний в десятикратном размере, полного удовлетворения от жизни; «*嬉嬉として кикитоситэ* – весело, радостно»; «*悠悠閑閑 ю:ю:канкан* – спокойствие и тишина» (пожелание спокойной жизни). Употребление одного и того же иероглифа дважды усиливает эмоциональный эффект.

Время отправки и получения письма может быть характерным примером отражения национального мировоззрения и культуры. Согласно древним японским верованиям, в каждом месяце традиционного лунного календаря есть счастливые и несчастливые дни. Наиболее благоприятным днём для различных дел, мероприятий и торжеств считается так называемый «*大安 тай-ан* – день большого спокойствия». Следовательно, для выражения наилучших пожеланий адресату необходимо отправить письмо так, чтобы на нём стоял почтовый штамп счастливого дня. Для этого надо не опускать письмо в почтовый ящик, а отправить его непосредственно из почтового отделения.

Новогодние поздравления почтовая служба обязана доставить адресату утром 1 января [8]. Как пишет Изотова Н. Н., «И первый ритуал первого утра наступившего года для

японцев – чтение полученных новогодних открыток и скрупулезная проверка списка полученных и отправленных поздравлений» [5, с. 11].

Для выполнения обязательств по доставке новогодних поздравлений почтовая служба обращается к гражданам с просьбой отослать поздравление не позже 25 декабря, в этом случае она неукоснительно выполнит, казалось бы, невыполнимую задачу доставки новогодней корреспонденции в объёме нескольких миллиардов открыток точно в срок. По одному адресу может быть доставлено от 50 до 100 новогодних поздравлений. Например, в 2015 году в Японии планировалось продать три миллиарда триста миллионов новогодних открыток [6].

Письма, написанные в связи с наступлением того или иного сезонного явления, должны быть написаны и отправлены строго в соответствии с традиционно установленными датами обозначенного явления. Например, письма с сочувствием по поводу наступления холодов могут быть написаны только с 8 января по 4 февраля, письма сочувствия по поводу наступления

жары – с 7 июля по 7 августа. Обращает на себя внимание тот факт, что отправка письма в период с 20 января по 3 февраля, который называется «大寒 дайкан – самые суровые морозы», с желанием благополучно пережить этот сезон отнюдь не означает того, что действительно наступили холода, которые могут нанести какой-либо ущерб здоровью. Это не более чем традиционное ритуальное приветствие, закрепившееся в японской культуре много веков тому назад.

Успешность письменной коммуникации во многом зависит от того, насколько человек владеет коммуникативными навыками и насколько согласованы между собой все составляющие коммуникативного поведения. Владение всеми вербальными и невербальными средствами способствует установлению с адресатом эмоционального контакта, а нарушение этикетных норм ведёт к коммуникативным неудачам. Изучение эпистолярного стиля даёт ключ к пониманию сущности единой национальной системы ценностей японского сообщества и помогает выработать стратегию поддержания коммуникативного контакта с японцами.

Список литературы

1. Бессонова Е.Ю. Эпистолярный стиль японского языка в историческом аспекте / Е.Ю. Бессонова // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2012, с. 39–45.
2. Бессонова Е.Ю. О спецкурсе «Особенности эпистолярного стиля японского языка» / Е.Ю. Бессонова // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания. Выпуск 4. М.: Ключ-С. 2010. с.7–17.
3. Бессонова Е. Ю. Клише в эпистолярном стиле японского языка: диссертация кандидата филологических наук: 10.02.22. / Елена Юрьевна Бессонова; МГУ. М., 2002. 190 с.
4. Гуревич Т.М. Японский язык: стратегия и тактика делового общения. М., ВНК, 2016. 272с.
5. Изотова Н.Н. Национальные особенности встречи Нового года в Японии / Н.Н. Изотова // Филологические науки в МГИМО. Сборник научных трудов. 2014. № 55 (70), с. 188–198.
6. Кожевников В.В. Ещё один взгляд на «Манъёсю» / В.В.Кожевников // Известия восточного института. Специальный выпуск «Япония». ДВО РАН. 2002. № 5, с. 34–48.
7. Манъёсю. Том 1. стих. 894. М. Главная редакция Восточной литературы, 1971. 679с.
8. Нэнгадзё – японские новогодние открытки [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.nippon.com/ru/features/jg00047/> (дата обращения: 21.02.2018)
9. Фролова Е.Л. Пишем письма по-японски: эпистолярный стиль. М., Моногатори, 2010. 224 с.

Сведения об авторе:

Лихолетова Ольга Романовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры японского языка МГИМО МИД РФ. Специализация – лингвистика, лингвокультурология. E-mail: o.liholetova@inno.mgimo.ru.

EPISTOLARY DISCOURSE AS THE REFLECTION OF NATIONAL WORLDVIEW OF THE JAPANESE

O.R. Likholetova

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

The Abstract: *The article is focused on Japanese etiquette norms in writing a letter. Being means of ceremonial and etiquette interpersonal communication, letters play a substantial role in the process of establishing and maintaining relationships both within the Japanese society and with representatives of other cultures. The letter etiquette implies observance of national epistolary traditions. In Japan – a country with a highly contextual culture – special attention is paid to non-verbal means of communications. This imposes certain restrictions on the style of letter writing, determines not only their content, but also their configuration. The article is analyzing nationally specific rules of composing written messages with an emphasis on non-verbal signals, expressing respect towards addressee. There are also considered restriction in the use of a certain lexicon and hieroglyphic idiom.*

There are given reasons for the necessity of observing traditions of epistolary style. Violation of the established rules may result in miscommunication and, thereby, lead to creation of uncomfortable environment for communication. Linguo-cultural analysis of the epistolary style helps to identify specific features of the Japanese worldview, their specificity of communicative behavior and also helps to trace its reflection in interpersonal and social interaction.

Key Words: *epistolary discourse, etiquette norms, letter writing, non-verbal signal, taboo lexicon, hieroglyphic idioms, euphemisms*

References

1. Bessonova E.Iu. Epistoliarnyi stil' iaponskogo iazyka v istoricheskom aspekte [The Japanese Epistolary Style, Historical Root]// Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie. 2012, s. 39-45.
2. Bessonova E.Iu. O spetskurse «Osobnosti epistoliarnogo stilia iaponskogo iazyka» [On the special course “Peculiarities of the Japanese language’s epistolary style”]// Iaponskii iazyk v vuze: aktual'nye problemy prepodavaniia. Vypusk 4. M.:Kliuch-S, 2010. s.7-17.
3. Bessonova E.Iu. Klishe v epistoliarnom stile iaponskogo iazyka. [Cliché in the epistolary style of the Japanese language]: Dissertatsiia kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.22. Moskva, 2002. 190 s.
4. Gurevich T.M. Iaponskii iazyk: strategii i taktika delovogo obshcheniia. [Strategy and Tactics of Business communication]. M.: VNK, 2016. 272s
5. Izotova N.N. Natsional'nye osobennosti vstrechi Novogo goda v Iaponii. [National Features of the Japanese New Year Celebration] // Filologicheskie nauki v MGIMO. Sbornik nauchnykh trudov. 2014. № 55 (70), s. 188-198.
6. Kozhevnikov V.V. Eshhe odin vzgljad na «Manjosju» [One more look at Manjoshu]// V.V.Kozhevnikov// Izvestiia vostochnogo instituta. Special'ny vypusk «Japoniia». DVO RAN. 2002. № 5, s. 34-48.
7. Manjosju. [Manyoshu] Tom 1, stih. 894. M., Glavnaja redakcija Vostochnoj literatury, 1971. 679s.
8. Nengadze – iaponskie novogodnie otkrytki [Nengajyo –Japanese New Year Cards] [Elektronnyi resurs] URL: <https://www.nippon.com/ru/features/jg00047/> (accessed: 21.02.2018)
9. Frolova E.L. Pishem pis'ma po-iaponski: epistoliarnyi stil' [Writing a letter in Japanese: epistolary style]. M.:Monogatari, 2010. 224 s.

About the author:

Olga Likholetova – PhD, Philology, Associate Professor at the Japanese language Department. Field of research – linguistics, cultural linguistics. E-mail: o.liholetova@inno.mgimo.ru.

* * *

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КАТЕГОРИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ (НА ПРИМЕРЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ М. СПАРК)

Н.Ю. Филистова

Бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа-Югры
«Сургутский государственный университет», 628412, Сургут, пр. Ленина, 1.

Данная статья посвящена рассмотрению лингвистических особенностей категории художественного времени в тексте. Для литературных текстов XX века свойственно особое осмысление времени, сложное переплетение различных временных пластов, ломка хронологического ряда событий, вторжение в их последовательность, сдвиги в повествовании. Цель статьи – рассмотреть категорию художественного времени как сложную комплексную категорию и выявить особенности её реализации в психологическом жанре. Художественное время – это репрезентация реального времени в разном объёме, с разных точек зрения, это своеобразный аспект художественно изображённой действительности и в то же время конструктивный элемент текста. Ход времени в литературном произведении иной, чем в реальном времени, так как автор может выделять те события, которые с его точки зрения являются наиболее важными, ключевыми, и, наоборот, сжимать, компрессировать менее важные. Материалом исследования послужили тексты коротких рассказов английской писательницы Мьюриэл Спарк. В центре рассказов Мьюриэл Спарк изображается внутренний мир человека, который раскрывается с помощью временных перестановок, сдвигов, сжатия или расширения временных рамок. Разного рода временные отклонения, временные сдвиги, изображение в литературном тексте нарушений реального хода событий вызывают интерес учёных при рассмотрении временных отношений в тексте. Категория художественного времени в анализируемых рассказах исследовалась с помощью методов структурного и текстового анализа, который показал, что сюжетный и фабульный порядок событий не совпадают, что создаёт эффект тайны, загадки, которую читателю предстоит разгадать. Художественное время в исследуемых рассказах моделируется с помощью лексических средств, различных повторов, параллельных конструкций, стилистических приёмов. Главная роль в формировании категории художественного времени принадлежит композиции текста, а основными приёмами для выражения художественного времени в исследуемых текстах выступают ретроспекция и проспекция.

Ключевые слова: категория времени, психологический рассказ, пространство и время, континуум, сюжет, фабула, проспекция, ретроспекция

Важнейшими текстовыми отношениями, которые передаются в любом литературном произведении, в том числе и в рассказе, являются время и пространство. Прежде чем начать повествование, автор должен определить

местоположение персонажа и временной период, когда совершаются действия.

Преломляясь в человеческом сознании, время находит отражение в языке и, как следствие, в художественном тексте, где оно структурируется

и вербализуется с помощью языковых средств и текстовых параметров, которые передают временные отношения в тексте и формируют его смысловую и структурную целостность.

В нашем изучении категории художественного времени в тексте мы опираемся на исследования К.А. Андреевой, И.Р. Гальперина, Ж. Женетта, Ю.М. Лотмана, П. Рикёра, Б.В. Томашевского, З.Я. Тураевой [6] и др.

Ж. Женетт выделяет три аспекта представления времени в тексте:

1. Порядок, то есть соотношение между сюжетным временем и хронологическим (реальным) [2].

В качестве примера приведём рассказ Мьюриэл Спарк “The Portobello Road”. В данном рассказе сюжетное время и хронологическое время не совпадают, это может быть представлено в следующей таблице:

Таблица 1

Организация художественного времени в рассказе М. Спарк “The Portobello Road”

Сюжетное время	Хронологическое время
Джордж встречает Нидл на Портобелло Роуд после её смерти.	Нидл уезжает в Африку.
Нидл уезжает в Африку.	Джордж запрещает Нидл говорить Кэтлин о его женитьбе.
Джордж запрещает Нидл говорить Кэтлин о его женитьбе.	Нидл отказывается молчать.
Нидл отказывается молчать.	Джордж убивает Нидл.
Джордж убивает Нидл.	Джордж встречает Нидл на Портобелло Роуд после её смерти.
Джордж сходит с ума.	Джордж сходит с ума.

2. Континуум или длительность – соотношение между реальным течением событий и их изображением в тексте [2]. И.Р. Гальперин обосновал необходимость введения в лингвистический анализ текста категории континуума. Данная категория имеет текстовую природу, так как воплощается в целом тексте. Осуществляя изображение течения времени в изменяющемся пространстве, она требует крупного отрезка текста, а не одного предложения, так как в предложении нет развёртывания мысли.

В анализируемом рассказе события изображены сжато по сравнению с реальным течением событий. В рассказе описывается детство четырёх друзей, и затем вся их последующая жизнь. Рассказ начинается с события, как Джордж, Кэтлин, Нидл в один из жарких летних дней ве-

селились на стог сена. Далее описывается, как Нидл нашла иголку в стог сена, и этот момент был запечатлён на фотоаппарат. Рассказ строится на столкновении реального и мистического, нереального: “*One day in my young youth, lolling with my lovely companions upon a haystack I found a needle*”. Этот эпизод обрывается словами: “*From that day I was known as Needle*” [8, с. 74]. Ход событий вновь продолжается: “*One Saturday in recent years I was mooching down the Portobello Road, threading among the crowds of marketers on the narrow pavement when I saw a woman*” [8, с. 74]. Используемый повтор как бы скрепляет два временных плана. Переходом из одного временного плана в другой являются лексические единицы обозначения времени: *one day in my young youth; one Saturday in recent years*. Мы наблюдаем здесь параллельную конструкцию и антитезу. Разница заключается в том, что в первом предложении представлен план прошлого, а во втором план настоящего. Антитетическое противопоставление осознаётся только в целостном тексте как результат интеграции частей целым.

3. Частота, то есть повторяемость событий и отражение этого явления в тексте [2]. Повторение события, когда Джордж встречает Нидл на Портобелло Роуд, в начале и в конце рассказа образуют рамку описываемого события: “*The next Saturday I looked out for him, and at last there he was, half-worried, half-hopeful. I said, “Hallo, George!”*” [8, с. 103].

Создавая вымышленный мир, в котором фигурируют вымышленные персонажи и в большинстве случаев в условном пространстве, писатель может расширять, сжимать, обрывать и снова продолжать ход событий в рассказе. В этих разрывах, которые ведут к несовпадению фабулы и сюжета, и проявляются категории проспекции и ретроспекции, которые тесно связаны с понятием «континуум» (последовательность фактов, событий, развёртывающихся во времени и пространстве).

Термины «сюжет» и «фабула» были представлены и определены русскими формалистами в 20-е годы XX века (Шкловский В.Б., Томашевский Б.В., Эйхенбаум Б.М. и др.). Это противопоставление достаточно актуально для современного исследования структуры текста. Как отмечает Б.В. Томашевский, «совокупность событий в их внутренней связи называется фабулой, а художественно построенное распределение событий в тексте называется сюжетом» [5, с. 137]. «Фабула – это совокупность событий, то,

как они в «действительности произошли». Фабуле противостоит сюжет – это те же события, но в их изложении, в том порядке, в каком они сообщены в произведении, в той связи, в какой даны в произведении сообщения о них». Таким образом, фабула – это как бы реальные события в их хронологической последовательности, сюжет же выражает выстраивание событий в той или иной последовательности автором. События могут опускаться или сжиматься, автор сам выбирает акценты. Понятие «сюжет» находит дальнейшее развитие в исследованиях П. Рикёра, где учёный использует понятие «интрига», которая понимается как сопряжение событий, связывающая начало с концом [4, с. 208-209]. Русский учёный, занимающийся изучением сюжета, Ю.М. Лотман, отмечает, что «у текста есть шанс стать художественным именно на основе сюжета» [3, с. 287].

В художественном произведении могут быть временные отклонения, нарушения временного порядка, так называемые анахронии [2, с. 173]. Лингвисты рассматривают два основных вида анахроний – ретроспекцию, «flashback», когда происходит возврат к событию, которое произошло раньше – иными словами, сдвиг в прошлое, и проспекцию – «flashforward», когда предвосхищается событие, которое произойдёт в будущем [2, с. 180].

Ретроспекция и проспекция, которые по своей сути являются нарушением хронологической последовательности событий (то есть смещении по временной оси в ту или другую сторону), представляют собой формы организации временного континуума. Они останавливают линейное развёртывание текста.

Категория ретроспекции объединяет формы языкового выражения, которые относят читателя к предшествующей содержательно-фактуальной информации [1, с. 106]. Ретроспекция может проявляться двумя способами: а) когда предшествующая информация уже ранее была представлена в произведении; б) когда предшествующая информация, необходимая для связи событий, сообщается, прерывая поступательное движение текста, то есть происходит перестановка временных планов повествования.

Категория ретроспекции влечёт за собой переакцентуацию отдельных частей текста. То, что благодаря разным приёмам реализации категории ретроспекции «воскресает» в нашей памяти, заставляет нас переоценить значение «воскресаемого», – нередко – то, что казалось

иррелевантным или второстепенным, становится в ряд значимых событий. Подобно ретроспекции, проспекция – один из приёмов повествования, который даёт читателю возможность яснее представить себе связь и обусловленность событий и эпизодов. Зная, что произойдёт в дальнейшем, он глубже проникает в содержательно-концептуальную информацию, поскольку настоящее предстаёт перед ним в несколько ином плане [7]. В большинстве произведений ретроспекция и проспекция проявляются имплицитно, они основаны на ранее сказанном или на предугадывании того, о чём будет дальше идти речь. Ретроспекция так же выражается эксплицитно, когда отсылает читателя к предшествующей информации.

Для исследования соотношения сюжета и фабулы рассказ М. Спарк “The Portobello Road” представляет особый интерес. Сопоставив ряды событий, изложенные с точки зрения сюжета и фабулы, мы можем заметить лишь частичное совпадение сюжета и фабулы, сравнив порядок событий с точки зрения сюжета и порядок событий с точки зрения фабулы. Практически все точки смещения фабульного времени, внутреннего времени рассказа, относятся к категории ретроспекции. Приём ретроспекции встречается в основном в первой половине рассказа, когда происходит знакомство читателя с ситуацией. Однако, для усиления эффекта ожидания, оказываемого на читателя, информация о прошлом героев даётся не сразу и в хронологической последовательности, а порциями и в порядке возрастания их значимости и важности происшедших событий.

Этим объясняется и разница в количестве происходящих в рассказе событий. В начале рассказа упоминается лишь о смерти главной героини Нидл, в последующем упоминаются обстоятельства гибели Нидл – секрет Джона, связанный с его чернокожей женой Матильдой в Африке. Подобная структура помогает читателю постепенно разгадывать характер Нидл и её друзей, мотивацию их поступков (убийство друга детства, ради личной выгоды). Возникает напряжение, подобное напряжению, которое испытывает читатель при разгадывании тайны.

В данном рассказе мы находим три примера ретроспекции. В англоязычном рассказе грамматическим показателем ретроспекции служит Past Perfect, примеры употребления которого мы в большом количестве находим в рассказе: “*When I had last seen her, nearly five years ago, Kathleen*

barely thirty had said...”; “I got engaged to Skinny”; “we had settled first at Fort Victoria”. *Skinny had always been rather reserved with George* [8, с. 74].

На лексическом уровне приём ретроспекции передаётся наречиями: “had always been reserved”, “Sometimes I heard”, “this was five years ago, in the last year of my life”. Подобные комментарии со стороны героя либо автора выполняют также и когнитивную функцию – подготавливают читателя к смещению внутреннего времени в рассказе и усиливают эффект ретроспекции – обычно это чувство сожаления по поводу утраченного прошлого и невозможности его вернуть.

Кроме ретроспекции, мы можем обнаружить обратный приём – применение проспекции. Категория проспекции представляет особый интерес при изучении психологического рассказа, так как именно проспекция психологически настраивает читателя на события, которые должны будут случиться. Не раскрывая сути этих событий, проспекция в тексте выступает в роли интриги, которая захватывает читателя ожиданием и предвосхищением последующего развития сюжета.

В данном рассказе проспекция используется при изложении следующего события: Нидл и Джордж встречаются внезапно по дороге домой – они разговаривают – вспоминают про секрет Джорджа и обещание Нидл – Джордж собирается убить Нидл до того, как она отказывается хранить его секрет.

В данном случае проспекция – ожидание убийства Нидл, используется в непосредственной близости с ожидаемым событием, что держит читателя в напряжении.

Проспекция в этом рассказе выражена модальным оборотом будущего времени “to be going to”: “*But everything is going to be all right now*”; модальным глаголом “will”: “*You will keep my secret, won't you?*”; использованием условных предложений “*If Kathleen intends to marry you, I shall tell her that you are already married*”, а также лексическими средствами: “*Not another soul passed by*”, “*and finally...*”, “*he looked as if he would murder me...*” [8, с. 78].

Таким образом, приёмы проспекции и ретроспекции, несовпадение сюжета и фабулы приводят к сдвигам во внутреннем времени назад или вперёд, к сжатию или расширению временного пространства, что позволяет читателю заглянуть в прошлое героев и найти там причины их нынешних поступков, заглянуть в будущее и предвидеть возможный исход ситуации.

Проанализировав другие рассказы М. Спарк (“The Very Fine Clock”, “The Dark Glasses”, “Black Madonna”) с точки зрения соотношения их сюжета и фабулы, было выявлено, что приёмы ретроспекции и проспекции встречаются практически в каждом проанализированном рассказе. Частое использование этих приёмов обусловлено стремлением автора заинтересовать читателя, представить ему загадку, интригу и заставить строить свои собственные гипотезы, при этом постоянно поддерживая интерес читателя новыми порциями информации, «ключами» к отгадке.

Стоит отметить, что приём ретроспекции чаще встречается в начале рассказов. Информация о прошлом героев даётся не сразу, лишь постепенно начинает складываться общая картина. При этом одна ретроспекция может следовать за другой, отнесённой ещё дальше во времени, что мы видим в рассказах М. Спарк “The Very Fine Clock” и “The Portobello Road”, при этом, чем глубже читатель погружается в прошлое героев, тем ближе становится для него художественное время – пространство рассказа.

На примере рассказа Мьюриэл Спарк “The Dark Glasses” чётко прослеживается несовпадение сюжета и фабулы.

В рассказе “The Dark Glasses” речь идёт о том, что случилось с мисс Симондс, сестрой окулиста мистера Симондса. Окулист Бэзил Симондс, живущий вместе со своей сестрой Дороти Симондс, пытается подделать завещание матери, но его застаёт видящая одним глазом сестра. На следующий день Дороти Симондс закапывает здоровый глаз каплями, в которые было подмешено другое лекарство.

Рассказ начинается со встречи Джоан с доктором Грэй, женой Бэзила Симондса, затем идёт описание самой ситуации, и заканчивается рассказ разговором Джоан с доктором Грэй, представленным в самом начале.

Для рассмотрения временной и пространственной перспективы представим фабульный и сюжетный порядок событий в рассказе в следующей таблице:

Таблица 2

Сюжетно-фабульная организация рассказа М. Спарк “The Dark Glasses”

Фабула	Сюжет
Первый визит к доктору Симондсу	Разговор с доктором Грэй
Второй визит к доктору Симондсу	Первый визит к доктору Симондсу

Эпизод с завещанием	Второй визит к доктору Симондсу
Третий визит к доктору Симондсу	Эпизод с завещанием
Эпизод с каплями	Третий визит к доктору Симондсу
Обвинение сестрой доктора Симондса	Эпизод с каплями
Признание вины доктором Симондсом	Обвинение сестрой доктора Симондса
Разговор с доктором Грэй	Признание вины доктором Симондсом

Из представленной таблицы видно, что события в рассказе развиваются не по прямой линии. Автор использует ретроспекцию и проспекцию.

Приведём один из примеров ретроспекции: *"It was then I recognized her from the past, her face looking up from the lake"* [8, с. 217]. Ретроспекция прослеживается в использовании автором времени Past Perfect: *"...and I looked at her as she spoke through my dark glasses...I saw her again as I had seen her looking up from the lake, and again as in my childhood..."* [8, с. 217]. В форме Past Perfect выражается временной сдвиг событий, предшествование и завершенность действия к моменту речи в прошлом, которое выражено в Past Indefinite. Кроме того, выражение *"as in my childhood"* конкретизирует действие во времени.

События некоторых рассказов представлены в порядке, обратном хронологическому, когда герой в настоящем времени рассказа описывает события, произошедшие с ним в прошлом. Например, в рассказе *"Black Madonna"* звучат слова: *"She must have gone with one of their niggers that used to come"* [8, с. 35]. Таким образом, все события смещаются в прошлое, и ретроспекция охватывает всю структуру рассказа.

Подводя итоги проведённого анализа, необходимо отметить, что в исследуемых нами рассказах Мьюриэл Спарк сюжетный и фабульный порядок событий не совпадают. В качестве средств выражения сюжетно-фабульных отношений используется проспекция и ретроспекция. Основными средствами выражения проспекции и ретроспекции в рассказах Мьюриэл Спарк являются в первую очередь глагольные формы, также категории текста выражаются лексически и реже синтаксически. В целом, художественное время в исследуемых рассказах репрезентируется с помощью лексических средств, повторов, параллельных конструкций, стилистических приёмов. Таким образом, несовпадение сюжета и фабулы в текстах анализируемых рассказов создаёт эффект тайны, которую читателю необходимо разгадать.

Категория художественного времени – это сложная комплексная категория, которая объединяет и подчиняет себе такие категории как пространственно-временной континуум, сюжетное время, проспекцию, ретроспекцию и др. Эти текстовые категории являются основными сюжетно - и структурообразующими составляющими художественного времени.

Ретроспекция и проспекция как выражение сюжетно-фабульных отношений наглядно представлены в психологических рассказах, которые требуют многокомпонентного сюжета, на первое место здесь выходят не чисто стилистические, а композиционно-стилистические приёмы, и это, в свою очередь, требует от автора не описаний места событий, а хорошо продуманного сюжета.

Список литературы

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 2-е. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 105-113.
2. Женетт Ж. Фигуры. В 2-х т. Т. 2. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. 472с.
3. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
4. Рикёр П. Время и рассказ. Т.1. Интрига и исторический рассказ. М., СПб.: Университетская книга, 1998. 313 с.
5. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект Пресс, 2003. С. 179-243.
6. Тураева З. Я. Лингвистика текста. Текст: структура и семантика. М.: Просвещение, 1986. 127 с.
7. Филистова Н. Ю. Структура и семантика детективного нарратива (на материале текстов английских и русских рассказов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2007. 25с.
8. Spark M. Stories. Moscow: Raduga Publishers, 2001. 192 p.

Сведения об авторе:

Филистова Наталья Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и переводоведения БУ ВО «Сургутский государственный университет». E-mail: nataliafilistova@yandex.ru.

LINGUISTIC PECULIARITIES OF THE CATEGORY OF TIME (ON THE BASIS OF PSYCHOLOGICAL STORIES BY M. SPARK)

N.Yu. Filistova

Surgut State University,
1, Prospect Lenina, Surgut, Russia, 628412

The Abstract: *The present paper is devoted to the study of linguistic peculiarities of the category of time in the literary text. Particular interpretation of time, complex interweaving of various time layers, breaking up the chronological order of events, interruption of their sequence are especially significant for the literary texts of the XX century. Artistic time is a representation of actual time from different points of view; it is a peculiar aspect of the artistically depicted reality and at the same time a constructive element of the text. The course of time in the literary work is different from real time, since the author can select those events that, from his/her point of view, are the most significant and, on the contrary, compress less important ones. The research is carried out on the basis of psychological stories of the English writer Muriel Spark. In the centre of Muriel Spark's stories is the inner world of a person which is revealed by means of time shifts, compression or extension of time frames. All sorts of time deviations, time shifts, violations of real sequence of events arouse interest of scholars who examine time relations in the literary text. In our research of the category of time we use methods of textual and structural analysis which show that story-plot order of events does not coincide. It creates an effect of mystery, enigma that a reader should solve. Artistic time in the analyzed psychological stories is being represented by means of lexical and stylistic devices, different repetitions and parallel constructions. The most important role in the formation of the category of time belongs to the text structure. The basic means for expressing time in the studied texts are flashback and flashforward.*

Key Words: *category of time, psychological story, space and time, continuum, story, plot, flashforward, flashback*

References

1. Galperin I.R. Tekst kak obekt lingvisticheskogo issledovaniia [Text as an object of linguistic research]. Izd. 2-e. M.: Editorial URSS, 2004, pp. 105-113.
2. Zhenett Zh. Figury. V 2-h t. T. 2 [Figures. In 2 vol. Vol 2]. M.: Izd-vo im. Sabashnikovykh, 1998. 472 p.
3. Lotman Yu.M. Struktura hudozhestvennogo teksta [Structure of the artistic text]. M.: Iskusstvo, 1970. 384 p.
4. Rikyor P. Vremya i rasskaz. T.1. Intriga i istoricheskii rasskaz [Time and story. Vol.1. Intrigue and historical story]. M., SPb.: Universitetskaya kniga, 1998. 313 p.
5. Tomashevskii B.V. Teoriia literatury. Poetika [Literature theory. Poetics]. M.: Aspekt Press, 2003. pp. 179-243.
6. Turaieva Z. Ya. Lingvistika teksta. Tekst: struktura i semantika [Linguistics of the text. Text: structure and semantics]. M.: Prosveshcheniie, 1986. 127 p.
7. Filistova N.Yu. Struktura i semantika detektivnogo narrativa (na materiale tekstov angliyskikh i russkikh rasskazov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Structure and semantics of the detective narrative (on the basis of texts of English and Russian short stories): synopsis of the dis. ...Cand. Sci. (Philol.)]. Tyumen, 2007. 25 p.
8. Spark M. Stories. Moscow: Raduga Publishers, 2001, 192 p.

About the author:

Filistova Natalia Yurjevna – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Linguistics and Translation Studies. SurSU. E-mail: nataliafilistova@yandex.ru.

* * *

Уважаемые читатели!

Подписаться на наш журнал можно по полугодиям в дни открытия подписки
в почтовых отделениях России и стран СНГ.

Подписной индекс в каталоге АО «Агентство Роспечать» **80991**.

Научное издание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО № 3 (15) 2018

Главный редактор: В.А. Иовенко.

Корректурa: Т.А. Ивушкина

Компьютерная верстка: Д.Е. Волков

Распространяется по подписке. Подписной индекс в каталоге АО «Агентство Роспечать» 80991.

Цена свободная.

Подписано в печать 10.09.2018 г. Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 17.25. Тираж 500 экз. Заказ 1267.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России:
119454, Москва, пр. Вернадского, 76.